

Приют старого Готомана

**Противостояние
Миртана**

Annotation

Долгая и суровая зима вынудила орков Нордмара начать наступление на юг, на плодородные равнины королевства Миртана. Удастся ли людям под предводительством короля Робара Второго выстоять в этой войне?

Глава первая. Угроза с севера

Кто знает, с чего все началось. Может, виноват лично король Робар Второй, границы королевства которого зашли слишком далеко на север. Может, виновата суровая зима, когда деревья погибали даже в Миртане, не говоря уже про Нордмар. А может, виновата извечная тяга орков к дракам и войнам. Кто его знает? Иннос, Белиар, может, Аданос? Хм, возможно...

Пауль, молодой парень, принадлежавший к старинному роду монтерских купцов, налил себе в стакан еще немного вина.

— Далёко орки?

— Да не, — ответил ему трактирщик, неусыпно следивший, чтобы посланник с юга не ушел не заплатив. — Меньше дня пути. Говорят, палadini задержали их неподалеку от Клана Волка, но сам, наверно, знаешь, каков Нордмар. Там тысяча и одна дорога, так что вполне могу себе представить, что парочка тварей сидит где-нибудь в кустах около передовой линии.

— Понимаю, — усмехнулся Пауль. Все свои дела в Фаринге, крепости, державшей под контролем проход из Нордмара в Миртану, он уже завершил. Дела были не слишком примечательными: завезти продукты, узнать последние новости да забрать раненых. Последних набралось аж двадцать человек, и Паулю, судя по всему, придется возвращаться в Монтеру пешком, так как телег не хватало даже на этих бедолаг.

— Слухай, возьмешь дочку мою с собой?

— Какую дочку, ты о чем?

— Ну ты сам понимаешь, орки, все такое. Тут каждый день сотни мужиков проходят в обе стороны, я все боюсь, как бы не забрал себе ее кто. А в Монтере у меня брат живет младший, он ее приютит.

— То есть, то, что брат ее заберет, ты не боишься? — усмехнувшись, спросил Пауль.

— Ты чего говоришь?! — взревел трактирщик, так что даже пара солдат, сидевших в углу, подняли головы. — Не хочешь брать — так и скажи.

— Да ладно-ладно, — поднял руки монтерец. — У нее час на сборы — я сегодня уйду.

— Даже не утром?

— Время — деньги, старик. В Монтере-то она не потеряется?

— Найдет! Правда, она не была там никогда, но, надеюсь, ненадолго она туда уезжает.

— Как звать-то брата твоего?

— Ператур, алхимик он.

— Знаю, знаю, — протянул Пауль. С этим вечно ворчащим мужчинкой он был, скажем так, в очень натянутых отношениях. Одна судебная тяжба, по которой отцу Пауля пришлось выплатить алхимику триста золотых, чего стоила. Эх! — Ладно, полтора часа дам. Жду ее у моста, если опоздает — пойдет одна.

С этими словами монтерец поднялся из-за стола, бросил несколько золотых и, слегка прихрамывая, отправился на улицу.

Интересно, она красивая хоть, девчонка-то эта? И лет ей сколько? Пауль подумал, что, когда они будут останавливаться на ночь в Готе, стоило бы пригласить девушку к себе в комнату, которую ему наверняка предоставит двоюродный брат отца Генвик. Страшно представить, сколько же у него родни...

Дальние предки Пауля, судя по всему, были любимы королем Робаром Первым, а отец часто поговаривал, что, если бы не золото и сталь Грегориуса Окарского первого (да, Пауль по папиной линии носил также прозвище, произошедшее от огромной шахты к юго-востоку от Сильдена), то черта с два бы войска северян выбили бы орков с побережья. А так теперь его потомки поочередно носили титул герцога Сильдена, Окары и Монтеры. Ветка по отцу, отколовшаяся от основного рода Окарского лет семьдесят назад, ушла в торговлю, но до сих пор губернатор главного торгового города Миртаны привечал Пауля как родственника, пускай и дальнего.

Сам же Пауль, которому к этому моменту едва исполнилось семнадцать, большей частью бегал по поручениям отца, «постигал науку великую», как поговаривал предок. В принципе, долей своей он был доволен, изъездил практически всю Миртану, даже в Браго, что на севере Варанта, побывал, а уж скольких девок повидал... Бывало, напившись, он полночи без умолку рассказывал о своих амурных похождениях старым своим друзьям, отпрыскам богатых семей Монтеры.

— Всех погрузили?

— Да, — бросил в ответ главный погонщик волов Санфорд, работавший на отца уже сорок лет, из-за чего позволял себе грубить и дерзить «младшему сынку» Паулю. — Если ваша светлость соизволила накушаться пивом, мы пойдем.

— Подождем еще немного. У нас спутники.

— Какие еще спутники? Отряд королевской гвардии?

— Все куда лучше, Санфорд. Дочка трактирщика, которую он попросил проводить до Монтеры.

— А чего не мать-старушку до Иштара? Караван стоит из-за хрени какой-то...

В другое время Пауль согласился бы со стариком, но предвкушение жаркой ночи с пока еще не знакомой ему дочкой трактирщика перевешивало все доводы. И он послал Санфорда куда подальше.

Впрочем, ожидания она, пусть и не совсем, оправдала. Хоть про нее и нельзя было сказать, что она тонка, как жердинка (именно такие девушки были во вкусе отпрыска монтерских купцов), но природная милота, добрый взгляд и длинные рыжие, как пламя жаровни, волосы, могли обворожить любого. Конечно, будь у Пауля выбор, он бы посадил ее на лучшее место в телеге с самым мягким ходом, но, увы, почти все они были заняты ранеными солдатами. Поэтому развлекать ее смешными и не очень историями приходилось на ходу. Конечно, она смеялась, харизма Пауля делала свое дело безупречно, но цельного диалога все никак не получалось. То Санфорд, шедший в конце колонны, догонит и потребует поглядеть, не расшаталось ли колесо телеги, то вол надрывно замычит. Впрочем, все рано или поздно заканчивается, благо до Готы было рукой подать.

Родственник Генвик, сорокалетний карлик с противным скрипучим голосом, долго возмущался, но все же приказал слугам приготовить комнату для «господина мальчика». Пауль в ответ сухо поблагодарил его, сделав у себя в голове заметку рассказать отцу пару гадостей про Генвика. Заслужил, скряга.

Девушка, которую, кстати, звали Юстина, хотела уже было лечь в освободившихся телегах (раненых прибрали паладины из крепости Готы), но Пауль пригласил ее на пинту грога в таверну, которой Генвик, собственно говоря, и владел.

Интересно, на сколько она потянет? Девки, с которыми обычно крутил Пауль, обходились ему в среднем в две-три сотни золотых, из которых половину составляла аренда тихих комнат с теплыми ванными, дорогим вином и жарко натопленными печами. Но здесь была совершенно другая ситуация.

Юстина, несмотря на кажущуюся простоту и происхождение, отнюдь не желала прыгать в постель к молодому богачу. Смеяться, выпивать — это да, но на что-то большее... Даже обнимать себя не давала, чем еще больше раздражала Пауля.

Когда в крепости пробили отбой, парень понял, что пора идти ва-банк — он пригласил девушку посмотреть комнату на ночь.

Впрочем, должное Генвику отдать стоило. Комната, располагавшаяся на втором этаже таверны, прямо над кухней, действительно радовала глаз. Дивная широкая кровать с новыми простынями, на резном столе — бутылка вина и две пустых кружки, дрова в печке потрескивали, а окна выходили в лес, а не загаженный проходимцами двор. Определенно, она стоила своих денег.

— Милая комнатка, — протянула Юстина, осмотревшись. — И даже теплая.

— А то! Чтобы мне кто-то из родственников непрогретую комнату дал... Это ж пятно на репутацию.

— У тебя много родственников?

— Конечно. У кого их мало? Иногда я встречаю какого-нибудь торговца в Монтере и думаю, он, случаем, не родня мне? Может, попросить у него взаймы? Или наоборот, одолжить сотню-другую золотых до пятницы?

— Сотня — это большие деньги.

— Не сказал бы, милая, — Пауль тихо торжествовал. Если для этой дурочки из Фаринга сотня — это много, то что она скажет на три-четыре сотни? — Это пара-тройка посиделок в трактире с друзьями. Или же с такой прелестной красоткой, как ты.

— У меня у отца это вышло бы дай Иннос в десятку.

— Конечно, прости, если я немного грубости позволю себе, но заведение твоего отца пусть и довольно приятное, но ему все же не тягаться с лучшими монтерскими, и уж тем более венгардскими кабаками.

— Ты, я смотрю, много уже их перепробовал.

— Не очень, — Пауль погладил девушку по руке, за что удостоился недовольного взгляда. Пускай, главное — преодолеть барьер. — Но по роду своей деятельности я вынужден часто в них сидеть. Иногда по делу, иногда нет. Но в моей профессии важно все, в том числе, и знание местных трактиров.

— Хорошая же у тебя профессия.

— Не жалею, но порой поездки надоедают. Хочется уюта, домашнего тепла, красивой девушки рядом. Прямо как сейчас. Думаю, тебе стоит прилечь, — Пауль элегантно жестом указал на кровать. — Но не засыпай — я пока пройду, посмотрю, что там да как, и скоро вернусь.

— Зачем?

— Как зачем, — парень провел холодным пальцем по ее теплой мягкой шее, слегка оттянув ворот платья, отчего девушка вздрогнула. — Чтобы присоединиться к такой красивой девушке...

Правда, поцеловать в открытую шею Юстину не вышло, а последующие действия девчонки вообще привели Пауля в некоторое смятение. Да что там смятение, он, мягко говоря, потерял дар речи после того, как скромная до той поры дочка трактирщика схватила лежавшую подле печки кочергу и что было силы огрела ею похотливого

парня по бокам (благо, орудие не было раскалено).

— Ты чокнулась что ли?!

Пауль попытался выхватить оружие из рук девицы, но та, несмотря на кажущуюся медлительность, сумела увернуться и ударить еще пару раз, отогнав Пауля к двери.

— Иди к Белиару!!! — завизжала Юстина и захлопнула ее перед самым его носом. Пауль остался стоять на лестничной площадке с ошарашенным видом. Вот же сука!

Откуда-то снизу раздался ехидный смешок:

— Ну что, любовник, пошли к нам под звезды. Только смотри, не замерзни.

Это был Санфорд. Вот же варжий сын!

***

Древко Краш Тарагха уже порядком натерло плечо Долока. Благо, наконец долгий спуск закончился, и скоро огромный отряд под командованием Умбрака наконец встанет на ночевку. Насчитывающий примерно сто семьдесят воинов и сотню разведчиков, он двигался вторые сутки, отделившись от армии всеобщего вождя орков Кана под Кланом Молота. Сам главнокомандующий отправился на юг, в сторону Фаринга, бывшего костью в горле у любого воина, желавшего подчинить себе королевство Миртана.

Сильден, город рыбаков, охотников и лесорубов, представлялся легкой добычей. Кругом только поля, хижины (и то не все) защищены лишь частоколом из бревен, военный контингент минимальный... Да уж, в самом деле задачка для Умбрака, обожавшего заниматься карательными операциями, но бывшего посредственным командиром. Главное — взять его тихо, после чего сразу пустить вестового в Нордмар, а затем уже принимать в гости легионы орков с севера.

До него оставалось всего ничего, но у Долока уже тряслись руки то ли от нетерпения, то ли от усталости. Да когда же этот гнусный старик протрубит привал? Скоро уж утро, а все...

— Привал! Костры прятать! Копайте ямы! Ничто не должно нас выдать! Выставить два кольца дозорных. Бегом, бегом!

Уж что-что, а быстро собирать походный лагерь орки умели. Не прошло и получаса, как застреляли углями маленькие костры, замаскированные густой порослью молодых деревьев или же стенами неглубоких ям.

Наскоро закусив сушеным мясом с флягой снеговой воды, Долок положил рядом с собой свое оружие, Краш Тарагх (огромная алебарда, весившая столько же, сколько и ребенок морра), и лег на наскоро собранную кем-то из молодых орков-разведчиков подстилку.

— Долок, Белиар тебя подери! — обратился к воину его командир, по имени Сапотек. — Где дрова к моему костру?

— Я похож на раба-морра? Найди кого-нибудь из разведчиков и приставай к ним.

— Кем ты себя возомнил, орк?! Забыл, кто тут главный?

— Я помню, — скучливо ответил Долок, единственным желанием которого было погрузиться в глубокий сон. — Но у меня нет желания быть орчонком на побегушках. Благо, ты не Умбрак. Я ложусь спать.

Сапотек ругался очень долго, но Долок только сгреб под себя побольше еловых веток и повернулся на другой бок. Пусть ругается сколько хочет, ничего серьезного он сделать не сможет. Все началось еще в Нордмаре, когда орки стояли на привале, ожидая руководство, пытавшееся решить, кто пойдет на Сильден, а кто — на Фаринг. Тогда Сапотек, только-только назначенный руководить достаточно большим отрядом в тридцать орков, долго распинался перед своими подчиненными у костра насчет глупости командующего Умбрака. Причина, впрочем, на то была, и даже не одна. Лично сам Долок предпочел бы, чтобы он попал в отряд к Мубраку*, но того, по слухам, Кан берег на какое-то уж очень важное для орков дело. А кто такой Долок, чтобы попадать в элитные отряды? Бывший охотник, двухсот девяносто лун отроду, пробившийся в воины только за счет мастерского владения Краш Тарагхом, хотя до этого в боевых столкновениях не участвовал. Не считать же битвами драки между орками за теплый шатер в походе, правильно?

Умбрак же славился своей кровавой жестокостью. С морра он мог живьем сдирать кожу для устрашения или же просто удовольствия ради. Тактическими талантами он не обладал, но зато прекрасно разбирался в душах орков, из-за чего окружил себя умными помощниками. За этот счет он и поднялся до таких высот.

Так вот, Сапотек дошел до того, что высказал идею, что Умбрака пора убрать обратно на север, к орчихам и старикам. На резонное замечание одного из воинов о том, что о подобном не стоит говорить, по крайней мере, вслух, он пьяно расхохотался и велел знать «всяким вшам» свое место. Ну а Долок, просто проходивший мимо, предостерег, что такие речи могут дойти и до самого Умбрака. Вроде ничего особого, но Сапотек с тех пор все боялся, что орк все-таки донесет на него командующему. Долок хоть и не собирался делать ничего такого, но иметь такой инструмент влияния в своих руках — что может быть лучше?

С этими мыслями Долок и заснул у легонько потрескивающего костра, не обращая внимания ни на ворчание молодых разведчиков, ни на ругань младших командиров, ни на рев голодного мракориса далеко в лесу. Впрочем,

сон, сладкий и крепкий, как хорошая медовуха, был прерван достаточно быстро. Еще не успело над Миртаной подняться солнце, как над ухом раздался гаркающий голос орка Шаррака, бывшего заместителем Сапотека и стоявшего ночью на страже:

— Вперед! Поднимаемся! Наша позиция — берег Большой реки, и не дай Белиар, чтобы кто-то вздумал жалеть морра! Отрублю голову трусам! Вперед! Шевелись!

Долок легкой трусцой двинулся вслед за Сапотеком. Уж чего-чего, а голову терять не хотелось. Перейдя вброд небольшую лесную речушку, отряд Сапотека выбрался на распаханную равнину и наконец достиг Большой реки, берущей начало где-то в горах на востоке. Сильден был недалеко, и он уже не спал — на сторожевых вышках во всю свою мощь гудели сигнальные рожки, предупреждая об опасности...

Глава вторая. Миртана в опасности

План Умбрака был прост, как жарка мяса. Его огромный, в двести с лишним орков, отряд разделился на три части. Первой из них, усиленной вдобавок пятнадцатью умелыми арбалетчики, руководил Сапотек. Этот отряд располагался на берегу Большой реки, и должен был продираться сквозь территорию, на которой повсюду стояли обгорелые пеньки — судя по всему, морра собирались тут что-то строить или разбивать поле. Вторым направлением заведовал лично Умбрак. Там было сосредоточено почти две трети всех орков. Занятые ими позиции располагались на обоих берегах левого притока Большой реки, берущего свое начало где-то далеко в горах на севере. Между этими двумя отрядами, в глуши леса, за кладбищем морра, прятались воины орка Трагака, протеже любимого шамана Умбрака, по имени Громпел. Как всю эту ораву до сих пор не заметили морра, было неясно.

Так, что же о плане Умбрака... Он, как уже было сказано выше, не отличался изысками. Ударить одновременно с трех направлений, взяв морра врасплох. Впрочем, поставить какой-нибудь заградительный отряд с юга, дабы отрезать Сильден от возможного подкрепления из, например, Гельдерна, Умбрак не догадался, что заметил даже Сапотек. Впрочем, говорить об этом, и уж тем более делать что-то, командир Долока не стал. Еще чего, потом можно будет упрекнуть старика-командующего, и, да поможет Белиар, занять его место. Конечно же, для Сапотека это было куда важнее войны с морра.

На удивление, у Долока совсем не было страха — слишком легкой мишенью представлялся этот Сильден. Ни крепостной стены, ни замка, ни нормального гарнизона. Ну гудят и гудят они в свои рожки, толку-то? В Гельдерне их не услышат. Хах, пусть думают, что выдержат. Они еще не видели, СКОЛЬКО орков пришло на захват. Ну, когда начало?!

Сквозь противный рев до слуха долетели глухие удары барабанов. Пора!

— Уру-Шака! — взревел Сапотек в первом ряду.

— УРУ-ШАКА!!!

Им вторил лес, им вторила река, рев рожков внезапно прекратился. Боевой орочий клич, вот единственный звук, который достоин висеть над этой долиной. Вперед!!!

Шаг, другой, и вот Долок уже бежит с Краш Тарагхом наперевес. Пелена застелила его глаза. Вперед, вперед!!!

— *Пускай!*

Из-за деревянных хибар с соломенной крышей вылетели стрелы, отнюдь не тот град, который ожидаешь, когда воюешь с морра. Неудивительно, что толку от этих выстрелов как от козла молока.

— Орк-Шака!

Отряд Трагака влетел в город, как торнадо. Морра бежали, даже не думая сопротивляться. Повсюду летели кровавые брызги, кричали раненые, кто-то из защитников города пытался принять бой. Безуспешно. В рыбацкий квартал Сильдена вошли орки Умбрака. Не обращая внимания на молящих о пощаде рыбаков и крестьян, они с ненавистью продвигались в верхний квартал города, в котором заперлись бургомистр с семьей и охраной. Со второго этажа городской управы стреляли из луков и арбалетов, несколько орков упали замертво, но Долоку было не до них. Случилось то, чего он так боялся. Несколько морра в форме армии трусливого короля бежали по мосту в Гельдерн.

— Сапотек!

Командир, только что снесший одним ударом голову какому-то старику, злобно посмотрел в направлении, которое указывал Долок.

— Черт! Долок, Белиар тебя дери! Бери орков и бегом за морра! — срывая голос, заорал Сапотек. — Вперед вперед!!! Не дай им уйти!

— Грубуц, Аршак, Яролл! За мной! — ни теряя ни секунды начал раздавать приказы орк. Раз уж сам командир решил поручить ему настолько важную миссию, то медлить не стоило. — Шевелите своими окороками!!!

Быстрее, быстрее, Белиара ради! Морра не отличались силой, да и воинскими умениями могли блистать далеко не все, зато как бегуны... Некоторых оленей преследовать легче, чем бросившихся наутек морра. Будоража всю живность в округе, двое морра повернули на перекрестке в сторону Гельдерна и принялись подниматься вверх по холму. Один из них подвернул ногу, но даже так орки отставали, сокращая дистанцию слишком медленно. Долок руганью и криками подгонял своих подчиненных, но...

Черт! Совсем некстати на дороге показался патруль гельдернской стражи. Заметив орков, они вынули оружие из ножен и велели сильденским беглецам ускорить ход. Долок не на шутку разозлился. Адреналин не давал ему толком соображать, и он с разбегу влетел в боевые порядки морра, раскинув их, но не убил никого, оказавшись в весьма невыгодной ситуации с незащищенной спиной.

— А-А-А-А-А! — глухо заорал Яролл где-то сзади — ему в ногу прилетел арбалетный болт.

Аршак сделал выпад, и стрелок упал на одно колено — из второй немедленно образовалась широкая рваная рана.

— *Мать твою!*

Широкий размах, и лезвие Краш Тарагха пронеслось совсем рядом с лицом морра. Тот сделал выпад копьем, но удар сбил Грубуц, отнял оружие и насадил солдата, как бабочку на иголку. Над головой просвистел арбалетный болт. Орк оглянулся — недобитый морра перезаряжал свой арбалет. Аршак рухнул наземь, и третий морра хотел уже было его добить тяжелый двуручным клинком, но Долок не замешкался и, будто спортивный снаряд, метнул Краш Тарагх в мечника.

— *Лови!*

Грубуц кинул Долоку ножны со своим Краш Варроком. Отлично! В два прыжка орк достиг раненого морра, который уже хотел было положить болт на направляющую арбалета, и снес тому половину туловища оголенным оружием. Быстрее, быстрее!

Долок бросил взгляд на дорогу. Двое морра, один из которых припадал на раненую ногу, еще не успели скрыться за поворотом. Благо, с арбалетом он обращаться умел. Слишком большое расстояние, но Долок стрелял оленей в горах Нордмара. Выдох, легкий толчок и звенящая тетива. Он попал, да, но попал в хромого — морра рухнул в придорожную канаву, а второй только ускорил ход, увеличивая дистанцию между собой и орками.

Долок уперся лбом в пыльную дорогу. О, Белиар! Он провалил свое задание...

***

Ператур оказался еще большей сволочью, чем его представлял Пауль. Едва он привел к алхимику Юстину, которая еще злилась на торговца, как тот разразился бранью и сказал, что места, ровно как и денег на содержание, у него нет. Вдобавок он велел племяннице искать работу на фермах, где как раз заканчивали с уборкой урожая. Пауль не знал, с чем была связана подобная реакция, то ли с нелюбовью к братцу из Фаринга, то ли потому, что за спиной девушки он заметил его, паулеву, физиономию. В общем, облом.

Юстина была готова зарыдать, когда Ператур хлопнул перед ней дверь, но делать нечего, надобно искать крышу над головой и хоть какую-нибудь работу, чтобы прокормиться. Монтера — город торговый, то есть богатый, и, следовательно, дорогой. Всякие младшие помощники старших крестьян влачили здесь достаточно жалкое существование. А вот служанки в богатых домах. Не переставая любоваться аппетитными ногами девушки, Пауль предложил ей работу в доме своего отца, на что Юстина, хоть и не без сомнений, но дала согласие. Уговорить своего родителя было несложно, хоть и без ругани не обошлось.

С тех пор прошло шесть дней. Подступиться к девушке Паулю так и не удалось — не дав отдохнуть и пары часов, отец послал его с караваном в соседний Трелис, где его дожидалась поставка нескольких дорогих товаров аж из самого Иштара. Прибыл парень как раз к обеду...

— Как дела на южной границе, сын? — спросил сразу по приходу отец, Герман Окарский, пятидесяти восьми лет от роду, толстый старик с хищным взглядом и не менее хищными повадками.

— Смутно, очень смутно. По рассказам Рассела (помнишь его?), ассасины готовят что-то. В Браго слишком тихо, а вот в Бен Эрай собираются войска. То ли кочевников опять гонять по пустыне собрались, то ли отбить территории.

— Чертов Робар! — прорычал Герман. — Какого дьявола он сунулся в Варант? Какой идиот ему это посоветовал?! Угрохали полказны на войну, отвели войска с севера, теперь пожинаем плоды... Не удивлюсь, если чертовы песочники снюхались с орками, вера-то у них одна. Возьмут в клещи и что? Черт, точно придется нанимать корабль в Кап Дуне, чтобы хоть была возможность сбежать на Гердонию, а то рискуем потерять башку на этой проклятой войне. Ох... Лютеро, случаем, не в Миртане?

— Он уже лет двадцать как на Хоринисе обосновался, отец, — поправил родителя Пауль. — И с тех пор ни разу не показывался здесь.

— Давай без намеков своих, хорошо? Я прекрасно знаю, что ты хочешь наследство, только шиш ты получишь, понял? По крайней мере, пока не заслужишь его. Это мать твоя, упокой Иннос ее душу, с тобой носилась, как с хрустальной вазой, но не думай, что меня можно взять красивыми глазками. Скажи спасибо, что девку твою принял, тупую как скалку. Надо было ее на фермы отправить, пусть работает, а не тут сидит, задницу свою и без того большую отращивает.

— Кто бы говорил... — протянул Пауль, бросив взгляд на расплывшуюся за столом фигуру отца.

— Поговори мне еще, щенок. Где еда?!

— Уже несут, — ответил из глубины дома слуга.

Дом семьи Пауля, расположенный около южных ворот Монтеры, наверное, можно было назвать одним из самых богатых в городе. На первом, каменном, этаже располагались рабочие кабинеты, обеденная зала и небольшая приемная, в которой Герман принимал мелких лавочников, рабочих и прочих, кто не устаивался долгой аудиенции за кубком вина. На втором — спальни, милая терраса и запертая на четыре замка кладовая. Что

в ней хранилось, Пауль не знал, так как отец был с ним, так сказать, в натянутых отношениях.

Куда больше Герман Окарский любил своих старших сыновей, Лютеро, давно осевшего в Хоринисе, и Лотэйра, поступившего на службу в орден паладинов (не без отцовского золота, конечно), и ныне заведующего хозяйством в крепости Гота. Пауль же, самый младший из отпрысков, был любимцем матери, но вот отец... То ли он подозревал, что сына жена нагуляла с кем-то из лордов, то ли еще какую гадость... Из-за этого Паулю доставалось с самого детства, а после смерти матери пять лет назад, Герман стал гонять сына по всему королевству, сначала с одним из приказчиков, а после и одного. Пауль не помнил, чтобы прожил дома хотя бы две недели за последнее время.

Юстина, одетая в аккуратное платье горничной, одарила Пауля красивой улыбкой, но, отвлекшись, уронила тарелку со свежим хлебом. Кто-то из слуг громко выругался. Девушка густо покраснела и принялась подбирать упавшие предметы, но тут же раздался звон. Юстина уронила еще и серебряное блюдо со столовыми приборами. Отец покачал головой.

— Мать твою... Кого ты мне приволок, Пауль? Я знаю коров, которые аккуратнее носят пищу. Санфорд! — обратился он к слуге, который, на удивление, сидел с торговцами за одним столом. — После обеда выдай ей пятнадцать ударов и отправь на ферму овец стричь. Хотя нет — овец стричь умеючи надо. Пусть зерно на гумне молотит. А сейчас всем — приятного аппетита! Парень! Принеси еще хлеба и нормальных вилок, давай быстрее только.

Юстина с ужасом посмотрела на хозяев дома, но те не обращали на уже отработанный материал никакого внимания. Отца заняла тема побега с материка.

— Что еще узнал в Трелисе?

— Ничего такого, — без особого интереса ответил Пауль. — На перевале пару раз видели орков, да караван из Гельдерна потерялся. Не более.

— Не более? Целый караван? Парень, ты совсем идиот?

— Да мне кажется, это бандиты, не твари с севера. Иначе куда бы орки-то пошли. Тут все пути через Монтеру идут, а губернатор бдит.

— Бдит он, как же... Третий день пьяный лежит, всем секретарь его заведует. Как думаешь, скоро он помрет от такой жизни, а Санфорд?

— Не могу сказать ничего ясного, господин. Я не знаком с господином губернатором.

— Да его знает каждая свинья, пьющая под забором. Впрочем, тебя там не было...

Посидели еще примерно полчаса, а потом Санфорд отправился приводить назначенное наказание в исполнение, и Пауль уж хотел было пойти за ним, но его вдруг остановил отец:

— Погоди.

— Да?

— Чего я хотел сказать-то... Ты, парень, сегодня можешь посидеть дома, но завтра отправляешься в Кап Дун. Как хочешь, так и уговаривай местных, найди любую посудину, способную продержаться с грузом в море три дня. Понял? Делай что хочешь, но продержи посудину до моего приезда. Надо будет — нанимай громил и применяй оружие. На вопли армейских крыс и местных чинуш можешь не обращать внимания. Я постараюсь за неделю расправиться с делами, и мы уплываем на Гердонию. Все, свободен.

Пауль коротко кивнул и, вскочив из-за стола, отправился в сарай. Так называли складское помещение, расположенное в восточной части города, между главными воротами и кузницей. Именно здесь предпочитал проводить свой досуг Санфорд, и именно сюда приволокли Юстину, дабы всыпать ей пятнадцать ударов плетью.

Благо, парень успел. Старший слуга успел только разодрать на спине камизу, дабы удар чувствовался еще сильнее. Проклятый садист... Рвать-то зачем?! Юстина умоляла его остановиться, но Санфорд был непреклонен.

— Развлекаемся?

— Ты-то тут что делаешь? Иди работай, парень.

— Ну, собственно, за этим я и здесь. Решил помочь тебе в твоём нелегком труде палача.

— Уж справлюсь, не переживай, — слуга сплюнул на пол, поигрывая в руках плеткой. Уж слишком любил он наказывать слуг и крестьян, слишком...

— Это приказ.

— Чей, твой что ли? — издевательски спросил Санфорд.

— Да, мой, — твердо ответил Пауль. — Я сам.

Парень снял с себя дорогой кожаный ремень, на котором висели ножны с кинжалом и небольшой кошелек. Юстина, распластанная на широкой скамье, умоляюще посмотрела ему в глаза, но приказ отца нарушать не стоило. По крайней мере так, чтобы он об этом знал. Санфорд противно улыбнулся.

— Чего ждешь, парень? Давай!

Пауль сцепил зубы и нанес первый удар. Он вышел не слишком хлестким, даже слабым, но девушка зарыдала

еще громче. Два! С шумом пролетела материя ремня мимо уха. Три!

— Младенцы сильнее бьют! — фыркнул в стороне Санфорд.

Четыре! Спина Юстины пошла красными пятнами. Будь это плеть, на ней уже была бы кровь. Пять! Пауль сплюнул на пол, опустив руки. Хватит.

— Пять ударов это не пятнадцать, парень, я считать умею! — прорычал Санфорд.

— Ты забываешься, старик, — процедил в ответ Пауль. — И ты забываешь, где твое место. Жене своей указывай, что и как делать, пока я тебя на сечку не отправил, понял?!

Санфорд смачно сплюнул и вышел из сарая. Пауль выкинул ремень куда-то в угол и протяжно выдохнул, успокаиваясь. Руки его, на удивление, немного подрагивали. Странно. Юстина, распластанная по скамье, уже сползла на покрытую грязной соломой землю, все еще продолжая хныкать — несмотря на слабость ударов, все они были чувствительными, да и стыда от своего тела, прикрытого лишь разодранными лохмотьями платья, никто не отменял. Пауль бросил беглый взгляд. А ничего фигурка, не зря она ему понравилась.

— С-с-спасибо... — глотая слезы, произнесла Юстина.

— Ну, спасибо, как говорится, на хлеб не намажешь, — Пауль широко улыбнулся и прикрыл изнутри ворота сарая.

— Ч-что т-тебе надо?

— Ничего особенного, милая моя. Ничего особенного.

Пауль приблизился к девушке, которая тут же сгребла на себя все свои тряпки, прихватив еще кучу соломы. Парень рассмеялся.

— Ну-ну, успокойся, милая. Я не сделаю тебе ничего плохого.

Он подошел к ней вплотную и запустил пальцы в ее длинные волосы, задрал лицо и посмотрел прямо в глаза. Красивые же они у нее...

— Орки в Сильдене!!! Город пал!!! Все к оружию — приказ губернатора Монтеры!!! — раздалось с городской улицы.

Девушка бросила испуганный взгляд на ворота. Она уже не сопротивлялась, крупно дрожа от страха.

— Ладно, одевайся, — Пауль выдернул пальцы из волос Юстины и, застегнув ворот рубашки, вышел на улицу.

Жители Монтеры высыпали из домов, не веря в крики парнишки-глашатая. Но суровые лица проносившихся мимо солдат гарнизона всем своим видом давали понять, что это правда.

— Юстин...

— Д-да? — спросила она со слезами на глазах.

— Собери сегодня вечером все свои вещи. Завтра с утра уходим в Кап Дун, может, уберемся с материка, пока орки не захватили его. Оставляй тебя здесь мне неохота. Все, давай, умойся и приводи себя в порядок, я пошел.

Глава третья. Хаос

Эб гулко расхохотался, когда старушка из каравана что было силы огрела мотыгой семифутового бугая из его отряда.

— Давай, давай, бей его! Он же так...

Закончить фразу Эб не успел. Несмотря на неуклюжесть, бугай столкнул старуху в кювет и спустился вслед за ней с мечом наперевес.

— Быстрее, а то мне еще Ортеги с его головорезами не хватало! Или городской стражи... Бери все, что блестит, и уходим отсюда! Быстрее, быстрее!!!

Все заняло не более нескольких минут. Полуторачасовое сидение в засаде принесло свои плоды — добычу пожилая пара везла довольно-таки неплохую: немного посуды из серебра и золота, всяческая еда, какая-то бытовая мелочевка вроде лампадного масла или мотков веревки. По прикидкам Эба, добычи хватит как минимум на месяц. Все-таки информация, полученная от одного из монтерских бродяг, оказалась верной. Старики решили замаскироваться под бедняков, поскупившись на хоть какую-то охрану, за что и поплатились. Старик лежал в грязной луже, а бабульку добивал в придорожном лесу один из парней Эба.

Рецепт успеха заключался всего в одном из основных качеств человека — в беспросыпной лени. Из Монтеры на юго-восток Миртаны, в портовые Ардею и Кап Дун, вело два пути, один из которых пролегал через перевал и вел практически напрямик, а другой — в обход, через горы и леса. Разница в пути была небольшой — всего два-три часа, но, конечно же, большинство выбирало путь покороче, хоть он и считался более опасным. Испокон веков здесь обитали стаи волков и целые выводки кровавых шершней, но не этого стоило бояться. Эб с огромным трудом отвоевал сие хлебное место у банды Джека Черноглазого, отправив того с помощью городской стражи на рудники.

Почему же стража не поймала за хвост самого Эба? Все просто — плата в шесть-семь сотен золотых в месяц местному начальнику, и никто тебя не ищет. По крайней мере, ищут не столь рьяно, как могли бы. Да и сам главарь банды считал себя человеком осторожным. За последний месяц он потерял всего двух людей, и те сгинули по глупости: один высунулся из укрытия слишком рано, другой просто не умел драться. Для сравнения, тот же Черноглазый мог вернуться из похода без половины отряда. Дурак он и в Варанте дурак.

Лагерь бандитов неподалеку от Монтеры был незаметен издалека — заросший чем только возможно узкий вход в пещеру, разве что мятая трава и редкие участки вытопанной почвы могли выдать людей с большой дороги. Спустившись вниз, Эб прокашлялся, выгоняя пыль из легких, и зажег небольшую масляную лампу.

— Старшой! Это... как его... куда все девать?

— Пока оставь тут. Лукавый разберется. Лукавый! — обратился Эб к невысокому мужичку лет тридцати, с яростью чешущему свой нос. — Отложи еду в отдельную сумку. Посуду тоже отдельно — у нас на нее покупатель есть. Все остальное раскидай.

— Да дай ты мне хоть минуточку...

— Пасть закрой! Делай, что сказано, — злобно сверкнул глазами Эб. — Когда доделаешь, тогда и будешь спать. Помни, кто твой хозяин, и помни, откуда ты сбежал.

Лукавый проворчал что-то, но тут же отправился к повозкам. Дезертиров из королевской армии указом короля было принято сразу же отправлять на рудники Хориниса, а в случае нехватки времени — вешать на ближайшем дереве. Сбежал Лукавый еще в самом начале войны, когда орки только-только вступили на земли южного Нордмара. Зачем? По его словам, уж слишком там было холодно и слишком мало было баб. Можно подумать, здесь, в пещере, их много...

Впрочем, остаток дня утонул в безмолвии и страхе. Спустя некоторое время после прибытия банды в пещеру со стороны города прибежал паренек-дозорный, донесший, что из Монтеры выдвинулся большой военный отряд, направлявшийся, судя по всему, через Ардею в Венгард, хотя идти им было ближе через Фаринг. Хм, странно все это. Неужели орки так близко подобрались к срединному королевству?

До Эба редко долетали слухи о войне с орками, но то, что доходило, пугало бесстрашного, казалось бы, главаря. Вот-вот, и волосатые твари вторгнутся в земли Миртаны, и что будет тогда, не знал никто. Хотя, может, они уже отрубили королю Робару голову, а его тушку прямо сейчас жарят на костре, разожженном на алтаре городского храма Венгарда. А что, вполне себе занятная картина...

До самого утра никто из бандитов не мог позволить себе даже слова сказать, боясь обнаружения королевской армией. Против нее даже не стоило пытаться воевать, но не смерти боялись бандиты, а вечной ссылки на рудники Долины Рудников, откуда не возвращался никто из каторжан. Маги, посланные королем, установили над ними некий магический барьер, не позволяющий никому из заключенных бежать. Хуже тюрьмы и придумать было нельзя.

Едва лишь над горами забрезжил рассвет, Эб приказал Ивану, самому приближенному из своих подручных,

собираться «на прогулку».

Самым сложным в разбойничьем деле являлся не процесс ограбления (что в нем, Иннос его дери, может быть сложного?!), а сбыт награбленного. Некоторые вещицы прямо-таки вопили о своем темном происхождении. Герб древнего торгового рода, уникальное клеймо, еще какая мелочь — все это выдавало продавца краденного. В подобных вещах стоило иметь дело только с немногими проверенными людьми, не боящимися замарать руки. Да и вообще быть настороже.

Эб, собственно, и сам не понимал, почему обычно брал с собой именно Ивана, а не кого-то еще из банды. Может, потому, что он отличался даже еще большей жестокостью, чем главарь банды? А может, у них просто были схожи характеры? Черт его знает. Но его, переодетого в мешковатое крестьянское тряпье, не досматривал ни один из стражников. Что взять с этого ущербного? Кроме грязи и пары горстей зерна и нечего.

Как Эб и ожидал, через южные ворота, несмотря на, мягко говоря, тревожные времена, тупые стражники пропустили безо всяких вопросов. Куда больше проблем создала толчея напротив дома Германа Окарского, известного в Монтере купца, который, судя по всему, решил, что называется, валить. Волы и телеги с барахлом перегородили и без того узкую улочку, да еще и слуги торговца, видимо, перенявшие от своего хозяина гордыню, не спешили пропускать мимо себя путников. Руководил всем, судя по всему, сынишка Германа, еще толком не оперившийся птенец, за спиной которого от грозного взгляда (и не менее грозных слов) главы рода Окарских пряталась миловидная служанка.

— На кой черт ты эту метелку-то с собой берешь? Если места на корабле не хватит, она первой за борт полетит.

Сыну, судя по всему, было наплевать на увещевания старика — он пересчитывал мешки, укладываемые на телеги. Смелый парень, однако. Эб сделал про себя заметку как-нибудь поговорить с ним. Если он не боится идти поперек слова Германа Окарского из-за какой-то девки дворовой, то на что же он готов пойти ради истинного блага, золота?

Торговца, давнего знакомого, он заметил на рынке под крепостной стеной на севере города. В толчее затеряться было легко, да и никто не следил особо за передачей денег друг другу.

— Вы с товарами? По золотому с каждой единицы! — остановил их на входе чиновник.

Эб выругался сквозь зубы, велел Ивану отсчитать из казны банды нужное количество монет, сам же направился к торговцу.

— Иннос с тобой, друг мой! — широкой улыбкой поприветствовал тот главаря.

— Ага, он самый, — Эб пожевал губами. — Золото готово?

— Для начала я хотел бы посмотреть на твое предложение, о таинственный чужеземец, — торговец прищурился и широко улыбнулся.

— О, Иннос, да погоди ты! — нахмурился Эб — подобные игры были ему не по душе. — Иван, твою же мать! Где золотые блюдца? Шевели булками.

— Тута, — коренастый бандит с крысиными глазками и чудовищно низким лбом подал главарю требуемую посуду.

— Хорошо. Как тебе?

— Неплохо, — протянул торговец. — Триста, думаю, будет хорошей ценой.

— Триста пятьдесят, — поправил Эб. — Правда, думаю, эта сумма устроит нас обоих. Я же знаю, что ты продашь их за пятьсот-шестьсот.

— Черт с тобой. Заверни в какой-нибудь мешок. Не желаешь прикупить каких-нибудь припасов? Стрелы для лука, смола, жир кротокрыса. Можем поменяться.

— Уймись ты, Инноса ради, ты прекрасно знаешь, зачем я здесь. Отдай половину золота Ивану, половину мне.

Торговец пожал плечами и нырнул под прилавок. Повозившись с минуту, он распрямился и протянул Эбу плотно набитый мешочек.

— Считать будешь?

— Ты же знаешь, что если надуешь, я тебе буду живьем отрезать все, что можно отрезать, — не меняя выражения лица, произнес Эб. Оба они прекрасно знали, что это не пустые угрозы. Предыдущий партнер банды кончил именно так — его практически целым нашли в одной из придорожных канав. Тот придурок решил недодать всего лишь десяток золотых, но в подобных делах нельзя прощать и одного золотого. Все знали правила, и все должны были их соблюдать.

Сделка прошла как по маслу. Потолкавшись для виду еще полчаса на рынке, бандиты направились к выходу из города, причем Иван пошел впереди, дабы, в случае чего, предупредить об облаве.

Монтера жила своей обыденной жизнью. Где-то звенел наковальной кузнец, несколько подсобных рабочих носились с посылками, женщина на балконе какого-то богатого дома играла с ребенком, на площади перед крепостью собралась толпа, слушающая глашатая. Внезапно перед главарем возникла неприятная физиономия

Ивана.

— Эб!

— Да, что тебе? — с опаской поглядывая на толпу, собравшуюся перед только что закончившим свою речь глашатаем, спросил главарь.

— Там тебя спрашивают, — Иван показал куда-то в сторону городских ворот. — Меня за локоть схватили, сказали, тебя знают и хотят поговорить с тобой.

— Что за люди? — Эб прикусил губу. Не хватало еще, чтобы это был кто-то из остатков банды Черноглазого. Прирежут еще... Но вдруг это тот городской вельможа, с которым давно обещал свести его давешний торговец. Хм...

— Кто-то из торговцев...

Иван тут же спрятался за спину своего главаря. Эб покачал головой, дико выругался (так как дело хоть и принимало приятный оборот, но смещение планов ему никогда не нравилось) и принялся пробираться сквозь толпу, бурно обсуждавшую войну с орками. Битва что ль какая намечается?

У ворот в окружении трех могучих городских стражников стоял старичок с пером и свернутым свитком. Заприметив Эба, он широко улыбнулся и спросил:

— О, доброволец? Именем короля приветствую тебя в рядах ополчения города Монтеры!

— Какого черта? — возмутился Эб. Только этого еще не хватало.

— Орки на подходе к городу, и нам нужен каждый меч. Не медли же!

Эб обернулся, пытаясь найти поддержку хотя бы в лице ублюдка Ивана, но тот умудрился скрыться в волнующейся толпе. Солдаты не стали спрашивать его мнения. Кого-то уже волокли по земле, не обращая внимания на крики о протекции губернатора, праве на неприкосновенность и о чем-то еще. Эб понял, что смысла сопротивляться нет. Если он и попытается убежать, то его поймают и, может быть, и избьют.

— Куда идти?

***

Можно сказать, что они успели. Через час после прибытия Пауля и Юстины в Кап Дун местный градоначальник принял решение закрыть ворота из-за наплыва беженцев. Люди бежали отовсюду: из Гельдерна, из предместий Сильдена, да и из Монтеры, впрочем, тоже было много народу. Командир капдунской стражи громко ругался матом, пытаясь навести хоть какое-нибудь подобие порядка в огромной толпе, желавшей покинуть город. На рейде стояло всего три корабля, один из которых принадлежал королевской армии, но Пауль чувствовал, что, если орки прижмут, то взбунтовавшаяся толпа выкинет всех солдат за борт и отправится настолько далеко, насколько это вообще было возможно. Идея отца нанять корабль и держать оный до его приезда представлялась здесь, на месте, весьма глупой. Дай Иннос хватит места только для Пауля с Юстиной. Даже для одного Пауля... Впрочем, золото может решить любые проблемы, надо только понять, кому его надо дать.

— Да пусти ты на корабль, крыса тыловая! Ты не видел, что творится на севере!

— Орки пожгли Гельдерн, а сейчас, наверное, уже Робара на ремни режут!

— Помилуй, у меня дети! Их орки не пощадят...

— А ну молчать! Заткнулись все! Идет учет прибывших! — рывкал на беженцев чиновник-бюрократ, стоявший под тканью возведенной на скорую руку палатки. — Встать в очередь, мать вашу за ногу!

Пауль ухмыльнулся. Что ж, наверное, это тот самый человек, который был ему нужен. Растолкав очередь, парень пробился к регистрационному столу, на котором писари разложили постоянно скручивающиеся свитки и баночки с чернилами.

— Куда ты, ..., лезешь, крысеныш из богатых! А ну в конец очереди!

Вопившему Вернер, слуга, посланный отцом в помощь Паулю, молча врезал по зубам. Никто даже не вступился за упавшего ремесленника — все видели меч на поясе.

— Чего тебе, парень? — бросив короткий взгляд, спросил чиновник.

— Три места до Гердони, первым же кораблем.

— Я тебе что, ямщик? Билетики продаю?!

Пауль слишком много общался с людьми, чтобы поддаться давлению со стороны писаря. Побарабанив пальцами по висящему на поясе набитому кошельку, он повторил:

— Три места до Гердони. Я знаю, что здесь есть корабли.

По глазам чиновника было видно, что он с удовольствием послал бы Пауля куда подальше, но побрякивающие монеты возымели свое действие. Прощедив сквозь зубы ругательство, он спросил имена.

— Пауль Окарский, сын Германа, Юстина из Фаринга, Вернер из Монтеры.

— Что ж сразу-то не сказал, что из Окарских?! Завтра идет торговое судно на северные острова, в Гердони остановится. Капитана зовут Терри, где он шляется, я не знаю, — скороговоркой произнес чиновник. — Все, не мешай, кроме тебя тут еще сотня человек.

— Благодарю, — улыбнулся Пауль, запустил пальцы в кошелек и вытащил горсть золотых монет, положив их под носовой платок на столе. — Пойдемте!

В спины Пауля неслась ругань, на которую парню было плевать. Что ж, из Миртаны он уже, можно сказать, уплыл. Лишь бы орки не выдвинулись сюда, на Кап Дун. Да нет, вряд ли. Орки, конечно, имели большую и хорошо организованную армию, но, черт побери, не могут же они захватить всю страну за неделю! Слухам, исходящим от беженцев, он не верил — уж слишком они противоречили друг другу. Вместо этого Пауль аккуратно расспросил одного из армейских командиров, державших прибывших в Кап Дун в повиновении.

По словам этого статного мужчины выходило, что орки застряли на западе королевства. Безо всякого труда захватив Сильден, они уперлись в укрепления Трелиса и Гельдерна. По слухам, орков на этом направлении было слишком мало для полноценной экспансии, так как большая их часть находилась на севере, прорывая рубежи у Фаринга. Судя по всему, война должна была на некоторое время успокоиться, но беженцы горланили о другом.

— Да что ты их слушаешь?! Они завтра тебе расскажут, что орки телепортировались во дворец короля, или что один из их шаманов принял облик Робара, и теперь войны не будет. Я не первый год воюю, всякого наслушался.

— Они уже об этом говорили, — улыбнулся Пауль и попрощался с воином.

Чтобы не слышать криков и ругани беженцев, Пауль позвал своих спутник наверх, к маяку, куда, судя по всему, стекались самые богатые из беженцев.

Общий язык с капитаном Терри парень нашел очень быстро. Нашел он старого морского волка в одной из комнат пристройки к маяку в обнимку с неплохой такой бутылкой грога. После получения второй порции, купленной тут же у похожего на хорька трактирщика, капитан пообещал уступить свою каюту, что, собственно, и требовалось Паулю.

На вопрос о целях плавания Терри махнул рукой:

— Каторжников везем, мать их за ногу! Эти мерзавцы сейчас сидят в пещере под городом. Так что на день-другой заглянем в Хоринис, уж не обессудьте, а потом в Гердонию. Потом совсем на север. Надеюсь, больше сюда не вернусь. Уж слишком тут стало тревожно...

Пауль кивнул. Он знал, что, скорее всего, больше никогда не увидит родных для себя берегов Миртаны. Да и родными ли они будут через несколько месяцев, когда в его доме будет спать какой-нибудь орк, а сам он будет кочевать по островам вместе с Юстиной и Вернером. Впрочем, хотя бы в них можно было быть уверенным.

Глава четвертая. Маршем по Миртане

Впереди раздался какой-то шум. Долок инстинктивно вжался в глинистый берег реки, хоть наступающие сумерки и могли скрыть отряд орков.

— Тихо! Кто там?

— Морра ловят рыбу с лодки, но далеко, — проворчал Грубуц. — Передай по рядам назад, Аршак!

Долок радовался, что отчитываться за свой промах ему пришлось перед шаманом Громпелом, а не перед Сапотеком или Умбраком. В противном случае он бы ходил сейчас с разодранной плетью спиной или бы сторожил рабов где-нибудь в лесу. А может, все вместе.

Сильден дался оркам слишком легко. Со всеми прочими городами морра так уже не получится. Долок уже видел стены Гельдерна — ничего более высокого он еще не встречал. С этими укреплениями могли сравниться разве что стены крепости Фаринга или Готы, по слухам, считавшимися неприступными даже среди морра, куда более осведомленными в сложной науке фортификации. Но орк почему-то был уверен, что со временем даже эти твердыни падут. А пока что стоило заняться Трелисом.

Это поселение нельзя было назвать даже городом — так, небольшой форт на южной границе Срединного королевства. Он являлся важным стратегическим пунктом — именно из него морра контролировали перевал в страну пустынь под названием Варант, где правили единоверцы орков — хашшашины, воевавшие с морра на протяжении последних ста лун, если не больше. Как понимал Долок, Кан договорился с южным народом захватить Трелис, дабы открыть для орд хашшашин путь на север. Ну, или, по крайней мере, они могли обеспечить орков золотом и богатством. Но для начала необходимо было захватить крепость, вид на которую только что открылся оркам.

Укрепления Трелиса пришлись Долоку по нраву. Небольшой компактный форт, с трех сторон окруженный водой, а с четвертой из сумерек выглядывали тупые морды баллист. Штурмом эту крепость было можно взять, только имея очень большой запас удачи или живой силы. Черт, у орков не имелось даже осадных орудий — все они сейчас собирались в Сильдене с помощью доставленных из Нордмара умельцев и деталей. В лучшем случае доставлены они будут в течение луны, в худшем... Про это даже думать не хотелось.

— Трое — на ферму на холме! Смотрите, чтобы не нарваться ни на каких-нибудь шершней — их в этой местности выше крыши! Все, давай быстрее, — командовал орк, которого звали Заррак.

Долок, лежавший за поросшим мхом камнем, напряженно вглядывался в темноту. Морра на стенах либо молчали, либо переговаривались слишком тихо, чтобы их было слышно за четыре сотни шагов.

— Главное, чтобы эти придурки из отряда Вака не навели шороху на ферме морра, — проскрипел спрятавшийся рядом Грубуц. — У них хватит ума.

— Я понимаю, ты бы возмутился, если бы там был Сапотек, — ответил Долок. — Честно, иногда жалею, что не остался в Нордмаре, сидел бы сейчас у костра, жрал бы мясо с огня, а не лежал тут в грязи.

— Война — всегда грязь. Я удивлен, что морра не вырыли ров перед крепостью.

— Может, они заложили его ветками, и ты просто не заметил в темноте?

— Может. Когда же штурм?

— Тебе не терпится отрубить какому-нибудь морра голову?

— Почему бы и нет? Только в первых рядах лезть не хочу. Это верная смерть. Оценил уже укрепления?

— С другой стороны мы вряд ли возьмем. А с этой стороны мне не нравятся баллисты. Может, у них еще что есть?

— Пф, наверняка, — Грубуц перевернулся на спину. — Есть сушеное мясо. Будешь?

— Ты только сейчас об этом говоришь?! Конечно, давай.

Грубуц пошарил рукой в своей потрепанной сумке, откуда извлек на лунный свет два небольших приятно пахнущих кусочка оленины.

— Ох, не хватает только шнапса местного. Ты пробовал его?

— Нет еще, — помотал головой Долок. — Я не слишком люблю алкоголь. Да и сейчас война идет, в любой момент нам голову отрежут, а еще пьяным быть...

— Именно поэтому и стоит быть пьяным! — фыркнул Грубуц и в один присест поглотил кусок мяса. — Помирать трезвым — то еще удовольствие.

— Будто знаешь...

— Ха! Нет, разумеется. Но зато, как Белиар тоску пошлет, тут шнапс и поможет.

— Сопьешься.

— Нет. Главное — знать меру. Даже Мубрак, говорят, пьет.

— Да не ври! Мубрак — один из лучших полководцев, что я видел...

— Да кого ты видел-то? Умбрака? Сапотека, Белиар его подери?

— Сапотек тот еще полководец, конечно.

— Кто бы спорил... Я до сих пор помню, как он медленно, с удовольствием, подвешивал морра-рыцарей на деревьях. Забавно они тогда брыкались.

— Боюсь представить даже, что делают морра с пленными орками...

— Да ничего особого — отрубают голову. Правда, иногда они отправляют наших работать в шахты.

— А ты бы что предпочел? — усмехнувшись, спросил Долок. — Во втором случае хотя бы есть возможность сбежать и снова рубить морра.

— Ага. Жрать дерьмо из мелкой миски, терпеть удары плеткой и сидеть в грязи. Обожаю!

Долок было захохотал смехом, но тут же уткнулся лицом в землю, дабы не выдать свое местоположение перед морра громкими звуками. Нельзя было раскрываться.

Впрочем, продлилось все это недолго. Когда стало совсем темно, от ворот Трелиса вернулся небольшой отряд, состоящий из самых умелых разведчиков. Как оказалось, люди, охранявшие Трелис, держали ворота все время закрытыми, и быстрый штурм был бы невозможен. Оставался один вариант — осада. Хотя еще оставался вариант, описанный одним из древних мудрецов: «Даже самые надежные стены не спасут от вола, груженного золотом». Или страхом.

Вак считался достаточно умным командиром. И, признаться, план его был шикарен. Ровно в полночь, после условного сигнала, орки зажгли костры, а над долиной пронесся голос, многократно усиленный нависавшей над речной долиной тишиной:

— *Сдавайтесь, морра! Мы окружили вашу крепость!*

Минуту никто не отвечал, но потом со стены раздался противный визгливый голос:

— *Закрой свой рот, Белиарово отродье! И заведи своих скотов, пока им голову из арбалета не прострелили.*

Долок прорычал от таких слов. Грубуц, стоявший рядом, взвел арбалет и прищурился, выбирая цель. Но в темноте ни черта не было видно. Морра не испугались, безусловно, эффектного представления орочьего отряда.

Внезапно из темноты раздался крик. Кого-то из орков ранили. Грубуц пустил болт в сторону стены, но девяносто к одному, что не попал. В ответ на стенах зажглись огоньки — это были лучники, зажигающие свои снаряды.

— Прячься!

Залп. Десятки стрел, пущенных со стены, уткнулись в холодную землю, толком никого не задев. Грубуц, распластавшийся под одиноким кустом, грязно выругался, после чего прокричал: «Там!».

Долок обернулся. О, Белиар! Ну почему именно сейчас? Вдали, в районе дороги на Монтеру, показались огни факелов, и вскоре послышался рев сигнального рожка.

— Развернуть боевые порядки! Приготовиться к бою!

***

Меч, выданный Эбу в городских казармах, оказался ржавым, а рукоять его покрылась трещинами еще лет пятнадцать назад, наверное, и ее пришлось обрабатывать для гладкости камнем. Доспехи, а точнее, тряпье, выкрашенное в красный цвет, также не внушали доверия. Щита на него, естественно, не хватило. Да и черт с ним, в принципе. Он вообще надеялся, что вскоре удастся сбежать — воевать с орками в планы Эба не входило. Ну не верил он в успех армии Робара — уж слишком разобщенной и слабой она казалась даже со стороны, а уж внутри...

Офицер, которого звали Одо и который являлся непосредственным руководителем бывшего бандита, не понравился Эбу с самой первой их встречи. Уже по лицу этого гельдернского выроodka было видно, что ничего хорошего от него ждать не стоило. Впрочем, не то что по лицу, а по глубоко посаженным черным, как у мыши, глазам это читалось вполне себе ясно. Те солдаты, что прожили в казармах уже несколько дней, успели поведать бывшему бандитскому главарю о том, что замечен Одо был в поборах со своих подчиненных, да и в побоях тоже он любил участвовать. Более того, ходил слух, что в недавней кабацкой драке, завершившейся поножовщиной и смертью одного из участников, участвовал, пусть и будучи инкогнито, как раз таки этот парень.

Впрочем, и Эб ему не пришелся по вкусу. С самого первого взгляда он, как истинный зверь, распознал в бывшем бандите конкурента, и тут же, пользуясь своим служебным положением, принялся давить. Едва лишь Эб получил свое обмундирование, как Одо отправил его убирать дерьмо за волами, мирно пасущимися на ферме близ города под охраной королевской армии.

Естественно, ни на одну тренировку Эб не попал, да и сбежать никакой возможности ему не дали. Орки уже встали под Гельдерном, и приказом городского главы чиновники, как хозяйка метлой, выгребали из каждого угла всю монтерскую грязь. Любой мужчина от пятнадцати до пятидесяти лет, обладавший всеми конечностями или не обладавший достаточной для откупа суммой, отправлялся в казармы, получал в руки меч или топор, становясь под знамена Робара Второго.

Армии из этого, конечно же, было не собрать. По меньшей мере, способной устоять перед натиском хотя бы

маленького отряда орков. Это было не войско — толпа. Толпа насильно загнанных, уставших от бесконечной войны людей, не умеющих держать строй. Да что там строй, большинство и меч-то одноручный держало двумя руками, из-за чего Эбу все-таки удалось захватить щит, пускай щербатый и с болтающимися ручками, но средством защиты он считаться мог.

Впрочем, защититься он мог помочь далеко не от всех опасностей — и именно это подтвердилось вечером. В казармах, темном холодном помещении с крайне низким потолком, заставленным по обе стороны от входа двухъярусными нарами, в этот час было не протолкнуться — почти всех призванных на службу солдат разместили в бывшем погребе, где во время осады должны были храниться запасы.

Впервые за все время к солдатам спустился Одо, тут же принявшись показывать, кто тут главный.

— Ну что, сопляк, — подошел он к сыну какого-то мелкого торговца. — Как тренировка?

— Н-н-ничего, командир. Очень хорошо потренировались.

— Хорошо? — саркастично переспросил Одо. — Да ты бегал, как сенная копна! Мешок с дерьмом, что хорошо-то? Тебя первый орк однорукий на жаркое разделает! Сопляк...

Покончив с почти заплакавшим пареньком, Одо направился к сидящему неподалеку Эбу.

— Встать!

— Матери своей указывай, щенок, — огрызнулся Эб, уставший за день от бесконечной беготни. Авторитета Одо он не признавал. Когда командир, бывший моложе его лет на шесть, свирепея, словно бык перед красной тряпкой, подошел к нему, солдат вскочил на ноги и резким движением саданул лбом по носу офицера.

— Ай! — взревел Одо, хватаясь за разбитый орган. — Сука! Схватить его!

Эб и глазом моргнуть не успел, как тут же к нему сзади подскочило несколько бойцов и скрутило ему руки, после чего они с помощью силы уложили взбунтовавшегося солдата на пол.

— Мать твою! — брызгая кровью из разбитого носа, Одо схватил валявшийся в углу бадог. — Задержите ему рубаху, чего стоите, мать вашу?!

Солдаты с готовностью выполнили приказ. Эбу даже казалось, что некоторым нравится участие в этом мероприятии. Эти скоты громче других стонали от наказаний, терпеливо их принимая, а теперь в первом ряду идут бить своего товарища по оружию. Вот же мрази...

Первые три удара Эб стерпел, а вот последующие... Кажется, он даже потерял сознание. Единственное, что он запомнил, так это ругань инструктора Альрика, да чьи-то сильные руки, волочившие его по полу на улицу, под ледяной осенний дождь.

Очнулся он только под утро. Причиной пробуждения стало ворчание казарменного лекаря, обильно поливавшего свежие раны целебным зельем.

— Говорят же дураку, не лезь на Одо — и не таких козлов, как ты, обламывал. Так нет, мать твою, все дураки, один я умный...

Продолжая разговаривать с собственным разумом, лекарь убрал пустой пузырек в сумку на поясе и отправился в свою комнату в одной из башен внутренней крепости.

На удивление, ни одним словом Одо не обмолвился, да что там, даже не намекнул на произошедшие прошлым вечером события. Все прочие просто молчали, а те редкие взгляды, коих достаивался Эб, содержали в себе столько презрения, что впору было утопиться в ближайшей выгребной яме — даже чистой реки бывший бандит не удостоился бы.

Весь день прошел в непонятного вида тренировках. Альрик, безусловно, довольно талантливый инструктор, но даже он не смог бы уместить месячный курс подготовки (пусть даже очень посредственного) бойца в два дня. Призванные монтерцы бегали по внутреннему двору, пытались драться на деревянных мечах (благо, у Эба был небольшой опыт в этом деле), впопыхах наращивали мускулатуру, поднимая куски старого мельничного жернова над головой. Причина спешки вскрылась уже во время скромного обеда. К закату большой отряд должен был достичь Трелиса. Губернатор Монтеры, по совместительству являющийся командующим армией в регионе, выбрал отряды Одо и паладина Рассела, как наименее нужные в пределах города.

Судя по перешептываниям, отряд направлялся в Трелис затем, чтобы помочь местному гарнизону, потерявшему часть личного состава в многочисленных пограничных стычках с ассасинами, народом Варанта, и с бандитами, любящими нападать на многочисленные караваны, идущие через перевал. Эб мысленно взвесил все «за» и «против» и решил, что он сам не стал бы работать в том районе. Да, добычи было много, и она была богатой, но вот охрана... Каждый варантский торговец считал своим долгом защищать свой караван таким количеством бойцов, что у королевских чиновников, занимавшихся поставками руды с Хориниса, волосы бы дыбом встали. Да и пограничные войска по обе стороны перевала не жаловали разбойников. Вражда враждой, но дело, бизнес, должно работать.

Благо, хотя бы погода была сносной — за несколько часов пути на головы монтерских солдат не упало ни единой капли. Но под ногами чавкала грязью размытая многочисленными осенними дождями дорога. Пару раз

перед колонной из леса выскакивал шальной падальщик, но тут же убегал обратно под хохот и восклицания солдат.

Из-за ужасной дороги, буквально разъезжавшейся под шагами сотни ополченцев, отряд в срок уложиться не сумел, и мимо одинокой фермы, стоящей на берегу реки, последнего рубежа перед Трелисом, он прошел уже в сгустившейся темноте. Наиболее слабые духом уже начали поговаривать о привале, Одо, хмурый как грозовая туча, велел продолжать. До Трелиса оставалось всего ничего, как идущий по краю дороги, не в гуще народа, солдат произнес:

— Твою мать...

— Что стряслось? — без особого интереса спросил Эб.

— Рядом с Трелисом видны огни!

Вдруг впереди закричали:

— Орки! Орки!!!

— Приготовится к бою!

Эб вздохнул и достал меч из ножен. И трех дней не прослужил...

Глава пятая. Гердония

Он никогда не забудет бегство из Миртаны. Не забудет людей на берегу, кричащих вслед отчалившим лодкам. Ругань офицеров, по долгу службы остающихся в стране, чей час смерти был все ближе. Не забудет глаза Вернера, осознавшего, что молодой хозяин предал своего отца. Впору было выпить, и предаться самым смертным из возможных грехов, но, увы, на корабле не было места.

Капитан, может, и не хотел обманывать Пауля, но другого выхода не оставалось. Чиновник в Кап Дуне забил корабль полностью — пришлось даже сгрузить на берег часть товара. Терри долго матерился, споря с «сухопутными крысами», доказывая, что судно может и не доплыть, затонув под собственной тяжестью. Трюм был полностью забит каторжанами, как отморозенными преступниками, так и просрочившими выплату должниками, мелкими воришками и дураками, рискнувшими загулять с женой какого-нибудь деревенского старосты. Благо, просидели на корабле они всего три дня, после чего «Бородатая баба» (да, именно так называлось судно капитана Терри) наконец пристала в Хоринисе. Постояв у причалов полдня, в течение которого Пауль успел пройтись по местному портовому кварталу, едва не получил ножом от пьяного в стельку матроса и совершил несколько удачных сделок с торговцами. На борт Окарский поднялся человеком, разбогатевшим на сотню-другую золотых.

Трюм забиты бочками с пресной водой и сушеным мясом, кто-то из многочисленных беженцев также перекочевал с палубы вниз, Терри выругался, и подал знак выходить обратно в море. Плавание до Гердонии омрачилось лишь небольшим штормом, в результате которого кто-то из зазевавшихся «сухопутных крыс», беглецов из Миртаны, выпал за борт. Беднягу так и не нашли...

Когда вперёдсмотрящий наконец провозгласил о прибытии на Гердонию, Паулю оставалось только выдохнуть. Выяснилось, что он не переносил морской качки, и почти все время провел, лежа головой на коленях Юстины, так как подняться на ноги он не мог из-за чудовищного головокружения. Даже будучи в лежачем положении ему казалось, что потолок маленькой, как домик для мясного жука, каюты ходит туда-сюда с огромной амплитудой.

— Ох, черт... Неужели уже все?

— Похоже, — тихонько произнесла девушка, заметно осунувшаяся за время плавания.

— Твою же... Где Вернер?

— Он уплыл с первой лодкой на берег, сказал, что осмотрится и приготовит местечко.

— Хорошо, ох...

Пауль, хватаясь за дощатую стенку, попытался встать на ноги, но едва лишь он чуть-чуть приподнялся, как тут же Юстине пришлось ловить парня, дабы тот не ударился затылком об пол.

— Все хорошо, сейчас, давай аккуратнее...

Благо, у дочери трактирщика были сильные руки. Пускай с матерщиной и стенами, но Пауль сумел закрепить свое тело в вертикальном положении, и, пошатываясь покруче корабля в шторм, вышел на улицу. Его ждала покачивающаяся (о боги!) на волнах лодка.

На западном берегу острова, под самым обрывом, располагался большой палаточный городок, в котором жили беженцы. Зрелище из себя он представлял достаточно неприятное. Прямо на песке были нагромождены друг на друга шатры из дырявых кусков тканей, охотничьи палатки и шевелящиеся от малейшего дуновения ветерка шалаши. Между ними сновали неунывающие дети, бродил мелкий торговец, громогласно заявляющий, что только у него имеется лучшее на сто миль округи пиво. Под навесом сидели женщины, готовящие нехитрый ужин на всех беженцев.

Впрочем, Пауля куда больше волновал город. Как оказалось, добраться до него было возможно только одним способом — на подъемнике, услуга которого требовала по два золотых за каждого поднимаемого или спускаемого человека. Монополисты, черт бы их побрал. Хитрая система работала за счет мускульной силы человека, дешевым поставщиком которой были, разумеется, прибывшие к берегу, которым можно было платить в два раза меньше, и, возможно, некоторые готовы были трудиться даже за еду.

Гердония жила за счет одной единственной шахты, располагавшейся в глубине острова. Судя по болтовне Вернера, успевшего пробыть в лагере беженцев уже несколько часов, трудились в ней только кадровые горнодобытчики, пока не замененные на дешевых миртаньских рабочих, что было делом времени. Поставляла она, в большинстве, своем, железо и малое количество редких минералов. Ничего уникального в ней не было.

Также любопытный путник мог найти на Гердонии небольшой лес на плато, где стоял, собственно, город, и огромный пляж на западе, единственное место на острове, где до сих пор обитали дикие звери. Пауль, к тому моменту уже несколько отошедший от морской качки, поблагодарил своего слугу за работу, выдал полсотни золотых на «служебные расходы» и велел покрутиться среди беженцев в поисках выгодного дельца. Сам же он, взяв под руку Юстину, направился к подъемнику.

Город... Ладно, не город, поселение это совсем не впечатлило Пауля, побывавшего за свою достаточно короткую жизнь практически во всех крупных центрах мира. Единственным, чем могла похвастаться Гердония, была крепостная стена. Хотя и не слишком высокая, но она могла защитить от неожиданного набега орков. В отличие от ворот. Маленькие, узкие — Паулю казалось, что вот-вот, и он заденет макушкой низкий каменный свод. Во всем поселении насчитывалось семь-восемь зданий, описать которые особого труда не представляло.

По правую руку от входа располагалась городская кузница, за которой работал старик, оглушая звоном металла весь остров. Чуть далее располагался дом с мансардой, в котором, судя по низко висящей вывеске, жил местный алхимик. Пространство между домами кузнеца и мастера зельеварения было плотно засажено какой-то тенелюбивой травой. В дальнем углу города (да, он совсем не поражал размерами) стоял высокий дом, принадлежавший, судя по всему, владельцу здешней шахты. Выше него была только сторожевая башня и городская управа. По левую руку от входа в небольшом палисаднике мирно паслось несколько овец, за которыми приглядывала полная женщина с одутловатым лицом. Чуть дальше — склад, а за ним — рынок, где в невообразимой тесноте делили между собой пространство торговцы провизией и оружием, правда, сейчас прилавки были пусты — солнце клонилось к закату. За этим подобием торговой площади располагалась собственно городская управа, по совместительству — казармы местной стражи.

Собственно говоря, это была вся Гердония. И чего отец сюда так стремился? Что он хотел здесь найти? Тут даже гостиницы не было, не говоря уже про место для строительства собственного дома. Разве что за стенами его возводить, но это небезопасно.

— Где мы будем жить? — спросила Юстина.

— Если бы я знал... — Пауль в раздумьях прикусил губу. — Хм, может, спросить местного губернатора? Он-то точно должен знать ситуацию на острове. Может, здесь какая-нибудь ферма есть?

Юстина хмыкнула, напомнив о размерах островка. Впрочем, ее можно было понять.

В отличие от Монтеры, к местному губернатору можно было попасть безо всяких проблем. Александр Фарзи, статный мужчина в меховом дуплете, поверх которого была надета бирюзовая накидка, с улыбкой на губах принял выходца из рода известных торговцев.

— Я понимаю вас, Пауль, но и вы поймите, что особенно чем-то утешить я вас не могу. Даже я с трудом помещаюсь на этих квадратных ярдах, а кровати для вас, и уж тем более отдельной комнаты подыскать я вряд ли смогу. Гердония строилась исключительно ради шахты, поэтому об удобстве речи не шло. Благо, хоть приезжие фермеры начали осваивать земли, и в скором времени мы сможем не бояться прерывания поставок с Хориниса или материка. Разве что...

— Что?

— Могу предложить вам расположиться в дозорной башне. Мои люди накидают на пол второго этажа сена, и одну ночь вы вполне с комфортом сможете там провести. А завтра уж что-нибудь придумаем. Еще хочу спросить, чем вы планируете заняться, вы же, как понимаю, сюда насовсем?

— Вот об этом я и хотел поговорить, — улыбнулся Пауль. — Боюсь, мои навыки фермера или рыбака оставляют желать лучшего. Всю свою жизнь я помогал отцу, разъезжая по матерiku в поисках выгодных торговых сделок.

Немного вранья никогда не помешает. Губернатор Фарзи задумался. После пары минут молчания он изрек:

— В самом деле, сложно. Я поговорю завтра с Грэхемом, горным мастером. Думаю, что-нибудь да найдется. А сейчас вынужден пожелать вам спокойной ночи — солнце село, а завтра ранний подъем.

С утра пришли в город прилетели страшные по местным меркам вести — сломался подъемник, что бывало, по словам болтливового торговца оружием и инструментами, в последний раз лет восемь назад, когда предшественник Грэхема, начальника шахты, решил сэкономить пару золотых и приказал перегрузить платформу. Естественно, веревки, не отличающиеся новизной и излишней крепостью, не выдержали тридцать пудов камней, и все рухнуло вниз, лишь по счастливой случайности не задев рабочих. После того случая механизм, естественно, доработали, постарались улучшить, но вот, настал день, когда вышел и его срок. Что конкретно произошло, пока что не знал никто — для начала стоило произвести некое подобие экспертизы, а для этого добраться до середины отвесного склона. Слишком сложно. Впрочем, как и вся задумка с подъемником.

В общем, заняться стоило упрощением процесса поставки руды из шахты к гавани. Благо, повод был, и губернатор Фарзи должен пойти на встречу.

Да и с пустой породой явно что-то стоило сделать — ее отвалы вываливались в лес, а часть вывозилась на лодках в море и там выбрасывалась за борт (местные так однажды умудрилась утопить лодку). Горный мастер очень сильно уважал местную природу.

Решение представлялось Паулю вполне себе очевидным — перетаскать всю пустую породу к обрыву и соорудить там из нее некое подобие взвоза, после чего укрепить его дерном. Почему бы и нет? Это в любом случае лучше, чем возиться с подъемником со сложной системой блоков и шестерен, основанном на мускульной силе.

Пока Юстина бегала меж деревьев, собирая грибы для обеда, Пауль углем зарисовал на обратной стороне рекомендаций своего отца схему взвоза, после чего набросал примерный маршрут доставки руды до гавани.

— Слушай, а не проще по воде лодками доставлять? — спросила из-за плеча подошедшая Юстина.

— То есть?

— Ну вот, смотри, — девушка отобрала у своего спутника бумагу. — По песку тащить совсем неудобно, да и колеса телеги завязнут.

— А в воду ты их как доставлять собралась? — спросил уязвленный Пауль. — Как гальку бросать каждый камень будешь?

Девушка поджала губы.

— Да вырыть можно канаву. Песок-то легче всяко рыть. А там на плотках или на лодках — их-то по воде тащить можно, раз уж причала сюда не завезли.

— Какая ты умная, я смотрю!

— Конечно, умная. Есть в кого.

Стрельнув глазками, она принялась разводить огонь из тоненьких хворостинок. Когда она только успела их насобирать?! Пауль покачал головой. Конечно, он ожидал обеда в гердонийских казармах, но раз уж нравящаяся ему девушка решила сама приготовить еду на двоих... Черт подери, да кто от такого откажется?!

В последнее время он начал понимать, что во взаимоотношениях с Юстиной что-то кардинально поменялось. Если раньше единственным желанием Пауля (так, кстати, до сих пор и неудовлетворенным) было уложить девушку на шуршащее сено или на мягкую постель, то теперь он этого уже не желал. Не то чтобы Юстина перестала ему нравиться, отнюдь. Он желал проводить с ней куда большее количество времени, чем раньше. Он мог бесконечно восхищаться ее милотностью, хозяйственностью, характером (хотя он до сих пор помнил хлесткие удары кочергой) и еще много чем. Это было крайне странное ощущение, незнакомое ему, перепробовавшему, казалось бы, половину девок Миртаны. Кажется, поэты Венгарда, эти вечные пьяницы с зажатой под мышкой лютней, называли подобное состояние влюбленностью, или, что еще страшнее, любовью. О Иннос, что за бред?!

Усмехнувшись свои собственным мыслям, Пауль принял исправления Юстины в качестве второго варианта. Все-таки идея была достаточно дельная. Интересно представить, что было бы, если бы дурак-трактирщик соизволил оплатить ей хотя бы минимальное образование, то чего бы она добилась? Как-никак, мозги у нее имелись. Она хоть читать умеет? Хм...

Пока Юстина, стоя на коленях, раздувала миниатюрное пламя костерка, Пауль решил сходить до города, дабы прикупить хотя бы пинту вина или пива, по пусту посмотрев, как там продвигаются ремонтные работы. Одобрят ли Фарзи его идею?

***

Ветки хлестали по лицу, ноги пугались в высокой сухой траве. Эб споткнулся и покатился вниз по глиняному склону, отбивая бока. Если бы это была игра, то можно сказать, что выиграли их орки всухую. Но, увы, это была настоящая бойня, и умирали в ней по-настоящему.

Орки, пусть и застигнутые врасплох, не растерялись, быстро сгруппировались и атаковали в лоб необученных рекрутов. Никаких битв, никакой тактики даже не понадобилось. Что может быть банальнее и противнее полусотни орков с топорами наперевес, кромсающих тела юнцов и стариков налево и направо? Даже для бандита это было бы слишком. Но орки не жалели никого. По прикидкам Эба, они убили примерно треть всех бойцов, вышедших из Монтеры — остальные разбежались по ближайшим лесам сверкая пятками, а северные захватчики вернулись на исходные позиции, взяв Трелис в осаду.

Оказавшись в воде, Эб рухнул на колени и принялся грязными ладонями черпать ледяную воду, желая хоть как-то восстановить силы. Свой щит он потерял во время бегства, благо, хотя бы меч еще оставался при нем.

— Ух, черт... — раздался внезапно из темноты до боли знакомый голос.

— Одо?! — наугад спросил Эб в темноту.

— Да, мать твою! Помоги мне, упырь гребаный!

Да, это точно был Одо. Эб оглянулся — никого вокруг не было. Ну что ж, офицер, помочь так помочь. Командир, убегая от орков, подвернул ногу и теперь валялся в небольшой ямке подле кромки воды, скуля, как подстреленный пес. Судя по всему, бежал с поля боя Одо быстрее прочих.

Подав руку далеко не любимому командиру, Эб пошевелил пальцами, которым так хотелось взяться за рукоятку меча. В бытность свою бандитом, когда его никто не ограничивал, он без особых сантиментов мог убить любого человека, который вставал у него на пути. Конечно, таких было немного — все пятеро или шестеро, кажется, не считая жертв ограблений — но за ним закрепилась слава очень жесткого человека. Правда, в городских стенах, в окружении полных торговцев и злых, как волки, стражников, агрессию приходилось сдерживать — вчерашнее происшествие тому самое яркое доказательство. Но сейчас...

— Неплохо нам орки наподавали...

— Неплохо, ...! Я удивлен, что выбрался живым. Слава Инносу, сейчас ночь, а не день — так бы они еще и лес шерстить стали.

— А вы уверены, что они не стали?

— Да не! — Одо отряхнулся от грязи и налипшей травы, и пошел, ковыляя, вдоль реки на север, в Сильден. — Так бы мы уже мертвы были. Насколько я заметил, варгов у них не было. Да и слава Инносу! Вот же в Трелисе крысы сидят...

— Они держали оборону, — Эб двинулся вслед за своим уже бывшим командиром. Уж что-что, а оставаться в лесах и становиться повстанцем он не хотел — хватит с него подобного образа жизни в последние годы.

— Все равно крысы тыловые. Сидят на стенах, задницы чешут, а мы подыхай... Губернатор, разумеется, молодец. Половину Монтеры мобилизовал, черт бы его побрал! А че толку-то? Понабрали такого быдла, как ты...

— Ты бы аккуратнее со словами-то...

— Да я...

Договорить Одо не успел. Эб, шедший чуть позади, резко ударил его сапогом по голени — командир тут же рухнул на колени. Бывший бандит не стал медлить, тут же подскочив сзади и приставив меч к горлу.

— Твою мать, ты че делаешь?! — чувствуя сталь горлом, прохрипел Одо. — Да тебе виселица грозит!

Эб ослабился.

— Не, не грозит...

Давно он не убивал с таким наслаждением — буквально от каждого дюйма разрезанной плоти он получал невысказанное удовольствие. Он резал медленно, с улыбкой слушая хрип офицера, такого могущественного в тесных казарменных стенах, под защитой законов, правил и толпы верных холоуев. Здесь, в лесу, он никто. И его было не жалко.

Обобрав труп до последней нитки, Эб двинулся в сторону Гельдерна, ничего особенно не планируя — он все еще перебирал в голове те сладострастные моменты убийства ненавистного Одо. Черт подери, он даже кровь с пальцев не стал смывать — зачем, ведь она так сильно напоминает о счастливых мгновениях...

Глава шестая. Ледяные ветры

Матиас ненавидел орков всей душой. С тех самых пор, как его отец, один из младших командиров ордена паладинов, сгинул в ущельях Нордмара, он поклялся, что уничтожит каждого зеленокожего монстра на своем пути. Правда, пока что с этим не задавалось.

По наследству ему досталось место в фарингском гарнизоне, и уже в пятнадцать лет Матиас впервые примерил на себе доспехи паладина. С тех пор прошло уже шесть лет, парень успел поучаствовать в уничтожении трех окрестных банд, но вблизи настоящего орка он так до сих пор и не увидел. Ведь нельзя же считать настоящими орками тех жалких тварей, что были пойманы разведчиками и доставлены в крепость. Их мог зарубить даже мальчишка.

Впрочем, сейчас, когда армия могучего полководца Кана находилась на расстоянии вытянутой руки, Матиасу было несколько не до юношеских клятв. Практически каждый день в крепость приносили раненых бойцов — орки наносили урон даже не атакуя, отстреливая часовых из арбалетов. Трусливые твари...

Матиас давно мечтал о вылазке по ту сторону гор, в суровый край, в котором темные, как буря, орды Белиара яростно боролись с огнем Инноса, постепенно затухающим из-за слабости и неверия своих сторонников. Молодой паладин искренне верил в то, что именно его не хватает там, во льдах. Именно его с отличной боевой подготовкой (пускай пока что толком и не проверенной в реальных условиях), сильной верой и сумасшедшей целеустремленностью.

В данный момент он с собранной сумкой стоял за небольшим деревом во внутреннем дворе, наблюдая за последними приготовлениями небольшого отряда разведчиков под командованием паладина Фиделя. С последним Матиас был знаком уже, кажется, года три, с тех самых пор, как этот выходец с юга Миртаны напился в стельку и ворвался в фарингский кабаk с мечом наперевес. После этого паладин несколько месяцев провел, гоняясь за бандитами по всей стране, а потом вернулся на север и стал одним из младших командиров. На месте Фидель подолгу не задерживался. Несение службы на стенах показалось ему слишком скучным, и он перевелся в группу, ведавшей подготовкой солдат, оттуда его выкинули (вновь за пьянство, хотя он сам поговаривал, что за «веселый нрав»), и теперь он неведомым образом оказался в разведке. Видимо, навыки, полученные при охоте на бандитов, могли сгодиться и при работе на территории орков.

Момент настал! Фидель приказал своим подчиненным в последний раз проверить сумки и оружие. Быстро, будто несясь за последним уходящим кораблем, Матиас подбежал к отряду.

— Господин Фидель!

— Да? — обернулся паладин. — Что тебе, Матиас?

— Могу я пойти с вами?

Командир опешил, но, впрочем, растерянность его продолжалась недолго, и он спросил:

— А твои непосредственные обязанности?

— У меня одна обязанность — служить Инносу, и в Нордмаре я исполню ее с наибольшим толком. Иннос благословит меня на это!

Фидель криво усмехнулся. Конечно, он имел понятие о служебном долге, но черт возьми, неужели рыцарь ордена подобен солдату, выходцу из крестьян с грязными руками, которыми только землю пахать. Паладин — воин Света, воин Инноса, и если уж сам Он воззвал к одному из своих верных последователей, то ни один генерал не посмеет возразить.

После минуты раздумий Фидель спросил:

— Что стоишь? Выступаем!

Матиас вздрогнул от громкого голоса командира. Вот бы ему такой — властный, не терпящий пререканий. Эх, мечты, мечты...

Фидель не имел ничего против нахождения Матиаса в своем отряде — и парень отправился вслед за ним. Спустя пять минут подъема по крутому склону отряд достиг передового рубежа обороны — баррикады, созданной из поваленных деревьев, ломаных телег и Белиар знает из чего еще. Здесь дежурило полдюжины солдат королевской армии, возглавляемых незнакомым паладином. Фидель громко захохотал, когда увидел его.

— Хавьер, сколько лет!

— Приветствую тебя, — сдержанно ответил Хавьер, мужчина лет тридцати с глубокими морщинами и хмурым взглядом серых глаз. — Куда идете?

— На вылазку, конечно же. Что там по оркам?

— Все плохо. Их основной лагерь расположен около моста к югу от деревни Клана Волка, там и Кан, и его шаманы верховные. Здесь сидит большой отряд под командованием Немрока, около шестидесяти воинов. Кажется, к ним еще присоединились шаманы, но чего они хотят, не знает никто.

— Тебя послушать, так ты туда ходил и с тамошними стражниками трубку курил.

— У меня есть глаза, — Хавьер смерил взглядом отряд разведчиков. — Вы и до первых шагров не дойдете, особенно паладины. Расстреляют вас, как глухарей на току.

— Не беспокойся, мой дорогой друг, — усмехнулся Фидель и похлопал своего давнего приятеля по плечу. — У нас полные пояса рун, и уж что-нибудь мы сообразим. Тем более вся эта затея — приказ коменданта Фаринга. Скажу тебе по секрету, он хочет знать, можно ли обезглавить орочье войско как-нибудь по-тихому.

— Ха! — впервые Матиас заметил на лице Хавьера какое-то подобие усмешки. — Он что, не понимает, что вас на деревьях повесят? На подобные задания нужно отправлять убийц-одиночек, по крайней мере, отряд такой, но не боевое подразделение армии.

— Не нашего это ума дело, Хавьер, — пожал плечами Фидель. — Если надо будет, все умрет за ратное дело. Не надо — будем пиво бочками хлестать в венгардском кабаке. Ты, кстати, скоро туда?

— На следующей неделе комендант обещал меня отправить с обозом раненых. Надеюсь, только в качестве сопровождающего, а не больного.

— Надеюсь, надеюсь... Ладно, бывай. У нас полно работы.

— Да, конечно...

Нордмар ничем не выдавал того факта, что на его территории уже на протяжении нескольких лет ведется кровопролитная война. С гор задувал привычный для местных ледяной ветер, продирающий до костей даже сквозь доспехи и теплую куртку под ними. На склонах покачивались под его напором деревца, за которыми мог спрятаться разве что самый дохлый гоблин, которых в последнее время стало как-то мало...

Матиас старался шевелить надувал щеки, двигал челюстью и всеми мышцами лица, дабы оно не обледенело — уж слишком много он видел людей с обмороженными конечностями, людей, ставших калеками не от руки врага, а от слепой силы природы. Слишком обидно и слишком нечестно по отношению к воинам...

— Орки!

Без промедления солдаты вынули оружие из ножен, но было слишком поздно — нордмарские твари будто бы ждали гостей... Откуда-то начали стрелять из арбалетов, из придорожных канав выскочило несколько орков-воинов, которые тут же вступили в бой с людьми. На выпад ближайшего к нему орка Матиас не ответил, отпрыгнув назад. Горло стоявшего рядом солдата пробил арбалетный болт. Взревев, паладин опустил забрало шлема и резким движением снизу вверх рассек плоть орка-воина. Как же хорош меч из магической руды! Широко улыбнувшись, Матиас огляделся, но тут же выражение лица победителя сменилось на страх.

В мгновение ока отряд потерял половину своего состава... Как оказалось, орки заранее заметили приближение людей короля, и тут же заняли заранее подготовленные позиции по обеим сторонам дороги. Судьба отряда Фиделя была предрешена. Сплюнув, паладин осмотрелся. Орки добивали трех оставшихся в живых солдат, командира уже прижали к дереву, утопив головой в снег. Судя по всему, его хотели взять в плен. Этого Матиас точно не мог допустить.

— За Инноса!

Пара тварей развернулась, один из них громко ухнул и встал в боевую стойку. Судя по тряпью, это был разведчик. Такого соперника Матиас не боялся — не паладин он что ли? Дело можно решить в пару взмахов меча...

Первого орка Матиас и вправду завалил первым же ударом. Не успев парировать рассекающий удар мечом, разрубивший ее от плеча до пояса, тварь погибла в мгновение ока. Но тут же сам паладин ощутил адскую боль в ноге.

— Мать!

Благо, Матиас успел пригнуться, и дубина орка (благо, это был не топор) просвистела над головой, не задев даже верхушки шлема. Паладин нырнул в снег, перевернулся на спину и воткнул меч в живот твари. Схватившись за брюхо, орк рухнул рядом с Матиасом. О Белиар, почему же от тебя так воняет?!

Фидель сумел вырваться из снежного плена, но убежать далеко не успел — орк-шаман метнул ему вслед огненный шар, и тут уже паладин смотаться не успел. Заверещав от полученных ожогов, больше сопротивляться он уже не мог. Оставшиеся после короткого боя в живых орки забрали у Фиделя оружие и потащили его куда-то на север, где располагался их основной лагерь. Матиасу крупно повезло, что на него, лежащего в сугробе и скрежещущего от боли зубами, не обратили внимания. Подождав немного, паладин с трудом, опираясь на свое обгаренное кровью оружие, поднялся на ноги и отправился обратно в Фаринг, молясь про себя Инносу, чтобы никто из орков не вернулся на передовую раньше времени.

Черт... Первая встреча лицом к лицу оказалась совсем не такой, какой он себе ее представлял. Вместо великолепной ярости битвы и торжества победителя Матиас ощущал опустошение, страх и тупую боль. Не было ничего, даже отвращения от пинт орочьей крови, в которой он был вымазан с головы до ног. Ничего не было, кроме одного желания — как можно скорее добраться до людей!

Нога не желала двигаться. Матиас рухнул в глубокий сугроб. Черт, лишь бы орки не догнали! Надо быстрее! Доспехи сковывали каждое движение, они будто гиря, привязанная к ногам, тянули его назад, в Нордмар, этот красивый край, оскверненный белиаровыми отродьями.

Шлема на Матиасе уже не было. Следом он стащил с себя тяжелые до одури наплечники, сразу же за ним в снег полетела нагрудная пластина с гербом Миртаны. Это были очень дорогие доспехи, и в иное время паладин осудил бы любого, кто решился сбросить их, но сейчас, когда дело приняло такой серьезный оборот, парню было наплевать на все золото мира. Чертова застежка! И зачем он поверил тому мастеру по доспехам, что предложил поставить золотую застежку с фамильным гербом? Холодные пальцы совершенно не слушались, не ощущая под собой мелких деталей, и Матиас просто рванул крепление.

— Орк-Шака!

О, черт! Молодой орк-разведчик, чья шерсть была прикрыта лишь кусками тряпья, отдаленно походившими на плащ, поднял над головой топор, осознавая свою победу над «морра-рыцарем». Полураздетый Матиас прорычал, как мракорис, вынул из сугроба свой дорогой меч и встал в боевую стойку.

— Ну че, сука?! Легкая добыча, думаешь? Черта с два!

Орк угрожающе взревел, перекинул топор из левой руки в правую и начал наступление. Раненый Матиас прекрасно понимал, что в таком состоянии он вряд ли что сможет противопоставить даже такому слабому противнику, но...

С десяти шагов паладин увидел, как расширились узенькие глаза орка, после чего откуда-то с юга в зеленокожую тварь прилетела «Святая стрела». Орк взревел, рухнул в сугроб, попытался быстро встать, но Матиас сумел справиться с адской болью, преодолев в два прыжка расстояние между ними и вонзив меч в оставшуюся неприкрытой грудь твари. Правда, тут уж взревел он сам — нога совсем отказалась слушаться, и паладин упал рядом с убитым противником.

— Проклятье! Кай, Отто, прикрывайте! — закричал Хавьер, убирающий руну в кармашек на поясе. — Надс вытащить парня! Быстрее, быстрее, мать вашу за ногу!

***

— Что значит «подрублены»?! — кричал губернатор Фарзи на кузнеца Густава, отвечавшего за проведение расследования причин обрушения подъемника.

— То оно и значит, что, это, их кто-то топором тюкнул пару раз. Человека еще выдерживали, а как груз положили, так оно и не выдержало.

Губернатор разразился бранью, достойной не самого плохого сапожника. На вошедшего Пауля он даже не обратил внимания.

— Кто тюкнул-то, Густав?! Кто, мать твою за ногу?!

— А мне почем знать? — пожал плечами кузнец. — Я говорю, что увидел. Топор тут у каждого есть. Может, кто из беженцев шандарахнул, может, кто из местных.

— О-ох...

Фарзи рухнул в старое кресло, стоявшее у камина. Проблемы получились куда больших размеров, чем они представлялись с начала. Даже если этого диверсанта вычислят и быстро найдут, то его же придется допрашивать, а потом, возможно, и весить на воротах. Ни одному провинциальному начальнику это не нравится. Подобные Фарзи люди предпочитают подписывать бумаги, принимать балы и языком выбивать себе повышение жалования у ревизоров из Венгарда. Пауль видел много подобных людей за свою короткую жизнь. Ничем особым друг от друга они не отличались.

— Стоит начать расследование прямо сейчас, пока еще костер не остыл, — заявил парень из рода Окарских.

— А то мне не ясно. Позови капитана Моргана, Карл, — обратился Фарзи к стражнику, караулившему у входа в казармы. — Пусть он займется...

— Я думаю, что моя кандидатура подойдет больше, — неожиданно даже для самого себя возразил Пауль.

— Это еще почему? Думаешь, мозгов у тебя побольше, чем у нас, овец провинциальных?

— Я пока сохраняю свежий взгляд на ваш остров, губернатор. Это значит, что я буду объективен.

— Хм, — пожевал губами Фарзи. — Густав, расскажи парню, что конкретно случилось.

— Да чегось там рассказывать-то? Кто-то то ли вечером, то ли ночью подрубил слегка опоры подъемника.

Причем кажется, что не до конца дело доведено — кто-то спугнул паренька...

— Паренька? — Пауль прищурился. — Откуда такая уверенность?

— Ну не баба же таким промышляет. Не, мужик скорее какой-нибудь. И он точно из беженцев! Никто из местных этого сделать не мог! Зачем?

— Блеск золота может затмить любой разум...

— Да какое золото? Мы и так хорошо живем.

— Красиво жить не запретишь, — протянул Окарский. — Если топором, то должно быть слышно вроде как,

нет?

— Да должно, естественно, — ответил Густав. — То, может, и не дорубили.

— Тогда нужно опросить всех, кто мог что-либо видеть. Гердония — маленький островок, затеряться здесь очень сложно. Губернатор!

— Да? — встрепенулся Фарзи, казалось бы, почти заснувший на своем кресле.

— Нужно запретить выезд с острова всем. Объявить военное положение. У меня закрадывается мысль, что все виноваты орки.

— ОРКИ?! Что ты такое говоришь?! Что им здесь делать?

— Я же не знаю, что такого есть в вашей шахте. Это во-первых. Во-вторых, здесь недалеко Хоринис, а там, сами знаете, Колония и, следовательно, руда. Если здесь сделать перевалочный пункт, то перекрыть воздух королю можно будет в течение двух суток.

— Твою мать, — губернатор поднялся и принялся искать бумагу и чернила. — Сейчас указ будет. Бери любых людей, что тебе нужны. Вся моя гвардия в твоём распоряжении, парень, уж не подведи. Если тут и вправду замешаны эти нордмарские чудовища, я готов на все. Я не отдам просто так свой остров!

— Хорошо, — Пауль кивнул. — Только у меня еще одно предложение...

— Какое?

Парень улыбнулся и достал из-под мышки сверток со схемами доставки руды из шахты. Интересно, какой из вариантов одобрит Фарзи?

Глава седьмая. Орки повсюду

— На службу, значит, — протянул Марик, стремительно лысеющий наемник орков. — А зачем тебе это?

— А что сейчас еще-то делать? Либо в рабство, либо скакать по стране, как кровавым шершнем ужаленный. Тут в любом случае лучше будет.

— Разумно, — Марик оперся спиной о холодную стену трактира в центре Сильдена. Город, первый павший под натиском, уже сейчас напоминал человеческое поселение лишь крайне отдаленно — орки были повсюду, приспособившая окружение под свои обычаи. Всех выживших в бойне людей, или «морра», загнали в полуразрушенный Земледельческий квартал, огороженный наспех возведенным забором. Вне его территории людей можно было встретить разве что в трактире неподалеку от верхнего квартала. Здесь заседали наемники, большая часть которых примкнула к захватчикам совсем недавно. Марик, попавший в плен к оркам в Нордмаре еще два года назад, считался старожил и руководил ими всеми. Говорят, он мог говорить даже с самим Умбаком, местным головой.

— Здесь воюют за жалование, как я понимаю? — спросил наконец Эб.

— Да, — вышел из раздумий Марик. — Пять золотых в день для новичка, десять — для опытного бойца, четырнадцать — для командира. Но эти деньги еще надо заслужить. Да и не значит это, что я тебя уже взял.

Эб хмыкнул. Он уже по глазам Марика видел, что зачислен в ряды наемников. Эба, в отличие от многих прочих, не схватили орки, отнюдь, он сам вышел к патрулю неподалеку от Гельдерна. Ему очень повезло, что разведчики из того дозора худо-бедно понимали по-миртанйски, иначе лежать сейчас дезертиру в кустах без головы и худенького кошелька.

— Ну, допустим. Ты знаешь, что придется убивать людей?

— А может разве быть по-другому?

— И в самом деле... Так, что еще... Работа грязная, сразу тебе говорю. Нет, конечно, возможно, что ты будешь стоять в карауле в городе и поплевывать, но скорее всего тебе придется убирать трупы, — Марика при этих словах передернуло. — С поля боя, а потом их сжигать. Не из приятных задачка. Безопасно, конечно, но... Записываю?

— И здесь бюрократия?

Марик захохотал с такой силой, что сидевшие за дальним столиком орки недовольно на него покосились.

— Куда ж без нее, родимой. Никуда от нее не деться. Да и желания перевернуться обратно имя в списке заметно убавляет. Эб, да?

— Да, — кивнул новоиспеченный наемник. — Что насчет шмоток, оружия и сна?

— Оружие свое. Можешь трофейное использовать или в оружейке купить, только дорого там. Обмундирование дам тебе. А насчет места для ночлега... Слушай, завтра часть наших перекинут под Монтеру. Местные уже в штаны наделали — заперлись в городе, предварительно вымели все окрестности насчет припасов. У короля армии практически не осталось, а орки, по секрету тебе скажу, уже и на Хоринис успели отправить большой отряд. Только ты об этом ни гу-гу. По крайней мере, пока об этом глашатай не объявит. Оружие есть у тебя?

— Да, палаш ополчения. Правда, дерьмовый.

— Сойдет для начала. Пока орки полностью не подчинили себе Миртану, драться нам придется немного. Наши основные задачи: контроль рабов, обслуживание орков и уничтожение трупов. Все просто. Конечно, нас могут послать с мелким поручением куда-нибудь, но все это решается через меня, так что понимаешь, на кого все шишки и к кому в случае чего обращаться.

Марик усмехнулся.

— Ладно. Вот тебе куртка, — он достал откуда-то из-под стола тяжелый дурно пахнущий сверток. — Там еще штаны есть, но это по желанию. Одежду старайся подбирать синюю — так мы отличаемся. С рабами особо не разговаривай, жалеть их не надо. Сами виноваты. Сегодня пока гуляй, завтра подъем на рассвете. Думаю, если твоя история правдива, то тебя стоит взять в Монтеру. В любом случае лучше там, чем тут гнить. Все ясно?

— Да, — Эб принял сверток. — Я тогда прогуляюсь по городу.

— Конечно. Только надень форму сначала. К оркам особо не приставай — они и так нашего брата не любят, и если наподдадут, то никто тебя не спасет. Фаршгар?

— Что? — не понял последнего слова Эб.

— «Понимаешь» по-орочьи... Язык стоит их подучить, дабы ин-ци-ден-тов не было.

— Понимаю, — кивнул наемник. — А что...

— О, кстати, Бредли! — внезапно окрикнул Марик бритоголового наемника, только что зашедшего в трактир. — Иди сюда!

— Че тебе надо? — спросил тот. — Если опять идти оркам зад подтирать, то я пас.

— А что, и это делать надо? — усмехнувшись, громко спросил Эб.

Правда, Марику было не до веселья.

— Нет, я по другому поводу. Что с рабами? Ты их всех переписал?

— Да, всех, — наморщив лоб, ответил Бредли. — В том числе и умерших за последние три дня. Проклятый орк их даже в лицо запомнить не может, а я должен с ними возиться... Там половину сейчас прикончить легче — они даже землю выкопать для своей могилы уже не в состоянии. Их что, голодом все время морили?

— В том числе. Еще их били плетью. Ты забыл, под чьим мы командованием находимся?

— Я помню, что Умбрак та еще сволочь... То от него даже подчиненные бегут.

— Можешь не переживать, — заверил Марик. — Завтра выступаем и, может, к Вареку под крыло спрячемся. А пока отнеси список тому орку... Как его?

— Сапотеку?

— Ему самому. И да, введи вот Эба в курс дела. Он теперь с нами. Думаю, поможет тебе с рабами. Будешь за него отвечать.

Бредли смерил новоявленного наемника взглядом, видимо, подсчитывая возможные убытки, и, ничего не ответив, направился к трактирщику, дабы заказать кружку пива. Даже руки он Эбу не пожал. Впрочем, тому было все равно — гражданскими делами он займется еще нескоро, а завтра, возможно, его ждал бой. Наемник просто отправился на поиски ближайшего сеновала.

Вообще, компания, собравшаяся под крылом Марика, Эбу совсем не понравилась. Его вчерашний знакомый Бредли был душкой по сравнению с тем же Эштоном или, скажем, Деннисом. Первый решал любую, даже самую ничтожную проблему с помощью топора, а второй строил интриги внутри коллектива и делал всякие гадости своим же товарищам. Впрочем, уж кому-кому, а не Эбу жаловаться на недостатки окружающих.

Из Сильдена до осажденного орками Трелиса наемники добрались с помощью многочисленных лодок, изъятых из хозяйств у местных рыбаков. Со времени последнего появления в этой местности, та преобразилась весьма заметно. К северу от форта орки разбили осадный лагерь, на дорогах, ведущих в Трелис, возвели баррикады, на которых день и ночь дежурили бойцы с топорами и сигнальными устройствами. Людям будет сложно победить, если не сказать невозможно...

Как и рассказывал Марик, обитатели Монтеры перепугались как овцы, и заперлись внутри городских стен, отдав оркам на откуп все фермы вплоть до Готы, откуда вполне стоило в скором времени ожидать отряд-другой паладинов. В этих краях дежурило войско орочьего военачальника Варека, перекрыв выход из южных и западных ворот. Дело пахло лампадным маслом — пока что монтерские войска не выяснили, что против них стоит всего тридцать орков, умело скрывающих свои недостатки. В противном же случае люди Марика обнаружили бы по приходу только обезглавленные орочьи тела. А может, и одни головы, кто знает?

Едва лишь наемники достигли молочной фермы к западу от Монтеры, как Эба вызвали к Вареку на допрос. Как оказалось, Марик сболтнул о прошлом своего подчиненного.

— *Говорят, ты был в Монтере?*

— Да, — спокойно глядя в желтые глаза орка, на чьем счету наверняка был не один десяток загубленных душ, ответил Эб.

— *Какая армия внутри?*

— Неделю назад там был отряд паладинов и около двух сотен ополченцев. Сколько там сейчас, не знаю.

— *Как они готовы?* — орк, громадный, в семь с половиной футов роста, воин говорил через раба-толмача, поглядывавшего на Эба с нескрываемой ненавистью, хотя еще неизвестно, чей труд на благо орочьего народа доставлял королю Робару больше неприятностей.

— Кто-то хуже, кто-то лучше... Тот отряд, в который загнали меня, состоял из крестьян. Их даже никто толком не обучал. Паладинов в городе немного, но они могут доставить проблем.

— *А то я не знаю... Орудия?*

— Не видел, но меня не было в городе последние несколько дней. Думаю, в городе есть несколько магов.

— *Хорошо. Что насчет запасов?*

— По слухам, губернатор выгреб все запасы из округа, — улыбнувшись, Эб вспомнил давешний разговор с Мариком. — Вообще, Монтера богатый город — в нем много купцов. У всех у них есть запасы. Осада будет долгой...

— *Тебя забыли спросить... Назови мне места, где могут прятаться и защищаться морра.*

- Храм Инноса, внутренняя крепость, торговая...

— *Погоди!* — жестом велел замолчать Варек. — *Принесите мне карту города!*

Молодой-орк разведчик, являвшийся, судя по всему, адъютантом повидавшего жизнь военачальника, в одно мгновение достал из походного мешка и развернул на столе потрепанный свиток. Эб, когда глянул на него, ахнул — это была подробнейшая карта Монтеры, с отмеченными уязвимыми местами городских стен, со временем,

когда меняются караулы, с обведенными кружками складами и местами, откуда наступающие орки могли бы ожидать удар. Эб, по молодости бывший помощником обходчика дорог до тех пор, пока не загремел в тюрьму (благо, тогда еще не было Барьера и Долины Рудников), оценил ее качество и подробность. Местный губернатор свою собственную бороду, которую растил уже почти сорок лет, самолично отрезал бы за нее. Но, к несчастью для него, карта принадлежала Вареку.

Эб склонился над столом. Подводить доверие орков он не хотел — лишаться головы никому не хочется.

***

Нет на войне ничего хуже осады. Отвратна она со всех возможных сторон. Для осаждающих неприятна она прежде всего тем, что воины могут оказаться в кольце, зажатые между крепостью и подступившим подкреплением. Впрочем, осажденным везет еще меньше — они оказываются заперты на долгие недели и месяцы, и хорошо еще, если они успели накопить достаточное количество запасов. А если нет? Смерть от топора куда лучше, чем медленное поедание организмом самого себя. Организмом, окруженном со всех сторон смертью и безысходностью. Что может быть хуже?

Долок только что вернулся с очередного дежурства на западной границе осадного кольца. Сутки, проведенные под ледяным осенним дождем, не пошли ему на пользу — он начал чувствовать симптомы развивающейся болезни. Если утром он чихнул один раз, то к вечеру его уже неплохо так разнесло.

Напугав дремлющего в палатке Грубуца, Долок рухнул на отобранное у крестьян сено.

— Как дела в лесах?

— Полное дерьмо! На нас на обратном пути напали снепперы! Поцарапали меня, будь они прокляты!

— Будто ты никогда снепперов не видел...

— Видел, разумеется, но, Белиар их дери, не в таких количествах. Их было четыре особи — мы их кое-как всемером уделали, одного утащили к шаману. Подлатают его, наверное.

— Плохо дело... Говорят, в большом лагере заболели.

— Чем опять?

— Я на знахаря похож? — сел на шкуру варга Грубуц. — Говорят, все по кустам бегают, поносят...

— О, Белиар! Этого еще не хватало... Из форта новости есть?

— Кричали на стенах. На языке морра, я не понял ничего.

— Ты бы его хоть выучить попытался... Пригодится.

— А на кой мне он? Вырезать всех морра под корень и не задумываться. Зачем мучиться?

— Я очень рад, что ты не командуешь армией орков, — фыркнул Долок и перевернулся набок. — Иначе ты бы весь мир уничтожил, оставив себя, шнапс и трех хорошеньких орчих. Не знаю я тебя что ли?

Грубуц захохотал:

— Ты прав во всем, кроме одного. Не трех, а всех! Зачем мелочиться?

— А жрать ты что будешь? Кору с деревьев?

— Я буду охотиться. Ты видал, как я из арбалета стреляю?

— Видал. Только это ты... А если взять всех нас, орков? Думаешь, как мы еду добывать будем?

— Также, как и дома. Дичи в этих лесах полно, — уверенно заявил приятель Долока.

— Но меньше, чем дома. И орков стало слишком много. Я слышал, что Кан хочет использовать морра как тягловый скот. Пусть они пашут, добывают еду, а мы их будем только охранять. И убивать их даже не надо — они так живут веками. Все честно...

— Идиллия какая-то, Долок. Мы их еще не захватили.

— Ой, плюнь! Это дело времени. Они отдали полстраны практически без сопротивления. А что дальше? Чую как подойдем к столице государства морра, нас встретят с ключами от города и великими дарами, а потом Кан их всех казнит.

— И ты упрекаешь меня в жестокости? — улыбнулся, раскрыв свои желтые клыки, Грубуц. — Ох, Белиар с тобой. Я дойду до Аршака. Он хвастался подстреленным оленем.

— Да его уж наверное отряд разделал, как...

Договорить Долок не успел. Грубуц, обычно несколько медлительный, вскочил на ноги и вышел из палатки. Когда дело касалось еды и развлечений, он всегда был в первых рядах, а вот если начнется бой... Вряд ли этот орк полезет на стены до тех пор, пока все морра не будут убиты или, по крайней мере, оттеснены куда подальше. Не любил он рисковать, не любил.

Впрочем, как и Долок. Только кто его спрашивать будет? Никто не задавал вопросов, когда Кан поднял все кланы орков на борьбу против морра. Зачем это было нужно? Никто не спрашивал. Все понимали, что это необходимость. Либо орки, либо морра, и Долок никогда не сомневался в своем выборе.

Та зима была слишком жестокой. Практически никогда до этого орки не находили своих собратьев по пещере замерзшими насмерть. А той зимой это было самым частым явлением. Долок помнил, как его мать кричала,

пытаясь добудиться до его маленького брата, умершего во время сна. Долок помнил, как старейшины клана подсчитывали тела. Долок помнил те скудные запасы, что оставались в их общине, когда к ним пришла армия Кана.

Сотни, нет, тысячи озлобленных орков жаждали лишь одного — чтобы эта зима закончилась. Кан говорил, что стоит двигаться на юг? Почему? Зимы могут перестать быть теплыми или хотя бы просто выносимыми а там, в плодородных долинах срединного королевства, орков ждет процветание и жизнь. Никто, в том числе и Долок, не сомневался в словах верховного орка. Да и сейчас, наверное, мало кто усомнился в той пламенной речи, собиравшей орков по всему Нордмару.

Морра были неуступчивы. Несколько лет они сопротивлялись, сражаясь насмерть, не пропуская орков на юг, к кланам северных народов и перевалу. Но Кана было не остановить. Он собрал всех лучших воинов орочьего народа, всех самых могущественных шаманов, и ударил по армии трусливого короля Робара. Битву у Клана Огня, в которой погибло полтысячи воинов морра, еще не скоро забудут. Долок, к сожалению, практически не принимал в ней участия — он был в резерве, который Кану не понадобился. Морра бежали с поля боя, оставив своих братьев в крови на снегу. Это был позор для армии Миртаны. Это было самое крупное поражение короля Робара до последнего времени. Сейчас, когда орки уже успели захватить треть государства, оно могло померкнуть под следующими победами Кана...

Где-то неподалеку опять заругался на своих помощников орк-шаман. О, Белиар, когда же кончится эта проклятая осада?!

Глава восьмая. От Монтеры до дальних морей

Герману Окарскому оставалось лишь грязно ругаться — неразобранная повозка стояла под навесом около его дома уже второй день, хотя по плану уже должна была оказаться на восточном побережье. Орки, орки были повсюду. Сперва к городу подошел первый отряд орков, с которым войска, оставшиеся под защитой монтерских стен, вполне могли бы справиться, если бы не трусость губернатора. На следующий день откуда-то с юга прибыли наемники, предатели рода людского, грязь человечества, предавшая Инноса. На самого бога старому торговцу было плевать с высокой башни

Орков было много. Очень много. С юга эти твари сумели каким-то невообразимым образом подтянуть тяжелые орудия, среди которых виднелась пара катапульта, вдобавок нагнав несколько сотен воинов с огромными топорами наперевес, одного взгляда на которые было достаточно, чтобы испугаться. С запада и севера ситуация была чуть получше — здесь стоял большой отряд наемников орков, подкрепленный шаманами и арбалетчиками. Мясному жуку было понятно, что атаковать будут с юга. Именно об этом Герман Окарский и сказал губернатору, нервно теребившему свою бороду. Этот мужичонка боялся, не верил в то, что высокие городские стены их защитят. Ну что могут сделать эти грязные твари? Почесать репу и подохнуть от стрел? Пускай. Убирать трупы, конечно, придется долго, но Герман уже придумал план, как можно будет стать подрядчиком в этом деле... Трупы все равно кто-то должен будет убирать, а ведь сделать это еще можно и с пользой...

Внезапно до слуха Германа долетел страшный грохот. Первый камень из катапульти разнес крышу городского храма. Пора домой — не хватало еще, чтобы каким-нибудь вылетевшим гвоздем торговцу пробило голову. И дернул же его черт послать в Гердонию малолетнего идиота Пауля, способного только козликом скакать по деревьям и собирать урожай, а не поехать самому. Сейчас он бы сидел и пил пиво с губернатором Фарзи, а Окарский-младший бегал бы по Монтере, собирая информацию. Уж слишком стар стал Герман для всего этого дерьма. Город войска губернатора отобьют. А в остальном... Черт его знает.

***

— Чавой они не стреляют-то?

— Так далеко мы еще, — проворчал наемник Доменик. — Вот как подойдем поближе, так и будет тебе все: смола, кипяток, стрелы, камни... Что хочешь, то и выбирай.

— Да я просто спросил...

Эб покачал головой. Ему совершенно не хотелось думать о том, что могло ожидать его там, на стене. Еще и орки, твари такие, поставили наемников в первый ряд. Они что, хотят, чтобы «морра» на стене растратили все свои снаряды на сородичей? А потом они бы вошли в Монтеру с топором на плече, весело похрюкивая одну из заунывных нордмарских мелодий? Черта с два!

Орки били в свои барабаны с самого утра, кой-где кричали шаманы, пытались даже призвать демона. К счастью, не получилось. Эб слышал от одного подвыпившего солдата в трактире, что однажды орочий демон раскидал своих же создателей, после чего исчез в горах на западе. Брехня конечно, но кто знает этих магических существ. Доверять всему, что устроено сложнее, чем меч — весьма рискованное занятие. Тетива лука всегда может порваться, спусковой механизм арбалета — заклинить, а вот меч, кусок стали, заточенный с двух сторон, всегда выручал. Сломается? Плевать! Можно и обломок лезвия вогнать неприятелю в горло. Пусть захлебывается собственной кровью. Не слишком, приятное, конечно, зрелище, но, черт побери, до чего иногда желанное.

Эб сам не знал, отчего эти мысли посетили его голову. Мозг пытался найти спасение в рассуждениях ни о чем, отвлекая самого себя от скорого сражения. Он знал, что большая часть тех людей, что сейчас окружала его, погибнет. А может, и Большая. Орк-командир нервно огляделся, поднял руку и махнул.

— Орк-Шака!

— Вперед!!! — Марик поднял меч, призывая всех идти в атаку.

Ускоряясь с каждым шагом, наемники начали движение к стенам. Там, за каменными зубцами, обученные командиры приказывали убивать своих бывших братьев по оружию. Эб сцепил зубы. Орк-шака так орк-шака...

Стрела пронзила грудь шедшему рядом с Эбом наемнику. Вслед за ними полетели арбалетные болты, камни, а на ставивших лестницу воинов полился кипяток.

— *Готовь! Смерть морра!!!*

Из-за спин взмыли в небо огненные шары, кто-то заверещал от дикой боли. Увернувшись от очередного снаряда, Эб проверил, крепко ли держится лестница, выдохнул и сделал первый шаг.

Рядом вылили, обжигая наемниче лицо, еще чан с кипящей водой. Эб, с детства не любящий жару, разъярился и полез с еще большей скоростью. Один из монтерских ополченцев пытался высунуться наружу, дабы снести упертую под кладку лестницу, но тут же словил животом арбалетный болт и упал, едва не уронив наемника вниз.

— Шевели булками, ублюдок! Давай-давай!

Наемник Дан словил щитом камень, скинул отягощавшую его защиту, поднял лук. Со свистом пронеслась стрела, и от боли закричал уже один из паладинов. Неплохо.

Ступенька, еще одна. Эб уже не ощущал толком ни рук, ни ног, он уже не боялся, что сейчас, при подъеме, ему могут отрубить руку или еще что-нибудь в этом роде. Ему было наплевать. Вперед! На Монтеру!

Уже на стене он почувствовал, что нескольких занятый боя на мечях недостаточно даже против городской стражи. Несколько взмахов, и Эба уже пинком, как собаку, сбросили на гнилую крышу какой-то сараюшки, которая, разумеется, под его тяжестью провалилась. Наверное, именно это спасло наемника от быстрой смерти — поговаривали, что из тех, кто поднялся в числе первых на стену, выжило всего двое, и то один остался без глаза и половины носа.

С трудом выбравшись из завалов подгнивающей соломы, Эб вышел на улицу, где уже вовсю шла борьба за выживание. Тренированные орки заставляли стрелять свои орудия практически без перерыва. Заряды магии огня от шаманов орков, перелетавшие через камень стены, с легкостью поджигали соломенные и дощатые крыши домов. Женщины и дети, расплескивая на бегу воду из ведер, пытались как-то загасить пожары, но труды их были тщетны.

Эб спрятался между кузницей и складом, помеченным знаком рода Окарских. Так... К северо-западной части стены несся лучник с двумя полными колчанами стрел. Полтора десятка смертей... Выдохнув, Эб выскочил на дорогу прямо перед стрелком и одним движением перерубил тому горло. Отскочив от хлынувшего потока крови, наемник побежал в сторону дома Германа Окарского. Уж где-где, а там должны быть богатства, а так как Эб не был уверен, что орки отдадут наемникам город на разграбление, то взять пару-тройку золотых тарелок, пока город еще не взят, явно стоило.

Мальчишку, дежурившего у дверей и напряженно смотревшего на юг, Эб без особых изысков прирезал, после чего открыл дверь и вошел внутрь. Было видно, что основные ценности старик уже перетащил в телеги, стоявшие во дворе под навесом, а в собственно доме осталась всякая мелочь. Хмыкнув, Эб вошел внутрь.

Сверху раздался шум передвигаемой мебели. Кто еще здесь?! Крадучись, как зверь, Эб поднялся по отделанной дорогим деревом лестнице, умудрившись не скрипнуть ни одной половицей. Дверь в дальнюю комнату была приоткрыта. Как оказалось, старина Герман решил в очередной раз пересчитать золото в своих сундуках. Вот оно, богатство... Два шага, удар мечом — и все монеты будут принадлежать Эбу. Даже скучно как-то... Никакого азарта.

Тут Окарский что-то почуял, с грохотом захлопнул крышку сундука и вскочил на ноги, противным голосом закричав:

— Какого дьявола?! Ты что тут забыл? Кто ты?! Очередная губернаторская шавка, посланная с письмом?!

— Кое-что похуже, — сплюнул Эб.

— Ты тут похаркай еще мне, свинья фермерская! Да...

Терпеть далее этот поток оскорблений Эб не собирался. Резким движением он вогнал лезвие старику под ребра. Тот попытался сопротивляться, но ничего поделать уже не мог. Не успело дряхлое тело осесть на пол, как наемник орков уже вышел из кладовки и направился на первый этаж, где недавно он заприметил мягкое кресло.

Где-то вдалеке вновь просвистел орочий снаряд. Что-то с ужасным треском рухнуло. Эб положил ногу на ногу, сцепил руки за затылком и широко зевнул. Жизнь казалась не такой уж и плохой в этот момент.

***

Утро выдалось слишком активным, чтобы Пауль оставался таким же на протяжении всего следующего дня. А работы предстояло много: за промежуток от скромного обеда до ужина он успел поговорить со всем населением лагеря беженцев на берегу, в чем ему помогал Вернер. Информации он получил до безобразия мало. Большая часть лагеря даже не слышала стука топора, а об обрушении подъемника узнала исключительно с наступлением рассвета. Чуть больше мог поведать старый рыбак Джо, дремавший во время диверсии с удочкой за ближайшей скалой. По его словам выходило, что диверсант работал незадолго до того момента, когда над морем показались первые солнечные лучи. Джо не обратил на это особого внимания (мало ли кому приспичило поработать с утра пораньше?), а о подъемнике он узнал только по возвращению в лагерь.

Пауль поблагодарил Джо, а вот стражника стоявшего ночью на воротах, ему хотелось убить голыми руками. Этот ублюдок поначалу долго вообще не шел на контакт — разговаривать с «материковой свиньей» было ниже его достоинства — но после угрозы привлечь губернатора Фарзи он сознался, что к нему приходила женщина из лагеря под скалой, умоляя гердонийского воина пустить ее в город или хотя бы накормить. Стражник, по его собственным словам, «подстрелил эту жирную олениху» на берегу озера, заперев ворота на ключ. Копия этого самого ключа была еще как минимум у пятерых: губернатора, капитана Моргана, кузнеца (который этот ключ и изготовил), горного мастера и начальника караула. Можно было подозревать любого из них. О, Белиар!

Юстина ждала Пауля неподалеку от гердонийского рынка.

— Как дела?

— Ужасно. Подозреваемых то совсем нет, то их слишком много, а потом снова нет. И ни у кого нет явного мотива, кроме золота, разумеется, что самое отвратительное.

— А как же известное...

— Ищи кому выгодно? Орки, а я не сомневаюсь, что это их рук дело, могут озолотить любого.

— Понятно... — протянула Юстина. — Кстати, губернатор приказал собрать людей для строительства той штуки, что ты придумал.

— Что МЫ придумали, — уточнил Пауль и улыбнулся. — Если это так, то можно будет устроить охоту на ту крысу, что сломала подъемник. Вряд ли она остановится. Но не сегодня. Признаться, я бы сейчас целого быка съел.

— Губернатор звал тебя на ужин...

— Что же ты раньше не сказала?! Пойдем!

— Ну... нет.

— Почему это?

Внезапно Юстина смутилась.

— Ну он меня не звал, во-первых. А потом, ты меня видел?

— А что такого? — озадаченно спросил Пауль и посмотрел на свою спутницу. Она была такой же красивой как и раньше. Что поменялось-то?

— Я служанка, дурак ты монтерский. Всю жизнь ею и была. Да и платье на мне соответствующее. На меня Фарзи смотрел, как на твою рабыню. Не пойду я туда — пусть идут в...

— Успокойся, — жестко пресек начинающуюся истерику Пауль. — Успокойся и пошли. Завтра закажем тебе новое. И вообще, ты не служанка, а дочь богатого торговца из Фаринга.

— Но...

— Подыграй мне в случае чего. И да, пошли.

За столом вместе с губернатором сидели капитан Морган с горным мастером. Фарзи недовольно покосился на вошедшую девушку, но тут же приказал слуге принести еще две тарелки. Идти против одного из Окарских он не стал — старик Герман был влиятельнее половины губернаторов Миртаны.

Разговор зашел, разумеется, о войне. Причем не столько о сражениях, которые происходили где-то очень далеко, а о делах более насущных: беженцах, грозившем голоде, подъемнике и шахте. Последняя волновала, по большей части, только горного мастера, не перестававшего говорить о простое и переполненных складах. Фарзи лишь отмахивался от него, как от надоедливой мухи. Его интересовало расследование.

Пауль вкратце поведал об услышанном в течение дня, особо отметив, что, будь охранник на месте, то, возможно, подъемник мог бы быть цел до сих пор. Фарзи возмутился, правда, не халатности стражника, а тому факту, что приезжий посмел подозревать кого-то из местных.

— Мне кажется, и капитан Морган со мной солидарен, это сделал кто-то из беженцев. Всех, кто живет здесь постоянно, я знаю. Этим людям я могу доверять. Они точно не сделают ничего подобного.

— Никогда нельзя быть уверенным, — дипломатично заметил Пауль.

— Этих скотин вообще не стоило пускать на остров! — прорычал Морган. — Двух недель не прошло, а сколько от них проблем? То подерутся, то трактирщика, идиота кучерявого, обворуют, жратвы постоянно требуют, а теперь еще и это! Их вообще стоило топить прямо в море, а тела на корм рыбам.

Пауль краем глаза заметил, как побагровела Юстина. Не хватало еще, чтобы она взорвалась от негодования прямо за столом.

— Слишком резкие речи, как мне кажется. Беженцев можно понять — на материке идет война, орки, можно сказать, уже в ней победили. Куда деваться людям? На Хоринис? Так там и своих проблем хватает — корабли просто не впустят в гавань. Куда еще? В Варант, в Арканию? Так их там никто не ждет...

— А еще их не ждут здесь! — поморщился Фарзи.

— Я предлагаю, когда они закончат строить дорогу, посадить их всех на один корабль и отправить куда подальше. У меня и для обычных работников дела не найти, а тут еще эти... Пусть рыбой одной питаются!

Пауль покачал головой. Много, много раз в своей жизни он сталкивался с подобным. Жители маленьких поселений относились к «чужим» не то чтобы с неприязнью — с враждебностью. И она очень мешала вести дела. Не успел Окарский что-либо ответить, как заговорила уже Юстина:

— Это очень жестоко!

— Зато правильно, девушка, — фыркнул губернатор. — Мы здесь для того и поставлены.

— Поставлены, чтобы хранить мир и порядок

— Вам следует знать, с кем вы говорите, девушка... — ледяным тоном произнес губернатор. — Мы же не лезем в процесс подготовки. И ВЫ (он особо подчеркнул это слово) не лезьте в политику. Оставьте это для людей, имеющих опыт в данной области.

Невероятным усилием воли девушка сдержала бушующий в ней гнев. Кое-как дотерпев до окончания блюда, она пробурчала под нос какие-то извинения, дескать, ей стало нехорошо, и встала из-за стола.

Едва лишь хлопнула дверь, как капитан Морган обрушил вслед Юстине целую лавину ругательств и оскорблений. На скромное замечание Пауля, представление о местных которого менялось со скоростью света, что, дескать, стоило бы вести себя несколько более приличным образом, ответил губернатор:

— Кухарку свою, Пауль, держать надо на короткой привязи. Я очень уважаю вашего отца, но вы и десятой доли его достижений не превзошли. Стоит вести себя аккуратнее. Это наш остров, Пауль. И если вы уж взялись вести расследование, то будьте корректны. Мы лучше знаем этот остров. Это сделал кто-то из беженцев. Ищите в этом направлении.

Паулю ничего не оставалось, кроме как согласиться с властителем Гердонии. Конечно, непогрешимая уверенность Фарзи в жителях острова настораживала, но ничего конкретного расследованию дать не могла. Коротко попрощавшись, он вышел из казарм и уже было направился в сторону лагеря беженцев, дабы кое-что уточнить, но тут на него налетела поджидавшая Юстина.

— Да как ты можешь так спокойно разговаривать с этими баранами?! Они же кого угодно на кол посадят, лишь бы их не трогали, да их лужайки никто не топтал.

— Все люди такие...

— Я не такая! — чуть ли не ревела уже Юстина. — Я...

— Я знаю, дорогая, — Пауль натужно улыбнулся и обнял девушку за плечи. — Ты очень хороший и добрый человек. Просто... не всегда получается жить так, как хочется. К сожалению...

Юстина кивнула и обняла Пауля, уткнувшись ему в грудь. Еще никогда Окарский не чувствовал себя таким счастливым...

Глава девятая. Отступаем!

Ранним осенним утром Трелис был прекрасен. Тяжелый густой туман, висящий над рекой, скрывал от глаз все то, что находилось на другом берегу. Над орочьим лагерем висела тишина. Кое-где тихо переговаривались между собой дозорные, где-то еще потрескивал углями костер, где-то похрапывала дневная смена. Из крепости третий день не было новостей — морра как будто вымерли. Лишь пяток-другой солдат показывались изредка на стенах, дабы проверить, не готовится ли кто к штурму.

Но орки даже не пытались делать этого. Укрепления Трелиса даже при малом количестве защитников внушали опасения — слишком крепкими и ладно построенными казались они. Вак хотел избежать больших потерь в своем отряде, он вообще не хотел потерь. К сожалению, полностью избежать их не удавалось. Несмотря на то, что атак больших соединений армии короля Робара Второго не было (на удивление!), но недобитки ее, повстанцы, сбившиеся в банды, постоянно тревожили дозорных, часто нападали на обозы и фуражиров. Последних вообще боялись выпускать из лагеря без большой охраны. Местные морра-крестьяне, не успевшие скрыться за стенами крепости, были отнюдь не рады гостям с севера. Обитатели одной из ферм вообще сбежали за несколько минут до прихода орков, оставив воинам лишь пылающую ферму, от которой грозилась запалиться некошенная сухая трава в округе.

Долок потянулся. Руки и ноги его затекли за время долгого дежурства, во время которого он не вылезал из кустов неподалеку от ворот в Трелис, которые, как виднелось с его позиции, изнутри были завалены мебелью и прочим хламом. Количество хлама стало потихоньку убавляться — дрова в замке, видимо, кончились.

Внезапно из-за спины раздался шорох опавших листьев. Долок резко развернулся, выхватив Краш Тарагх, но это оказался всего лишь Грубуц.

— Какой ты шуганый. Я тебе еды принес.

— Благодарю тебя, Грубуц. Как дела в лагере?

— Не слишком хороши. Несколько орков подхватили какую-то болезнь морра, и теперь из кустов не вылезают. Говорят, даже с кровью...

— Иннос наверняка наслал, дабы хоть чем-то помочь своим рабам. На севере же ничего такого не было.

— Север — наша территория.

— Там и рабы Инноса живут. Эти, северные морра, из кланов непокорных.

— Там не все Инносу поклоняются. Мне один шаман рассказывал, что Иннос поработил только один клан, другие поклоняются своим древним божкам в гробницах, третьи — духам предков. Белиар ногу сломит в их религии. Безбожники, что еще сказать.

— Как думаешь, долго мы еще здесь пробудем?

— Белиару одному ведомо. Морра упрямые, как горные бараны. Что они, и вправду думают, что король придет и освободит их? Я слышал, как Вак с кем-то из командиров переговаривался. Наши братья взяли Монтеру штурмом, и, кажется, почти зашли в Гельдерн. Остался лишь восток. А там лишь Венгард и куча деревень. Никаких проблем!

— С морра и без проблем? Ты еще скажи, что они нас встретят по своим обычаям, хлебом. И шнапса своего нальют. Хотя я бы их шнапс не пил бы. Мало ли, отравят еще.

— Всего-то ты боишься, Долок, — хмыкнул Грубуц. — Смотри лучше за морра, я пойду.

Но не успел Грубуц сделать и шага, как изнутри донесся шум. Что такое? Долок припал к земле. Вроде ничего такого не было, но глаз зацепился за одну маленькую деталь — на стенах никого не было, и даже высокий тощий морра, болтавшийся по укреплениям половину ночи, пропал. Прорываться они что ли решили?

— Грубуц, дай сюда ту палку с шаром.

Друг растеряно протянул валявшуюся под ногами длинную палку с металлическим навершием. Когда-то она предназначалась для давки ягод, а сейчас она служила сигнальным инструментом. Тут же, в кустах, лежал пустой металлический чан. Ворота чуть-чуть приподнялись. Нельзя, нельзя их спугнуть раньше времени. Около ворот дежурило еще трое или четверо орков, но сигнал подать мог только Долок. На нем лежала самая большая ответственность. Морра шли без тяжелых доспехов — они полагались не на свою боевую мощь, порядком уменьшившуюся за последние недели, а на скорость ног и скрытность. Уже пятеро оказалось по эту сторону решетки. Рано, рано!!! Шестеро... Семеро... Сколько же их было внутри Трелиса? Вот уже почти все собрались у ворот. Из кустов стал доноситься недовольный говор орков. Они знали приказ, но уж слишком сильно им хотелось спустить тетиву арбалета. Еще секунду...

БАМ! БАМ!

На звон в голове Долок не обратил внимания — схватив Краш Тарагх, он выскочил на дорогу, Грубуц за ним. Из частого хитросплетения веток кустов и деревьев в морра полетели арбалетные болты. Трое воинов королевской

армии рухнули на землю. Поняв тщетность своей затеи, трусливые твари побежали к решетке. Черта с два!!!

Перепрыгнув через трупы морра, Долок что было силы метнул свое оружие в спину одному из наиболее богато одетых воинов. Попал! Грубуч с адскими криками попытался сделать тоже самое, но его топор лишь с грохотом отскочил от принявшей опускаться решетки. Не понимая, что он делает, Долок разбежался и на скорости полетел в подкате, не зная, успеет ли он проскочить под закрывающимися воротами. Ободрав кожу об выщербленный камень дороги, орк оказался внутри крепости, и его бы наверняка тут же насадили на копье как бабочку, но неизвестный арбалетчик пробил морра грудь. Долок откатился в сторону. Краш Тарагх остался на той стороне решетки. Плевать!

Схватив копье (до чего же тонкое древко!), орк прорвался во двор крепости. Морра были слишком ошеломлены неудавшимся побегом, и на орка, кажется, даже не обратили внимания. Воспользовавшись суматохой, Долок нырнул в боковое помещение, где располагался подъемный механизм, около которого стоял, упершись ладонями в колени и тяжело дыша, высокий морра, размерами своими напомилавший орка. Не успел тот даже выпрямиться, как Долок насадил его на копье. План созрел в голове орка в доли секунды.

Помещение представляло собой узкий темный чулан с единственной бойницей в качестве источника света. Во внутренний двор вела толстая дверь, щедро обитая металлическими пластинами. Белиар знает зачем, внутрь морра притащили огромную бочку с водой. И именно она играла важнейшую роль в плане Долока. Отбросив захлебывающегося собственной кровью морра, он захлопнул дверь и изнутри подпер ее тяжелой бочкой, которую даже он, хорошо физически развитый орк, еле сумел сдвинуть. Фу-х...

Против часовой — решетка спускается. По часовой- поднимается. Сделав усилие, Долок принялся вращать ворот вправо. Снаружи сразу же принялись доноситься непонятные крики.

— *Какого дьявола?! Джерри!!! Сука! Открой двери! Парни! У нас предатель!*

— *Открывай, ублюдок!*

Долок не обращал внимания на вопли и на толчки в дверь. Он только искренне надеялся на то, что орки за стеной уже подняли сигнал тревоги, и что к воротам несется огромный отряд тяжеловооруженных воинов. Бах! Не оборачиваясь, Долок вращал ворот. Р-р-раз! Р-р-р-раз!

— *Решетка поднимается! К бою!*

Остановившись на мгновение, Долок примкнул к бойнице. Те орки, что сидели в засаде в кустах, уже оказались на дороге с топорами наготове. Над речной долиной гудел сигнальный рожок, орки в лагере что было силы долбили в барабаны. Долок почувствовал прилив сил, и тут же вернулся к вороту. Р-р-раз! Р-р-р-раз! Ворота открыты. Передовой отряд уже подступил к мосту и построился. В дверь уже перестали долбиться — морра готовились к своему последнему бою. Долок застопорил ворот и рухнул без сил на холодный пол. Он чувствовал себя героем...

***

Матиас проснулся от сильного удара снизу. Как оказалось, опять дурак-возница нашел на дороге камушек. Будь же ты проклят, деревенщина... И ведь ни одна солома не спасает. С трудом подняв тяжелую после вечерней пьянки голову, паладин высунулся из повозки, дабы глотнуть свежего воздуха, вдобавок отругав извозчика.

Над пригородом Венгарда висела темная ночь, и лишь огни на башнях королевского замка служили каким-никаким, но ориентиром в царившей тьме. На въезде в Венгард колонну с ранеными остановила стража.

— Откуда едете и что везете?!

— Фаринг, гпдин, — протараторил начальник колонны, неприятный с виду, похожий на крысу тип. — Орками стрелянных возьм, на лечение, хе-хе. Жлаете проверить?

— Да, желаю, — хмуро произнес командир стражи и принялся осматривать повозки.

С момента того самого боя в южном Нордмаре прошло около недели. Нога Матиаса, разумеется, до какой-то степени успела зажить, и ему, как истинному воину Инноса, стоило бы остаться в пограничной крепости, дабы, в случае чего, помочь братьям по оружию отразить удар орочьей армии. Но... Матиас понял, что ловить там нечего. Вообще, первым желанием юного паладина был отъезд из Миртаны куда-нибудь подальше. Первая встреча с орками оказалась слишком ужасной, чтобы желать чего-то подобного еще раз. Матиас тут же начал обдумывать план побега. И созрел он достаточно быстро.

Лекарей в Фаринге из-за близости орков постоянно не хватало, и раненых зачастую отправляли либо в Готу, либо в Венгард. И Матиас ждал, когда отправиться колонна именно в столицу королевства. Уговорить гарнизонного лекаря удалось за пару сотен золотых, предварительно запрошенных тремя пинтами крепкого пива.

— Что же случилось с тобой, паладин? — спросил начальник стражи, заметив расшитое знаками Инноса исподнее на Матиасе.

— Ранен я в приграничной стычке с орками. Серьезный бой был, мне вот удалось остаться в живых, единственному из всего отряда.

— Сочувствую. Да помилует Иннос души павших.

С этими словами командир стражи дал первому вознице добро на проезд в город, добавив, чтобы тот двигался в сторону городского храма, не задерживаясь в кварталах, в которых в последние дни «расплодилось слишком много фермерской швали». Люди бежали отовсюду: с богатого запада и с рыбацкого востока, с северных рубежей и с границы с Варантом. Скорость продвижения армии орков стремилась к каким-то воистину фантастическим показателям. По мнению некоторых паладинов, войну могла остановить только скорая зима, обещавшая быть в этом году холодной. Орков она могла затормозить, позволив войскам короля реорганизоваться и хоть как-то подготовиться к битве. Многие винили Робара в том, что он слишком большое внимание уделял крепости Фаринга, совершенно наплевав на Сильденский перевал, откуда, собственно, орки и пришли.

Теперь оставалось полагаться только на волю Инноса и на мощь крепостных стен оставшихся незахваченными городов.

В столице, несмотря на ее близость к Фарингу, Матиас не был уже несколько лет, но кабак «Блохастый варг» он мог найти с закрытыми глазами. Благо, даже идти далеко ему не пришлось — временный госпиталь разместили в подсобных помещениях храма Инноса, находившийся буквально в двух шагах от трактира. Поскольку ранение Матиаса не было слишком серьезным, место на больничной койке он занимать не стал — и без того было много раненых парней — хотя ему, как представителю Ордена, и предлагали. Отмахнувшись под предлогом «Мне нужно к королю», Матиас, отчаянно хромя, даже чуть сильнее, чем вынуждала его рана, вышел из храма. Оказался он на некогда тихой площади, на которой раньше собирались бедняки, желавшие помолиться богу света и огня, и многочисленные нищие, протягивавшие руки к ногам богачей, совершавших воскресный молебен. Сейчас на этом месте не нашлось бы клочка земли и для одного попрошайки — все было заставлено повозками, на окраинах у костров сидели легкораненые, ожидавшие отправления в гарнизоны, из темных окон близлежащих домов на них угрюмо смотрели местные торговцы, дело которых окончательно и бесповоротно разрушила война. Матиас предпочел долго не задерживаться, повернул на север и поспешил по узкой грязной улочке. В мирное время ее освещали с обеих сторон, и через пять-шесть домов обязательно дежурил стражник. Теперь же горела лишь половина фонарей, а из людей паладин встретил лишь хмурого низенького паренька в капюшоне. Наверняка вор. Узрев представителя Ордена, он пожал плечами и скрылся в густой тьме меж домов, не желая быть узнанным.

«Блохастый варг» представлял собой двухэтажное здание из посеревшего от времени дерева, стоявшее под самой крепостной стеной на севере Венгарда. Вокруг него было удивительно тихо, и даже яркий фонарь над вывеской, зазывавший каждого прохожего под низкие своды кабака, не горел. И лишь лысоватый трактирщик сидел на скамейке перед входом и потягивал самокрутку. Заприметив направившегося в «Блохастого варга» человека, он категорически заявил:

— Мы закрыты.

— Ага, как же... Я не по делам короля. Я выпить.

— Охотно верю, но приказом губернатора Венгарда и лично Робара Второго, кабаки могут быть открыты только с полудня до заката солнца.

— А если, — Матиас обернулся. Вроде никого. — Если просто так? Хотя я и хожу сюда ради окружения и веселья, но и выпить мне охота. Думаю, дара в полсотни золотых будет достаточно.

— Будьте моим гостем, господин паладин, — проворчал трактирщик и распахнул дверь. — Только быстрее.

Обстановка внутри, подсвеченная лишь тремя-четырьмя тусклыми масляными лампами, была, казалось бы, знакомой, но Матиас ее не узнал. Со времени последнего посещения «Блохастого варга» изменилось очень многое. Не было больше пьяных бесчувственных тел под грубо сколоченными столами, не было веселых песен в дальнем углу, не было разлитого пива, не было смазливых девочек, готовы отдать за несколько десятков золотых, не было тренькания лютни. Ничего этого не было — только толстуха, являвшаяся, судя по всему, женой стремительно лысеющего трактирщика, подметала пол.

— Ханна, налей гостью выпить.

— Шарки, ты знаешь правила! — попыталась было взбунтоваться толстуха, но тяжелый взгляд, брошенный трактирщиком, поставил ее на место.

— Господин паладин наш гость. Почему вы без доспехов, посмею вас спросить?

— Я прибыл в город по ранению — досталось немного от орков в горах Нордмара. Я не хотел уезжать из Фаринга, но комендант настоял, — не моргнув и глазом, Матиас принял из рук жены хозяина кабака тяжелую кружку с пивом. Глотнув немного, он добавил: — Еще и мой любимый меч твари забрали...

— Тяжелое ранение было?

— Не слишком, но спасла меня только воля Инноса, и я ему благодарен. Наверное, ОН все-таки чтит своих самых верных слуг.

Внезапно толстуха шмыгнула носом и, с трудом сдерживая слезы, убежала в подсобное помещение. На вопросительный взгляд Матиаса трактирщик процедил сквозь зубы:

— Обоих наших сыновей Иннос не пощадил. Первый сгинул в песках Варанта десять лет назад. Мигелем егс

звали. Ушел вместе с войсками короля. Не вернулся парень, и весточки ни одной...

— А второй?

— Второй... Хэрри, любимец наш... Он после начала войны все рвался в королевские войска, мы его с матерью как только не отговаривали, ведь работа у него есть, а встать на защиту Венгарда он и так бы смог. Но нет. Решил паренек, что должен обязательно поучаствовать в освобождении страны — четырнадцать всего дураку было. Он в сильденском гарнизоне был, оруженосцем... И...

Продолжения не требовалось. Матиас и без слов трактирщика знал, что произошло в охотничьей столицы Миртаны. Город пал первым, и у его защитников не было ни единого шанса на спасение. В лучшем случае малого орки превратили в своего раба, но, пусть Иннос спалит его солнцем, разве это жизнь?!

— Он пал во имя бога нашего Инноса, — тихим голосом произнес Матиас. — Это достойная смерть, лучше и не придумаешь...

— Да какая к черту разница! — махнул рукой трактирщик и исчез за стойкой.

Матиас покачал головой. Ну что за слабак... И нельзя было сказать, что этот суровый муж, державший один из самых грязных кабаков Венгарда, способен расстроиться из-за такой чуши. Паладинов с детства готовили к тому, что они должны отдать свою жизнь во имя светлого бога по первому же приказу. А этот... Парень погиб не в пьяной драке. Чего ныть-то?

Трактирщик молча налил еще кружку пива, и Матиас уже было пригубил ее, как сзади послышался стук в дверь. Судя по резко посеревшему лицу Шарки, это была ночная стража. Явиться в кабак она могла по двум причинам: либо собрать дань «за защиту», либо проверить, соблюдает ли «Блохастый варг» указ короля.

— О, Шарки, я смотрю, мы тут нарушаем...

— Этот паладин — наш гость.

— Паладин? — даже спиной Матиас почувствовал, как изогнулась бровь стражника в помятой форме королевской армии. — Не знал, что к тебе хотят воины Инноса.

— Еще как ходят, — не оборачиваясь (еще чего, пусть сам подходит) заметил паладин. — Или ты не доверяешь словам воина Ордена?

— Конечно, нет, паладин. Только, боюсь, мне придется прервать вашу трапезу.

— Это еще почему?

— Мне велено найти всех воинов в городе, дабы отправить их к главе гарнизона господину Кобрину.

— На кой ляд?

— Приказ!

— Да что случилось-то, мать вашу? — не на шутку разъярился Матиас. Ему очень не нравилось, когда всякая мелкая шваль отвлекала его от чего-либо.

— Разведчики с дальних рубежей подали знак. Орки замечены на дороге к Ардее...

Глава десятая. Тылы орков

Делегацию хашшашиноров орки заметили издалека. Двадцать морра шли, не скрываясь, под огромным, как парус, черным флагом, на котором бело-желтыми нитями чьей-то талантливой рукой была вышита голова птицы неизвестного. Едва лишь знамя народа песчаной пустыни показалось из-за деревьев, орк Пранк, командующий воинами на стенах, велел опустить решетку. Мало ли...

Орк Капочч захохотал и с силой ткнул Долока в плечо:

— Ишь как вырядились. Одарят нас золотом, лишь бы выслушали их.

Тот с сомнением поморщился:

— Судя по их виду, золото платить будем мы. Причем много.

Долок вообще в последнее время получил столько внимания со стороны других орков, что даже становилось не по себе. Вак, командующий гарнизоном Трелиса, лично поблагодарил отважного орка, рискнувшего проникнуть в одиночку в крепость морра, и наградил его небольшой шкатулкой, наполненной золотыми монетами.

Всего четверо или пятеро морра сдались живыми. Вак поначалу хотел казнить их, но потом, подумав, решил, что все-таки лучше пока их подержать недельку-другую в подвале, после чего отправить на работы на ферму. Толку больше.

Впрочем, чего о них. Куда больше сейчас орков интересовали именно хашшашины. Главного из них звали Хабир, и с кем бы то ни было из младших командиров он говорить отказался, сразу же потребовав аудиенции с Ваком. Делать нечего — жирного и объемного, как мешок с ошметками свиньи, торговца из пустыни в сопровождении одного охранника впустили в замок. О чем конкретно говорили Хабир с Ваком, Долок не знал, хотя разговор продолжался очень долго — вплоть до заката солнца, после чего командующий орками велел своим воинам освободить бывшую казарму морра. Пришлось потесниться в тесных комнатухах, сокрытых в стенах крепости.

На следующий день с юга вслед за хашшашинами прибыл отряд орков вместе с рабами и парой наемников. Как выяснилось, это была часть того самого корпуса, что отправился несколько лун назад на захват Хориниса и успешно выполнил свою задачу.*

Правда, по слухам, не обошлось без эксцессов. Один разведчик, самый разговорчивый из новоприбывших, поведал, что на острове были битвы между орками (часть из которых была из Нордмара, часть — местные, с Хориниса), в которых polegло множество братьев как с одной, так и с другой стороны. Еще он рассказал, что Мубрак вскоре после победы начал хиреть на глазах, как ржавеет инструмент без долгой работы. Кто-то связывал это именно с продолжительным отсутствием битв, кто-то — с пристрастием доблестного военачальника к выпивке.

«Загубил же Кан одного из самых могущественных своих воинов», — подумал Долок, когда ему рассказали эту историю. Неужели вождь и в самом деле боялся своего подчиненного? Быть не может. А такие слухи ходили. Талант Мубрака, теперь подтвержденный уже и в больших баталиях (одна битва на Больших полях** чего стоит) не должен был вот так вот завянуть. Будь Кан заинтересован в Мубраке — в уме ни того, ни другого Долок не сомневался — то сразу бы вызвал его обратно на континент, где война грозила затянуться.

Хоть орки и взяли большую часть королевства под свой контроль, полной власти они так и не достигли. Все еще незахваченными оставались Гота, Венгард и Фаринг, да и повстанцы, эти вездесущие крысы, досаждали, отстреливая орков как оленей. Еще больше не везло наемникам армии Кана, перебежчикам-морра, которых бывшие братья по оружию совершенно не жалели, оставляя висеть вверх ногами ночью в лесу. К утру от них, соответственно, оставались разве что ошметки доспехов. Все прочее сжирали голодные по поздней осени падальщики и волки. Незавидная участь, пускай и заслуженная.

Впрочем, это все равно не могло удерживать морра от вступления в ряды наемников. Некоторые из них достигали даже значимого положения в рядах армии. Взять того же Торруса, который пришел с Хориниса. Это был человек ростом повыше иного орка, с плечами невиданной ширины и взглядом холодным до такой степени, что каждый встречный обжигался об него, как о «Ледяную стрелу», практикуемую служителями Аданоса. Вак после недолгого разговора с одним из посланников Мубрака тут же поставил этого морра (хотя в глаза все предпочитали называть его «шак-мар», «морра-победитель») начальником над отрядом, контролировавшим предместья Трелиса, что немедленно принесло свои плоды.

Всего через две недели после этого назначения небольшой отряд орков под командованием Торруса привел в город раненого повстанца, поведавшего, разумеется, под пытками, о лагере Немора где-то в горах на западе, куда сбежались выжившие из Гельдерна и те немногие, что находились не в Трелисе во время начала осады. Рассказать о местонахождении лагеря пленный не мог — не знал сам, а потом и вовсе помер от гигантских кулаков Пранка, заведовавшего допросом. Теперь оркам предстояло найти эту чертову Немору, дабы обезопасить пути снабжения.

Именно об этом думал Долок, когда его однажды после обеда подозвал к себе Вак, наконец соизволивший вытащить свою жирную тушу из крепости.

— Долок!

— Да?! — поднял голову орк.

— Готовься к походу. Возьми четверых орков. Каких хочешь. Готовьтесь к походу в Варант. Мне нужно знать, что задумали хашшашины! Вечером зайди ко мне за распоряжениями. Думаю, завтра вы выходите.

— Да, господин, — Долок нахмурился. Почетное поручение, что означало лишь его поднятие по карьерной лестнице города Трелис, но, Белиар его дерит, что же задумал военачальник?

***

Рабов было много. Очень много. Несмотря на крайне яростное сопротивление жителей Монтеры, орки собрали во дворе полуразрушенного, и еще даже не успевшего догореть, храма несколько сотен пленных. Большая часть из них даже не решалась поднимать глаза, да и сами захватчики, по правде говоря, не желали этого.

Эб, ставший во время штурма города в несколько раз богаче, смотрел на все с надменной улыбкой. Он уже успел услышать от Марика, что поступает в распоряжение наемника Бредли, который, в свою очередь, заведовал всеми пленными или, как их предпочитали называть орки, рабами. Вполне подходящее слово, ведь никого из стоявших сейчас на коленях не планировали использовать для выкупа или в качестве почетного пленника. Они должны были работать на износ.

Первым делом следовало отобрать женщин. Девицы для наемников, кухарки, уборщицы в домах — мало ли мест, куда их можно было применить. Потом стоило заняться мужчинами. Многие из них были ранены, кто-то болел, кто-то просто не желал работать на благо народа орков. Что ж, таким была одна дорога — на виселицу, куда их еще девать-то. Близилась зима, уже иногда по утрам пролетал над головами снег, и поэтому каждый лишний рот мог убить экономику. Население должно быть активно на сто долей из ста, иначе орки могли бы и не пережить зиму. Ну, как орки, те, кто им служит. И благосостояние наемников волновало Эба куда больше, чем толщина брюха Варека. В конце концов, именно от него и зависела дальнейшая судьба дезертира.

Перед успевшим начать употреблять в огромных количествах шнапс Бредли встала сложнейшая задача — распределить всех по местам, желательным таким образом, чтобы работы не прекращались ни на минуту.

Всего в окрестностях города осталось три фермы: одна зерновая и две молочные. Прочие войны не пережили. Для обеспечения их безопасности Бредли упросил Марика выделить два десятка наемников, дабы зачистить поселения от вышедших из лесов зверей. Запасов на фермах, разумеется, не осталось. Повстанцы и крестьяне вынесли все, что представляло хоть какую-нибудь ценность. Гвозди, зерно, мешки, Эб не досчитался даже одного мельничного жернова. Какой гигант сумел утащить его и, главное, зачем?

Благо, охоту взяли на себя орки. Даже в незнакомых лесах они прекрасно ориентировались, и первым же рейдом добыли нескольких потрошителей, с которых сняли несколько не один десяток фунтов мяса. К сожалению, наемники не увидели ни единого кусочка от добычи. Большую часть поглотила орда орков, а несколько фунтов кинули рабам, занятым заготовкой дров.

С лесозаготовок, несмотря на мощную охрану, люди бежали практически каждый день, в основном на восток, в сторону окарских лесов, куда не каждый тяжеловооруженный воин бы решился зайти. Но рабам было наплевать. Свобода или смерть! Вот же дураки...

Однажды вечером Эб, устав за день от беготни по близлежащим лесам, вернулся в свой дом (на самом деле — комнату на первом этаже бывшего дома Германа Окарского), мокрый до нитки. С самого утра шел ледяной дождь, иногда перемежавшийся со снегом. Все это дополнялось ужасным ветром.

Кое-как раздевшись и рухнув на топчан, устанный свежей соломой (служанка Гретта, подружка Марика, постаралась) Эб попытался уснуть, но в дело вмешался бывший городской маг Виктор, живший за стенкой, принявшийся что-то толочь в своей металлической ступе. О боги, неужели это нельзя сделать днем?

Разозлившись, Эб вскочил на ноги, накинул поверх нательного белья меховой жакет из запасов покойного Германа Окарского, и арбалетным болтом выскочил в коридоре. У него был слишком тяжелый день, чтобы спускать подобное с рук.

Мало было ему пробежек по лесам и фермам, так на входе в Монтеру его еще и остановил Марик. Коротко поинтересовавшись о состоянии дел на дальних рубежах, предводитель наемников своим тихим голосом спросил, куда же делось все богатство старика Окарского. Чего-чего, а этого вопроса Эб никак не ожидал.

С момента взятия города прошло уже достаточно много времени, после которого большую часть богатств главного торгового города Миртаны орки присвоили себе, кинув, как кость варгам, несколько тысяч золотых своим помощникам, наемникам, доля убитых среди которых была очень высока. Их, этих самых наемников, предателей королевства бросили в первых рядах. До половины воинов погибло при штурме стены, пока орки бомбардировали южные ворота камнями и зажигательными снарядами, а их шаманы напускали на защитников страшнейшие проклятья. И что же получили люди? Да ни шиша! Большинство свою часть золота потратили тут же на выпивку, а

те, кто поумней, отложил на будущее, обновив оружие и снаряжение за счет умертвленных защитников Монтеры. А Эб...

Эб просто еще до взятия города перетащил несколько приличных размеров мешочков с золотыми монетами и драгоценными камнями в проулок между хозяйственными постройками на юге города. Защитники города совсем не обращали внимания на снующего туда-сюда человека с какими-то мешками. Пару раз Эба чуть не прибило камнем с катапульты, но он все же сумел запрятать богатство в куче компоста. Еще через полмесяца он за несколько ходок сумел вынести почти все за пределы города. На сей раз тайником послужила почти уничтоженная течением Южной реки лодка. Судя по всему, во время половодья ее разломало о сосны на берегу. Не слишком надежное укрытие, но на зиму его вполне должно было хватить, да и расположенная неподалеку ферма наемника Доменика обеспечивала причину, по которой Эб мог ходить в эти края с периодичностью раз в несколько дней.

На вопрос, уж не вздумал ли командир наемников подозревать своего подчиненного в воровстве, Марик ответил:

— У старика все было посчитано. Орки обнаружили почти на тысячу золотых меньше, не говоря уже про камушки. Напомни-ка мне, кого армия нашла в доме? Уж не тебя ли?

— Я просто спрятался, когда войска короля отрезали меня от моих братьев по оружию. И что мне было делать?

— Не знаю... Только почему-то спрятался ты не в хлеве со свиньями, где бы тебя точно никто искать не стал, а в одном из самых богатых домов города. Да и самого торговца ты убил, хотя он мог бы рассказать много всего интересного... Орки будут спрашивать с меня, когда эта информация дойдет до них. Так что, Эб, работай хорошо, ладно? Я не хочу ни на кого сердиться...

С этими словами Марик отправился к своей девке на мягкую кровать (тоже, кстати, отобранную у одного из богатых городских торговцев), а Эб остался наедине с ледяным ветром. На что же этот шакал намекает, а?! Забыл, с кем дело имеет?

С этими мыслями злой от усталости наемник ворвался в лабораторию мага. Бросив короткий взгляд на вошедшего, Виктор нахмурился и чуточку поубавил свою ярость в толчении всяких порошков.

— Мастер! На дворе ночь, а вы вздумали шуметь на половину страны. Я предупреждаю в первый и последний раз...

— Когда же мне работать над своими проектами, когда я целый день вынужден пахать как проклятый на орков?! Когда?

— Ваши «пражекты» — ваше личное дело. А шум — мое дело. Не вынуждайте меня братья за клинок.

— Мои «пражекты», как вы позволили себе выразиться, могут спасти не один десяток жизней! Или отобрать... Алхимия — сложная наука, а вы ползете сюда и велите мне варить, будто я повариха на кухне у лесорубов. Да как вы смеете?!

— Ага, сложная... И что будет, если смешать эти два порошка? — ухмыльнувшись, спросил Эб. — Ба-бам?!

— Еще какой «ба-бам», — на удивление, кивнул маг. — Алхимия очень опасная наука, особенно когда речь заходит об... экспериментальных порошках.

— Экспериментальных порошков? — слишком сложные слова, но почему-то они заинтересовали наемника, пусть и несколько меньше, чем упоминание о взрывах.

— Да, именно о них. Видите ли, господин Эб, основная проблема современных лечебных зелий — их форма. Крайне неудобно носить с собой десятки пузырьков и флаконов с лечебными жидкостями. Я хочу разработать формулу лечебного порошка.

— Чтобы засыпать, а не глотать пинтами?

— В некотором роде. Только не принимать в сыпучей форме, а разводить, ну, скажем, в походной фляге. Это куда эффективнее, чем принимать в порошковой форме, — Виктор почесал лысину. — Наши предки, первые алхимики, остановились именно на зельях лишь потому, что они давали эффект, условно равный единице, в то время как порошок полезен лишь на одну треть. Я работаю над этой темой уже несколько лет, и пока удалось довести эффективность лишь до двух третей. И до трех четвертей, если разбавлять кипятком. Поэтому я продолжаю свои изыскания.

— Но если это лечебное пойло, то почему оно должно взорваться?

— Видите ли, господин Эб, — с каждым следующим разом слово «господин» маг произносил все с большим снобизмом. — Для усиления эффекта я вынужден применять катализаторы, специальные вещества, находящиеся в природе, улучшающие действие. Именно они и могут взорваться, но никак не сами порошки из лечебных трав. Поэтому действовать стоит крайне осторожно. Никаких непредуманных действий. Иначе...

— И насколько сильным будет взрыв?

— Смотря что с чем смешать... Вот, например... — Виктор улыбнулся и, порывшись на полках с банками, достал оттуда сосуд из темно-зеленого стекла. — Порошок серы, очень мелкий. Даже уже и не помню точно, зачем

я его когда-то прикупил у одного из горных мастеров. Его не нужно распылять, иначе, если будет хоть малюсенький огонек, все взлетит на воздух.

— Понимаю...

Эб еще долго расспрашивал бывшего мага о свойствах того или иного вещества, имевшегося в запасах. Виктор, поначалу с опасением относившийся к наемнику, постепенно начал раскрываться. Орки использовали его, чтобы варить лечебные зелья в таких количествах, что становилось страшно, как еще не прогорело донце котелка. В лаборатории было постоянно душно, каждому входящему сию минуту становилось трудно дышать. Но Виктор жил, и единственной его отдушиной были эксперименты, не интересные никому, кроме, собственно, самого мага. А тут нашелся случайный человек, которому ИНТЕРЕСНО. И Виктор тут же начал делиться знанием. Творчески человек, что ж с него взять. Рассказал он много, даже успел поделиться рецептом самой дешевой заживляющей эссенции и выдать Эбу заказ на пятьдесят лечебных растений. Рассказал он много, и лишь наемник знал, что из этой груды информации ему точно понадобится.

Глава одиннадцатая. Огни в ночи

— Мы не можем позволить осадить город! Каждый день с севера и запада страны прибывают беженцы! Мы должны защитить каждого!

— У нас не хватит еды, милорд. Шпионы поговаривают, что в Ардее готовится восстание против сборщиков провианта. Дескать, и так нет пищи.

— Повесить каждого! Веревки и деревьев хватит! Венгард — последний оплот человечества на этой земле...

— А Варант, значит, не человечество...

— Эти проклятые фанатики Белиара должны сгореть под солнцем Инноса! Нордмар пал, в мире держится всего три крепости, а новостей из Хориниса до сих пор нет. Живы ли войска лорда Хагена?

— Мне кажется, что нет. Необходимо послать еще один отряд, поменьше.

— У нас нет кораблей! Каждое утлое суденышко за сотни золотых вывозит крыс из Миртаны! И покупают ведь билеты! Наши перехватчики успевают останавливать, дай Иннос, одну десятую всех кораблей, уходящих из страны. И куда они бегут?!

— Милорды, успокойтесь!

Белиар только ведает, как Матиаса впустили в главный зал дворца короля. Весь городской гарнизон был поднят посреди ночи по боевой тревоге — на дозорных башнях зажглись предупредительные огни. Где-то между Ардеей и Венгардом рыскал достаточно большой отряд орков. Откуда они, каковы их цели? Этого не знал никто из собравшихся в зале. Матиас тут же попал под крыло стареющего паладина Пирациса, старого интригана с языком, подвешенным настолько, что однажды именно он возглавил заговор против генерала Ли, прославленного полководца. Пирацис был верен королю, как маг огня Инносу, но со всеми прочими он не считался — это знали даже в приграничном Фаринге, обложенном орками.

Самого Избранника Инноса, носителя Скипетра Варанта, к сожалению, Матиас так и не увидел — поговаривали, что Робару нездоровилось, и все управление войной он полностью доверил Кобрину, генералу королевской гвардии, потому что древнего знатного рода, на удивление, не обделенному умом и храбростью. Разумеется, он принадлежал к Ордену, хоть доспехов паладина и не носил, предпочитая форму гвардии. Из-за этого он порою конфликтовал с Пирацисом, который как раз выслушивал последние указания перед выходом за пределы Венгарда.

— Судя по всему, там сейчас находится наш отряд фуражиров, посланных в Кап Дун два дня назад. Если они здесь, то в их обозе должен находиться провиант на неделю как минимум. Если начнется осада, то каждая горсть зерна будет на счету. Надеюсь, вы это понимаете, милорд.

— Разумеется, Кобрин, — фыркнув, ответит Пирацис. Судя по всему, он уже подыскал себе следующую жертву для дворцовых интрижек.

— Не забывайся, Пирацис, кто первый советник по военным делам. Зря ты тогда убрал Ли. Может, мы бы уже были около Клана Молота. Впрочем, чего сейчас говорить... Тордир!

— Да? — будто ожившая статуя, выскочил из темноты один из помощников генерала.

— Проводи Пирациса до внешних ворот. Проследи, чтобы все было хорошо. Через несколько часов должен прибыть отряд из Готы с ранеными. Там до сих пор идут бои.

— Да, милорд! Пройдемте!

У юго-западных ворот города царил суматоха. Часть отряда, посланного в сторону Ардеи, уже вышла за пределы Венгарда, еще часть оставалась около ворот, пытаясь организовать в некое подобие настоящей армии, той, что была во времена войны с Варантом. С тех пор от королевской рати осталось только бывшее название. Большая часть талантливых военачальников либо оказалась в Долине Рудников (как тот же Ли), либо погибла. Кто-то сумел перейти на сторону врага, кто-то сбежал на острова. Сама же армия комплектовалась в основном из насильно призванных крестьян, горожан и учеников мастеров из ремесленных кварталов оставшихся под контролем Робара городов. Обучать этих «солдат» толком не успевали, и зачастую сразу же бросали в бой без толкового снаряжения (особенно часто поговаривали о печальной участи корпуса монтерских ополченцев, погибших в битве под Трелисом). Даже паладинов, воинов Инноса, благословленных самим богом, осталась в лучшем случае половина от того количества, что насчитывалось в начале войны.

Матиас совершенно не хотел идти куда бы то ни было, но служебный долг, ровно как и клятва Инноса, гнали его вперед. Да и, черт возьми, должен же он рано или поздно совершить качественный скачок в своей карьере! Судя по всему, противник не располагал большими силами, так что разобраться с ним не стоило большого труда. По крайней мере, теоретически.

Пирацис сразу же отрядил паладина-подранка в арьергард, который должен был, по наскоро озвученному плану, сразу же взять под контроль обоз и, не вступая в бой, доставить груз провианта в Венгард. По дороге Матиас

едва не споткнулся за другого рыцаря, прощавшегося со своим маленьким сыном, стоявшего в слезах и с деревянным мечом в руках.

— Мы скоро вернемся, Сэмми, не плачь.

— Но я тоже хочу с вами!

— Оставайся!

— Мама говорит, что ты погибнешь!

— Погибну... Ха! Мы бьемся за свободу и Инноса! Нет никакой смерти! Если только битва...

— Пойдем, быстрее! Парням из сборщиков податей нужна помощь! — прервал трогательное прощание

Пирацис, хмурый, как небо над нордмарской плавильней.

Вздыхнув, отец похлопал по плечу своего сына, поправил висевший на поясе меч и почти бегом, нарушая все представления простолюдинов о высших слоях общества, направился в передовой отряд, по пути едва не столкнув старого мага Ромула в канаву с вонючей водой. Служитель Инноса, несмотря на знание шестого круга магии, отправился с Пирацисом по старой дружбе, обещая оказывать медицинскую помощь раненым бойцам и, в случае чего, пометать огненные шары в орков. Шел Ромул в арьергарде, рядом с Матиасом, но на вопросы паладина о состоянии дел в Венгарде он отвечать не хотел. Ну да и ладно.

Только оказавшись примерно в полумиле от стен Венгарда, Матиас ощутил, до чего же опасна Миртана ночью. Где-то в лесу выли волки, под тяжелыми сапогами похрустывал падающий по случаю наступающих холодов снег — все вокруг говорило о скорой смерти. Все, а особенно пожар в деревне, стоящей на вершине холма впереди. Судя по всему, именно там сейчас шел бой. В начале долгого подъема отряд внезапно остановился. Пирацис залез на высокий валун рядом с дорогой и, убедившись, что его все слушают, принялся говорить:

— Братья! Сегодня многие из вас впервые вступят в бой! Не бойтесь врага! Он слаб и скудоумен! Он неразвит и труслив! А за нами Венгард!!! Во имя Инноса! Ни одна волосатая лапа не посмеет оставить ни единого следа на земле Венгарда! За нами сегодня будут десятки тысяч мирных граждан! Никто из нас не дрогнет! Никто! Никто из нас не опустит меч, никто не упадет на землю, не обагрив клинка вражеской кровью! Никто! За нами Венгард! За короля и Инноса! Не пропустим орочью мразь на нашу землю!

— Впере-е-е-ед!

Матиас громко выдохнул и достал меч из ножен и потряс им в воздухе за компанию. Кругом царила эйфория. Паладины, оруженосцы и простые ополченцы, только вчера взявшие в руки оружие, вопили от восторга, желая насадить по десятку орочьих голов на каждую ветку в местных лесах. Ага, ага, удачи им всем. Оглянувшись, Матиас отметил, что трусливые стражники закрыли ворота в город, несмотря на ожидаемое прибытие отряда из Готы. Отступать было некуда, так как уже отсюда до слуха долетала гаркающая орочья речь.

Пирацис, конечно, был старым воином и прекрасным мотиватором, но, черт возьми, неужели он не видел слабости своего отряда?! Орки не стали спускаться с холма и терять выгодную позицию, встав в глухую оборону, параллельно добивая группу, судя по знаменам, королевских фуражиров, оказавших немислимое сопротивление и отошедших в близлежащую деревню, дабы там поднять на бой немногочисленных крестьян. Если не отбить фуражиров, то все запасы, что те насобирали за несколько дней, будут уничтожены или, что еще хуже, окажутся в лапах орков. Надо было атаковать, но не играть же в «царя горы», Белиар его дери!

Тут же оказалось, что люди недооценили орков. Пока большая часть тварей засела на вершине подъема, ожидая уставших в своих доспехах паладинов, часть из них, арбалетчики, забралась на обрыв, нависавший справа над дорогой. И именно они преподнесли первый сюрприз. Когда отряд Пирациса оказался на расстоянии вытянутой руки, орки дали первый залп. Тут же несколько паладинов рухнуло замертво.

— Орки на холме! Стрелки!

— Приготовиться! Стреляй!

— Уру-Шака!!! — завопили сверху.

— Приготовиться к лобовому столкновению! Встать в боевые порядки! — надрывал горло старик. — Грим,

я...

Договорить он не успел. Тут же орки начали движение, лавиной обрушившись с вершины холма. Склон придавал им лишней скорости, и уставшие за период марша паладины едва не дрогнули. Полетели заряды магии, кто-то из солдат венгардского гарнизона пытался отстреливать арбалетчиков на обрыве, но бывшая стройность боевых порядков уже дрогнула. Первый удар оказался очень сильным — Пирацис, кажется, уже был мертв. И это только передовой отряд разведчиков, едва усиленный воинами! Что же будет, когда к городу подойдет Кан с его элитными бойцами?! Впрочем, думать об этом было не время.

Командир арьергарда повел своих бойцов в обход основной гущи боя, стремясь, видимо, уничтожить стрелков орков. Матиас, поджав губы, решил, что его помощь там не помешает. Впереди кипел бой, который рано или поздно, но дойдет до него. Тут же солдату перед Матиасом пробило горло арбалетным болтом. Давешний ужин из «Блохастого варга» едва не вылез наружу.

Элита армии Робара Второго дрожала под натиском орочьей орды, но, правда, все еще держала удар. Кто-то из командиров уже начал кричать об отходе к деревушке, где еще держались королевские фуражиры. Тем временем арьергардный отряд, встречая лишь небольшое сопротивление, наконец, добрался до вершины холма. Тут же на него напали орки-резервисты с легкими топорами. Из-за неожиданности нападения рыцарь-командир тут же оказался без головы. Командование на себя принял другой паладин, чуть постарше Матиаса. Впрочем, задача перед ними стояла не в том, чтобы помочь основному отряду не потерять половину людей.

Развернувшись, отряд побежал в густую поросль мелких кустов на обрыве, стремясь достичь орков-арбалетчиков. И это удалось достаточно быстро — твари, занятые отстрелом отступавших к деревне людей короля, не заметили подошедших со спины воинов.

Орки здесь были, конечно, послабее нордмарских. Даже раненый, не готовый на все сто процентов Матиас без напряжения убивал противников. Ошеломленные нападением со спины твари не успевали менять оружие, и большинство из них встретили атакующих воинов Инноса с одними незаряженными арбалетами в руках.

Наконец-то соперник с нормальным оружием! Топор орка со свистом рассек воздух — Матиас с трудом увернулся и сделал ответный выпад. Тварь отпрыгнула и, заметив зазевавшегося солдата с длинным копьём, подставившим спину, без особых сантиментов всадила лезвие в основание шеи. Тут же откуда-то сзади в орка прилетел огненный шар — тварь заверещала от адской боли, оступилась и рухнула вниз по крутому склону.

Паладин не стал оборачиваться — куда больше его интересовала деревня по ту сторону дороги. Там до сих пор гремел бой. Амбар на краю горел, как лампадное масло — треск разрушающихся перекрытий, казалось, заглушал даже шум битвы. Площадь перед большим домом вся была усеяна трупами — дрались уже в переулке. Часть орков обогнула поселение с востока и ворвалась в деревню со стороны горящей лестницы. Два десятка паладинов и горстка выживших ополченцев были обречены. Еще несколько мгновений — и их загонят, как баранов на убой. Оставалось только одно верное решение.

Подскочив, Матиас принялся искать глазами мага Ромула. Тот выхаживал парнишку лет пятнадцати, из груди которого торчал арбалетный болт. Матом подняв Ромула с колен, Матиас велел тому вызвать огненный дождь на головы оставшихся в деревне орков и людей.

— Ты очумел?! Там еще наши!

— Делай что я сказал! Я здесь команду!

И вправду, Матиас остался единственным паладином в арьергардном отряде. Остальные были либо мертвы, либо лежали ранеными на дороге.

— Во имя Инноса, одумайся! Ты что творишь?! Надо спасти как можно больше душ!

— Я СКАЗАЛ! — Матиас расшвырял и приставил окровавленный клинок к горлу мага. Тот в любое мгновение мог испепелить озверевшего паладина, но Матиас знал, что делать так Ромул не будет. Этот старый дурак был труслив, как заяц.

Старик вздохнул и повернулся лицом к деревне. Оттуда доносились страшные крики. Кричали орки, кричали люди. Ни одного «Уру-Шака» или «За Инноса». Только бой, бой насмерть.

Ромул прикрыл глаза, прошептал что-то на своем магическом, резко развел руки в стороны и ладонями направил заряд гнева Инноса на разрушенную деревушку. Тут же с небес посыпались горящие камни, грозящие смертью каждому, кто не успел скрыться в глубокой норе. Дождь пробивал крыши оставшихся домов, поджигал соломенные кровли, добивал лежавших на земле раненых. Вскоре все стихло. Неожиданно над холмами восточной Миртаны установилась странная и до боли непривычная тишина. Даже раненые, казалось, перестали стонать. В отблесках пламени Матиас заметил, что немногочисленные оставшиеся в живых орки бежали куда-то в стороны Ардеи. Задание короля выполнено.

— Ты за это заплатишь, щенок, — пробурчал рухнувший от перенапряжения на колени маг. — Ты что наделал?! Там могли быть наши...

— Могли, могли, не ворчи, старый, — нарушив все правила общения между слугами Инноса, бросил в ответ Матиас и осмотрел округу. В живых у него осталось всего десятка полтора солдат из гарнизона Венгарда. Это теперь был его отряд. Нет, даже не так. Это был Его отряд. Его, Матиаса. Что ж... Война действительно способствует карьерному росту.

— Отряд! Слушай меня! Мое имя Матиас, и я в данный момент являюсь вашим командиром! Встаем в цепь и прочесываем деревню. Орков добиваем, тех, кто выжил из нашего войска — помогаем. Все, вперед!

Солдаты угрюмо выполнили приказ. Матиас же, в свою очередь, расцвел, как яблоня весной. Он направлял отряд, даже не оглядываясь на мага Ромула, смотревшего на него с ненавистью, присущей слабым. Плевать. Нужно покончить с орками.

Глава двенадцатая. Война по ту сторону фронта

Лампа, висевшая под потолком, нещадно коптила маленькое, как бочонок с сельдью, помещение трактира в порту Гердонии. Расследование давно зашло в тупик, и Пауля давно разочаровавшийся в нем губернатор Фарзи поставил на одно из самых отвратных в плане работы мест — прием всё прибывающих с материка беженцев. Теперь Паулю приходилось заниматься расследованием в порядке собственной инициативы, большую же часть своего дня он проводил, расспрашивая спустившихся с корабля людей об их умениях, богатствах и знаниях. Окончательное же решение по поводу, стоит ли оставлять ли человека на Гердонии, принимал не он, а капитан Морган, ушедший по поводу приближающейся зимы в многодневный запой. Как бы не старался Пауль по доброте душевной (а иногда и за достаточно большие деньги) представить иммигрантов в выгодном свете, но логика старого служаки жила своей жизнью. Гарантировать что-либо никто не мог.

За эти дни и, наверное, уже даже недели работы Пауль еще больше укрепился во мнении, что авария на подъемнике — дело рук кого-то из местных. Разумеется, его давно починили, поставив круглосуточную охрану, но это совсем не добавляло уверенности в сохранности механизма. Дорогу в обход острова почти достроили, и в ближайшие дни она уже должна была вступить в строй. Как губернатор в связи со своей неприязнью к младшему из рода Окарских не остановил стройку, было непонятно. Впрочем, должна же у этого человека быть какая-то голова на плечах.

Где-то наверху пробил колокол — закрипели и завизжали механизмы подъемника. Пауль отложил перо, закрыл банку с чернилами и устало протер глаза. Как же ему претила такая жизнь! Дни сложились в один. Ежедневно с утра до вечера Пауль выслушивал истории людей, от большинства из которых в пору было стать седым.

У кого-то на глазах убили половину семьи, у кого-то повесили или сожгли заживо почти всех односельчан, еще что-то. Окарский понимал, что часть услышанного — выдумка, но все же это было основано на правде. За всю свою жизнь он не видел ни одного орка. Конечно, порой его жизнь висела на волоске, особенно во время дальних переходов. Но этих тварей ему, слава Инносу, удалось избежать. Быть может, не сидел бы он сейчас за этим столом и не ждал наступления темноты, когда можно будет вернуться в отапливаемую башню к Юстине...

Эх, Юстина... Пожалуй, она была единственным светлым пятном в его жизни в последние недели. От нег отвернулись власти острова, жители Гердонии подозрительно поглядывали из-за постоянных допросов, а беженцы смотрели со смесью страха и почтительности. И только она всегда была рядом, всегда улыбалась при встрече... Черт, неужели эти истории из дурацких баллад были правдивы или хотя бы правдоподобны? Неисповедимы же пути твои, Иннос...

На удивление, из Монтеры давно не было вестей. Будь отец в полном порядке, давно бы с первым же утлым суденьшком послал бы гневное письмо. Но его все не было... Кто-то из беженцев говорил, что орки взяли город штурмом. Хм, успел ли старик сбежать? Да наверняка. Разумеется, особых сантиментов Пауль по этому поводу не испытывал, но, черт подери, по большей части именно благодаря фамилии он закрепился на Гердонии. В противном бы случае он почти наверняка сейчас бы строил дорогу вместе с прочими, а не сидел за бумагами. А может, и побирался бы во имя Инноса. Белиар его знает.

Скрипнула дверь. Пауль поднял голову — это была Юстина. Она принесла немного еды в еще теплом котелке.

— Как работа?

— Ничего нового. Мне кажется, я начинаю сходить с ума потихоньку. И да, я по тебе соскучился.

Юстина улыбнулась, отодвинула бумаги в угол стола и поставила перед Паулем котелок, из которого пахло чем-то домашним. Кажется, это была уха, основное блюдо на Гердонии.

— Как в городе дела?

— Ничего нового, — девушка взяла табурет, предназначавшийся для посетителей, и села за спиной Пауля, прислонившись щекой к спине в потертом костюме. — Кажется, что войны вообще нет. Губернатор никого не пускает в город из беженцев. Даже тех, что ты посылаешь. Они доходят в лучшем случае до ворот, а потом им гвардеец выдает задание. Работают, а потом получают миску ухи или еще какой дряни, что варит жена придурка-фермера. Как он вообще на ней женился, не понимаю? Она мало того, что дура, так еще и готовить не умеет...

— На Гердонии выбор не очень большой, — перестав на мгновение греметь ложкой, усмехнулся Пауль. — Да, кстати, Фаринг до сих пор не взят.

— Ну и хорошо, — грустно произнесла Юстина. — Хоть и не в самых хороших отношениях с ним были, а все равно боязно. Жаль, что он уезжать не хотел, все за золото беспокоился, как бы не пропустить прибыль от паладинов. А сейчас куда? В столице-то кораблей уж, поди, и не осталось.

— Ну, как мне рассказывал один из беженцев, там еще стоят два военных корабля. Может, лодчонки какие. Но торговых и вправду никаких не осталось.

— А что еще на материке происходит?

Пауль почувствовал, как Юстина обнимает его сзади. Черт побери, до чего же он любил такие моменты.

— Да ничего толком-то и не понятно. Одни говорят, что орки по всей Миртане, кто-то говорит, что на востоке их нет. Кто-то говорит, что король сбежал на Хоринис... В общем, смысла верить всему нет, Юсть. Пока что здесь, на Гердонию, хорошо и безопасно.

— А если орки и сюда придут? У них же есть корабли...

— Ну, тогда будем надеяться, что у нас будет возможность уехать дальше на север. Там и стены повыше, и добираться до туда сложнее. А здесь... Думаю, этот забор каменный даже легкого штурма не выдержит, как бы не распинался Фарзи.

— Надеюсь, они досюда не доберутся... Пауль, может, сходим к алтарю Инноса?

— Зачем? — нахмурился Окарский. Они уже погасили лампу в тесном помещении и вышли на улицу, на небольшой причал. С моря дул прохладный ветер, но объятия были слишком крепкими, чтобы замечать его.

— Чтобы заключить брак перед богами, дурачок. Неужели не понятно?

— Хах, ты про это. А стоит ли торопиться, Юстина? Я же все равно никуда от тебя не уйду.

— Чего же тогда боишься? — приподняла бровь девушка.

— Не знаю, если честно. Просто... Просто для меня все это в новинку. Я никогда в своей жизни вообще не думал о семье. Никогда. А сейчас... Даже не верится, что мы знакомы меньше года. Через столько всего прошли... Я не боюсь разрушения нашей связи, отнюдь, мне она кажется достаточно прочной, но... не слишком ли все быстро?

— Ну да, разрушить то, что строилось долго, может, и сложнее, но последствия куда плачевнее. Наша связь, по-моему, прошла достаточно испытаний, — заявила Юстина с серьезным лицом.

«Разрушить то, что строилось долго, может, и сложнее, но последствия куда плачевнее». Пауль внезапно нахмурился. Слишком уж хорошо эта фраза подходила к другой ситуации, совсем не относящейся к любви и чему бы то ни было из области отношений. Дорога...

Пауль вскочил с места, едва не столкнув случайно Юстину в холодные воды. Коротко извинившись, он взял лежавший рядом пояс с тесаком и быстрым шагом направился вокруг острова. Лагерь беженцев заметно увеличился в размерах с тех самых пор, как парочка прибыла на Гердонию. Теперь он занимал почти весь пляж, и, будь Пауль птицей, он бы мог сказать, что беженцы кольцом окружили плато. Большая часть лагеря либо работала на строительстве дороги, либо занималась рыбной ловлей, дабы хоть как-то прокормиться, ибо запасы провианта на острове были весьма и весьма ограничены.

Первым же делом стоило забрать из теплой палатки старину Вернера. Со своим бывшим слугой Пауль практически не общался, да и тот, собственно, не торопился восстанавливать былые отношения «хозяин-раб». Теперь Вернер занимался преимущественно тем, что помогал рыбаку Джеку, старожилу острова, обрабатывать пойманную рыбу. Неожиданно в бывшем слуге дома Окарских обнаружился талант к сушке даров моря. Как будто сам Аданос снисходил к Вернеру и подсказывал ему, в какой момент лучше всего убирать рыбу из специальной печи, насколько хорошо ее протапливать и прочие технологические моменты, которым Пауль мог только поражаться.

Нашел его Окарский около палатки, в которой он жил с одной беженкой из Венгарда и двумя ее дочерьми. Бывшую дворянку, пускай и не из самого богатого рода, несколько не смутило происхождение Вернера и род его деятельности — после смерти своего мужа-паладина на границе с Варантом она остро нуждалась в сильном мужском плече. Бежавшие из Миртаны торговцы дать этого не могли, а вот бывший слуга... Впрочем, как казалось Паулю, помогал ему Вернер исключительно из уважения и остатков чувства долга. Никакого раболепия или покорности в нем более не было.

Узнав цель своего хозяина (или уже бывшего?), Вернер коротко кивнул, взял из палатки колун и отправился вслед за Паулем. Дорога была проложена всего в паре шагов от обрыва, и была укреплена непригодившимися в хозяйстве ветками, обломками скальной породы и еще Иннос только ведает чем. По качеству ей было не просто далеко до основных королевских трактов — их качество, впрочем, тоже не самое высокое, казалось недостижимым, как звезды. Впрочем, пара пробных заездов на телеге, наполненной пустой рудой, дала вполне себе удовлетворительный результат. Транспорт всего один раз завяз в песке на востоке острова, но тут же это место закидали камнями. Никто не знал, как долго хватит этой транспортной артерии, но она была необходима. Тем более Юстина поговаривала про опять начавший барахлить подъемник, и эти слова только подтверждали гипотезу.

Безусловно, самой сложной в плане строительства частью дороги был спуск с плато. Поначалу губернатор Фарзи хотел и тут возвести подъемник, но на это даже дурак Морган покрутил пальцем у виска. Слой грунта срезали лопатами и кирками, потом скосили часть скалы, доделывали пустой рудой из шахты, закрывшейся на укрепление сводов несколько дней назад.

Рядом со спуском горел костер — сегодня на дежурстве должны были оставаться сын гердонийского кузнеца,

Барток, и один из кадровых рабочих из шахты. По приказу Фарзи, дежурство несли либо члены гвардии, которых всегда не хватало, либо кто-то из местных, настолько он доверял им. Никому из беженцев, по его словам, губернатор не мог доверить даже принести вилку в свои покои, боясь смерти. Впрочем, на беспросветную глупость и даже, да простит его Иннос, тупость губернатора Пауль давно не обращал внимания.

Вместе с Вернером Окарский залег за большим камнем, строго наказав спешившей за ними Юстине «не отвечивать». Впрочем, повода беспокоиться не было. Все было тихо, мирно потрескивал затухающий костер, только... Черт!

В отблесках пламени зоркий глаз Пауля заметил тело, лежавшее в неестественной позе. Кажется, это был один из горных рабочих, имени которого Окарский не знал. Оружие его, кирка с обмотанной тряпками рукоятью, валялось тут же. Сынка же кузнеца нигде не было видно.

Показав жестами Вернеру, чтобы тот подкрадывался к лагерю охраны со стороны моря, Пауль вынул из ножен свой тесак и выдвинулся к спуску дороги, скрываясь в тени обрыва.

Несмотря на осенний холод северных морей, ладонь, лежавшая на рукояти оружия, быстро вспотела. Пауль давно не чувствовал ничего подобного — сейчас он знал врага в лицо, и знал его достаточно хорошо. За последние несколько недель Барток часто обращался к нему за помощью, в основном, по всяким мелким вопросам, связанным с обучением грамоте. Разумеется, как сын мастерового, Барток умел читать и немного считать, что было достаточно для ведения мелкой торговли около городских казарм, но, видимо, парень мечтал о чем-то большем, о чем не знал даже его отец. Хм...

Поначалу Пауль даже не заметил ссутулившеюся фигуру, копающейся в основании спуска дороги. Выдал Бартока шум раздвигаемых камней. Черт подери, что же он задумал?!

Краем глаза Окарский заметил подползающего по песку, как песчаный варан, Вернера с топором наготове. Он тоже в блеске луны заметил копошившегося сына кузнеца. До Бартока оставалось всего несколько шагов, и Пауль остановился, пытаясь в темноте разглядеть оружие. Оно у Бартока действительно было — на поясе виднелись ножны с длинным мечом, видимо, выкованным самим парнишкой, правда, в той позе, в которой он сейчас сидел, достать оружие было весьма затруднительно.

Тут уж Пауля удивил Вернер, внезапно поднявшийся в полный рост и отряхнувшийся от песка. Тут же он стал насвистывать какую-то популярную монтерскую мелодию и прогулочным шагом направился к костру, возле которого лежало бездыханное тело горнодобытчика.

Барток тут же встрепенулся, разогнулся и направился навстречу к Вернеру, не успев закончить начатое. Тут уж пришло время Пауля. Зажав в кулаке горсть песка, Окарский в два прыжка преодолел расстояние до сына кузнеца и со всей силы швырнул его, ослепив тем самым Бартока. Тот с грязной руганью схватился за лицо, даже не предпринимая попыток выхватить оружие. Оно и к лучшему. Подскачивший Вернер ударил диверсанта по ногам и уронил того лицом в песок, после чего уже Пауль тесаком разрезал пояс Бартока и выкинул куда подальше меч в надежде, что Юстина, будучи умной девушкой, тут же его подберет.

— Ну что, сучонок, — хриплым от долгого молчания голосом заговорил Вернер. — Что ты там делал?!

— Кхе-кхе, охранял! — пытаюсь откашляться от попавших в рот песчинок, ответил Барток.

— Не ... тут мне! Господин Пауль, у нас есть чем его связать?

Окарский пожал плечами, но тут же на помощь пришла подбежавшая Юстина. Меч она, правда, поднимать с земли не стала, но у нее обнаружилась длинная бечевка, коей она подпоясывалась. Вернер удовлетворенно кивнул и мастерски связал Бартоку руки невиданным доселе узлом. Как это у него получилось при такой маленькой длине веревки, осталось загадкой.

Куда больше, нежели особенности связывания пленников, Пауля интересовала цель выкапывания Бартоком ямы. Подойдя к оной, Окарский заметил лежащие рядом с ней небольшую лопатку и сверток непонятного содержания, в котором было что-то твердое.

— Что там?

— Клад, идиот! Отпусти меня! Я нес свою службу!

— Это ты будешь губернатору с капитаном рассказывать, как ты службу нес. Юсть! Тот парень у костра, он живой еще?

Подошедшая девушка грустно помотала головой. Судя по всему, по затылку Барток ударил своего напарника слишком сильно. Или же, Впрочем, вообще не имел цели оставлять того в живых. Пауль вздохнул, поднял с земли лопату и сверток, приказал Вернеру вести плененного в дом к губернатору.

Фарзи тем временем не спал, подсчитывая количество дров, которое необходимо было заказать следующему кораблю, направляющемуся на север. Заметив, КОГО привел Пауль, он недоуменно поднял бровь и спросил:

— Какого черта?!

— Это лучше спросить у нашего друга, — Пауль брезгливо положил прямо на губернаторские бумаги грязную лопатку и сверток. — Что там, я не знаю, но этот паренек пытался закопать это под спуском с плато, перед этим

убив напарника. Благо, мы с Вернером и... мадам Юстиной проходили неподалеку и заподозрили неладное.

— Барток, что за ерунду я сейчас выслушал?! Если об этом узнает твой отец, то он умрет от горя за то, что воспитал... — Фарзи долго подбирал слова. Он не хотел верить Паулю — у них были слишком натянутые отношения. Но труп на берегу, который еще наверняка не успели разодрать на куски морские монстры, грязная лопата, яма на дороге и тот факт, что именно Барток дежурил в этот вечер, не позволяли ему не верить. — Предателя... Бедный Густав... Что в свертке?!

— Какая разница?

— Отвечай, мать твою! Это тебе не игрушки! Эй, кто-нибудь! Позовите капитана Моргана!

Заспанный военный появился неожиданно быстро, не успев даже привести свою форму в порядок. Заметив каменные от злости лица Вернера и Пауля, а также связанные руки Бартока, он уже готов был разразиться длинной бранной речью, но его прервал губернатор:

— Капитан! Похоже, нам придется строить виселицу. Но для начала нам нужно допросить... Бартока. Мадам Юстина, — обратился губернатор к девушке, которую он доселе терпеть не мог. — Вам, наверное, стоит пойти спать. Сейчас тут могут произойти весьма... неприятные глазу события.

— Да нет, все хорошо, господин губернатор, — Юстина смотрела на Бартока с нескрываемой неприязнью. Казалось, что она даже получала некое подобие удовольствия. Она понимала, в чем причина немилости Фарзи к Паулю. И эта причина стояла сейчас на коленях на холодном полу.

— Хорошо... Итак, Барток. Что в свертке?!

Сын кузнеца угрюмо молчал. Фарзи усмехнулся и попытался развернуть сверток. Внутри оказался еще один мешочек с неким подобием фитиля длиной в несколько дюймов.

— И что же это?

— Не ваше дело, г-губернатор, — парень наконец-то заговорил, при этом почему-то начал заикаться.

Морган ухмыльнулся и, вынув из петелек своей формы толстый ремень, накинул его на шею Бартоку, желая, видимо, припугнуть парня, но тот заорал уже на моменте выдергивания:

— Это орочья смесь! Я не знаю, что это! Не надо, пожалуйста! Простите, пожалуйста! Я не хотел. Пожалуйста.

Барток захныкал, как девчонка. Даже душить не пришлось. Морган усмехнулся, снял ремень с шеи и похлопал Бартока по плечу.

— А я еще тебя в гвардию звал. Слабак же ты...

— Я в Венгард хотел! Учиться! А не продавать дерьмовые мечи втридорога и чистить окалину! Пусть папашка, черт бы его побрал, этим занимается! Я не хочу!

— Что тебе пообещали орки? — спросил Пауль.

— Д-денег. И п-п-проезд до Венгарда...

— Венгард под контролем короля, парень. И даже если орки его возьмут, а мы представим, что это будет так, то город превратится в руины. И никакого обучения тебе никто не гарантирует. И вообще — оркам верить нельзя! Ты не просто предал Гердонию, нет, парень, ты всех людей предал!

— Пошел ты! — Барток чуть было не вскочил на ноги, но, благо, у Вернера явно имелся какой-то особенный опыт, ибо он одним движением снова привел парня к повиновению.

— Господин Пауль, — обратился к Окарскому Фарзи. — Вам, наверное, предстоит освободить башню, ибо сажать пленников куда-либо нам некуда. Городской тюрьмы у нас нет.

— И где нам спать? — поинтересовался было Пауль, но договорить не успел. Морган пробормотал что-то вроде «С отцом тебя оставить надо на пару часов», и тут Барток взорвался, все-таки сумев вскочить на ноги и отвесить пинка старому гвардейцу. После этого Вернер с помощью кочерги попытался было остудить пыл сына кузнеца, но тот умудрился увернуться, столкнуть Фарзи на пол, случайно уронить сверток на пол, после чего Морган, со всей своей гвардейской простотой рубанул мечом по столу, смахнув масляную лампу на пол. Следом полетел сверток, упав прямо на открывшуюся лампу. Пауль почувствовал, что сейчас произойдет что-то совсем плохое — ведь не зря же на мешочке был фитиль...

— Бежим!!!

Пауль вытолкнул Юстину из двери на улицу и рухнул на нее сверху, закрывая своим телом. Завозившиеся в проходе гвардейцы скрыться не успели.

БАХ!

Взрыв сотряс всю округу, кажется, даже стены содрогнулись. Уши Пауля наполнились противным звоном. К нему тут же подскочил вездесущий Вернер, дабы отнести своего хозяина (а, может, уже и не хозяина) куда подальше. Первый этаж казармы горел, немногочисленные выжившие гвардейцы прыгали из окон второго этажа. Стонали перекрытия. Губернатор Фарзи и капитан Морган погибли в одно мгновение. На улицу тут же высыпали все жители Гердонии, да и вне ее взрыв наверняка не разбудил разве что глухого. Ну что ж... Барток сделал даже

больше, чем ему поручали орки...

***

— Белиар тебя дерит, что это?!

Эб, прищурившись, наблюдал за тем, как мага Виктора обыскивают орки. Для самого наемника это не было неожиданностью, ведь именно он и был инициатором всего этого действия. Сделать нечто подобное оказалось очень простым делом — нужно было просто подойти к орку-полководцу и шепнуть ему на ухо, что маг в Монтере готовит взрывчатую смесь для повстанческого движения. Отряд элитных орков влетел в лабораторию менее чем через полчаса. Сам Виктор, со связанными за спиной руками, валялся на топчане, а на груди его покоился тяжелый топор орков. Одно лишнее движение — и оружие захватчика с севера пробьет бывшему магу глотку.

Взрывчатые порошки нашли сразу, правда, в обычном виде, предназначенном для разведения водой. И получил бы Эб большого нагоняя, если бы педант-маг не оставил бы записку рядом со значком взрыва, видимо, для предохранения от тупой и не умеющей читать прислуги. Оркам этого хватило для подтверждения своих подозрений, и они начали искать еще с большим усердием. Уже спустя крайне малый временной отрезок один из воинов обнаружил в столе потайную нишу, которую тут же вскрыл ножом для разделки мяса. Внутри обнаружилось несколько рунных камней, свитков и ножей. В принципе, уже этого было достаточно, чтобы казнить Виктора прямо здесь, ведь пользоваться магией (а для чего еще были припрятаны эти свитки?) на территориях орков было запрещено всем, кроме, собственно, шаманов. Орк-командир противно хрюкнул, свалил все улики в свою поясную сумку и принялся рыскать по полкам. Всякие сборники алхимических рецептов и формул заклинаний он выкидывал на пол. Нет, приспешника Белиара интересовали куда более личные вещи: письма, записки, какие-то следы подпольной деятельности. Раз маг так серьезно нарушал закон орков, то, следовательно, у него была на то очень весомая причина. И связь с повстанцами, бегущими по лесам, становилась все более явной.

— Это мои дневники! — закричал бледный, как смерть, Виктор, когда орк взял тонкую книжицу в не по-магически дешевом переплете. Даже Эб удивился, уж точно ли этот дневник принадлежит магу. И что ж там такого написано?

— Вот я их и почитаю, морра, — захохотал смехом командир орков. — Морра! Выражаю тебе благодарность от народа орков! Зайди потом к Кор-Шаху за наградой!

— *Спасибо!* — с ужасным акцентом ответил Эб. В его поясной сумке уже лежала награда, которая была куда ценнее той, что могли выдать ему вонючий орк или, что еще хуже, придурок Марик. Кто знает, может, взрывчатка пригодится ему уже сегодня или завтра? В любом случае, не помешает.

***

Приближение Варанта Долок заметил очень быстро — до боли горячий ветер потрепал растительность на его лице. Под ногами уже начал шепуршать песок, а вдоль дорог все чаще показывались знамена хашшашинов, заменившие висевшие полдесяток лет королевские стяги. Север Варанта был выжженной пустыней, уничтоженной войной между морра. Тогда трусливый король Миртаны решил увеличить территорию земли, унаследованной от куда более достойных воинов, своих предков, жителей Нордмара. Война с Варантом длилась немисливо долго, хашшашины не хотели отдавать ни пяди земли, пускай и бесплодной. Именно на этой войне, совершенно бесполезной — ведь хашшашины, занятые войной с кочевниками, последователями Аданоса, не собирались нападать — трусливый король проиграл новую войну, на сей раз уже с орками. И теперь именно за это морра сейчас страдали в Венгарде, тучи над которым сгущались с каждым днем.

Вак послал Долока с дипломатической миссией. От орка требовалось передать письмо темному магу в городе Бакареш, после чего ждать дальнейших указаний, или же просто быть почетными гостями и вместе с хашшашинами славить Белиара во время религиозных праздников, которые, несмотря на веру в одного бога, у народов все-таки отличались.

С собой Долок взял всего троих — Грумбуца, Аршака и юного разведчика Гиббочча, понравившегося ему своей любознательностью и знанием обычаев народа Варанта, что очень сильно могло пригодиться в столь дальнем походе.

Далеко впереди показался передовой дозор хашшашинов, располагавшийся возле колодца, а не возле костра, как было принято в Нордмаре и Миртане. А за ними... За ними открывался шикарный вид на бесконечную песчаную пустыню, выжженную гневом Инноса. Высокие, как крепость морра, барханы уходили куда-то в горизонт. Руины древних городов таили в себе множество опасностей, а из живого Долок заметил только патруль и небольшую деревеньку, в которой росла даже пара деревьев. О Белиар, до чего же тут жарко!

Глава тринадцатая. Затишье

Ромул, разумеется, донес куда следует. Правда, Кобрину, которому Пирацис был как кость в горле, совершенно не было дело до отряда погибшего паладина. Он даже похвалил Матиаса перед собранием командующих и назначил «подранка» (почему-то именно так он называл молодого паладина наедине) одним из командиров на внешней городской стене.

Нога паладина к этому времени совсем уже прошла и, по правде говоря, ему бы уже давно стоило вернуться в Фаринг, но свалившееся как снег на голову покровительство генерала королевской армии помогало Матиасу избежать подобной участи. Орки подошли практически к самым стенам пограничной крепости, еще месяц, и они начнут штурм. Подохнуть во имя Инноса где-то в нордмарских снегах Матиасу совсем не улыбалось. Стены Венгарда внушали ему куда больше доверия. Фаринг считался неприступной крепостью, но погибать от жажды и голода во время осады... Нет, Матиас предпочел бы смерть куда более мягкую — во сне, лет этак в шестьдесят. И чтобы на столике рядом с кроватью обязательно стоял кувшин с дорогим вином, доступным только королям. Эх, мечты-мечты...

Странно, как только всего один бой и всего одно ранение могут изменить отношение к жизни! Ведь раньше... Хах, Матиас предпочитал не думать о том, что было раньше. К чему это все? Жить стоило здесь и сейчас, ведь кто знает, может, этой ночью в Венгард проберется орк-разведчик и зарежет паладина во сне? Кто знает...

Несмотря на близость врага (поговаривали, что орки уже заняли Кап Дун), настроения в столице Миртаны особо и не изменились с мирных времен. Конечно, на улицах по вечерам не собирались прежние толпы, ведь, черт возьми, разве кому-то хотелось оказаться в передовом отряде, несшем дежурство возле сгоревшей усилиями Матиаса деревни? Оказаться там означало умереть во время первой же атаки орков.

На городском рынке все также торговали рыбой, выловленной в местной вонючей, как помойка, речке. Король строго-настрого запретил отплытие из гавани любых судов, даже рыболовецких. На возражение некоторых вельмож, что, дескать, без поставок рыбы город может в скором времени начать голодать, Робар ответил:

— Они могут быть лазутчиками орков!

И попробуй поспорить с королем.

После долгого трудового дня, посвященного укреплению стены и ее парапета, Матиас решил отправиться в «Блохастого варга», хозяин которого, неожиданность, получил право продавать алкоголь в ночное время, пускай и по завышенным ценам. Разумеется, Матиас знал причины такой любви губернатора города к «Блохастому» — ими были один из командиров городской стражи и, собственно, сам Матиас. Стражник получал пять процентов с дохода, паладин — три. Хозяин был человеком честным, золота не утаивал, и только благодарил своих покровителей из армии.

Благодаря парочке офицеров в полутьме зала было многолюдно, причем резко подскочившие в значениях цены не отпугивали даже представителей низших слоев общества — учеников ремесленников, мелких торговцев хламом, солдатней с жалованьем в пять золотых в день... Впрочем, попадались тут и весьма занятные кадры.

За дальним столиком сидел старик в робе старшего мага огня, что уже само по себе выбивалось из общей картины. Вдобавок ко всему, перед ним на столе были разложены книги, судя по всему, из королевской библиотеки, каждая из которых наверняка стоила как половина «Блохастого варга». Матиас просто не мог не подойти к такому любопытному посетителю.

— Приветствую вас, о старший маг! Не ожидал увидеть в столь развратном месте такую многоуважаемую персону.

— Видали мы места и поразвратнее, — ухмыльнулся маг, сверкнув в полутьме глазами. Судя по пустой кружке, он уже успел вылакать полпинты вина. — Например, «Красный фонарь» в Хоринисе... Хорошие были времена... Тогда еще Пирокар, кажется, совсем молодой был.

Матиасу не оставалось ничего, кроме как пожать плечами. Разумеется, несмотря на свою внешнюю целомудренность и святость, служители Инноса все равно оставались людьми со всеми своими недостатками. Похоть, азарт и сребролюбие, особенно сребролюбие, никуда не пропадали из умудренных сединами голов магов. Но, черт побери, не рассказывать же об этом каждому встречному!

Маг хмыкнул.

— Я вижу твое смятение, паладин. Можешь не пугаться. Я прекрасно знаю, что среди вашего брата грешников немало, пожалуй, даже больше, чем среди нас.

— Откуда вы знаете, что я паладин?

— Ты одежду свою видел? Она стоит, как пять рабов на варантском рынке. И да, не спрашивай, откуда мне известны тамошние расценки. Да и выправка, манера держаться... Ты не из простых смертных.

— У вас очень зоркий глаз, мастер, — Матиас улыбнулся и наконец позволил себе присесть на скамью.

— Разумеется. Например, я вижу, что ты не очень красиво поступил со своими братьями в Фаринге.

Паладин напрягся. Что?! Откуда?! Впрочем, престарелый маг, заказавший у хозяина трактира еще одну кружку вина (служителя Инноса обслуживали бесплатно), тут же расхохотался, едва не облив книгу из библиотеки.

— У тебя на одеянии герб этой приграничной крепости, воин. Раненым ты не выглядишь, следовательно, ушел по своей воле.

— Меня вел Иннос, — с гордостью ответил Матиас.

— Пф... Не мне ли об этом знать, как и кого Иннос водит... Довелось вкусить войны?

— Да, мастер. Я участвовал в двух боях, в первом из которых получил ранение.

— О боги, пути ваши неисповедимы! За что ж калечат стольких здоровых мужчин, которые могли бы принести пользу экономике?!

— Вы жалеете только об этом? А не самих людей?

— А чего жалеть фермерский скот? Кому он нужен-то, кроме трактирщиков, готовящих еду? Нет, если бы от них не было бы пользы, ими можно было бы топить печи. Ни на что, кроме работы руками, неспособны. Ни на что! Ни чести, ни разума, ни творчества. Одна сплошная глина да коровье дерьмо! Но все равно — без них экономика умрет! И поэтому они важны.

— Любую конмику, как вы говорите, война уничтожает.

— Куда ж без нее... Самое противное, пожалуй, что только придумали боги. Хотя и устраивают ее люди. У такого, безусловно, весомого события, как война, всегда, подчеркиваю, всегда имеется множество причин. Нет, конечно, можно все свалить на короля Робара и его жадность и комплексы перед великим предком, но все не так просто.

— А как же она получается? Какие причины? — спросил Матиас, который до сей поры не слишком-то и сильно размышлял о причинах конфликта с орками.

— Их великое множество. Допустим, давно уже понятно, что войну с орками Миртана, возможно, и выиграла бы, не участвуя она в конфликте с Варантом. Как думаете, молодой человек, а зачем войска Робара вторглись в пустыню?

Паладин задумался.

— Ну... Конфликт вер... Агрессия на границах...

Престарелый маг рассмеялся во весь голос.

— До чего же мало видят люди на местах! С каждым годом своей жизни я все больше этому поражаюсь. Конфликт верований? Увольте! Из-за того, что мы поклоняемся Инносу, а ассасины — Белиару, войны не начинают. Из-за мелких стычек на границе — тем более. Подумаешь, убили десять человек? Кто их считает-то? Можно выпросить пять фунтов золота в качестве извинений, но начинать кровопролитную затяжную войну? Нет, это того не стоит. Причина, мой юный друг, кроется в куда более приземленной материи, чем магия и боги. Золото!

— Золото?

— Оно самое! Почти все в наших никчемных жизнях вертится вокруг этого презренного металла. Экономика — вот истинная виновница вторжения в Варант!

— Можете рассказать об этом поподробнее?

Маг улыбнулся.

— Рад, что вам интересно. Гарнизонные крысы бы давно облили меня дешевым пивом, а того, поди, и распяли бы над городскими воротами. В общем, каких вы знаете великих купцов?

Матиас быстро перебрал множество имен представителей торговой профессии. Впрочем, кроме фамилии Окарских, ничего в голову не приходило. Ее-то он и назвал.

— Ха! Старик Герман, покинувший горизонты нашей видимости после взятия орками Монтеры, конечно, давал в свое время жару. Но он абсолютный младенец по сравнению с истинными купцами. Я бы назвал имя Гонсалеса — властителя города Мора Сул. Слышали о таком? Великий человек, второй по значимости в Варанте. Так вот, он держит порт Бакареша, куда до начала войны стекалось большинство торговых судов и с юга, с Аркании, и с северных островов, а иногда и с Хориниса. Венгарду, и уж тем более Кап Дуну перепали крошки с той торговли. А что, в Бакареше ниже пошлины, БОльший выбор товара, да и паладины не читают нотации с служении Инносу. Венгард терял до двадцати пяти-тридцати тысяч золотых в год, а это огромная сумма, сами понимаете. Столько дохода имела на тот момент только церковь Инноса. Окарский, напомню вам, даже в лучшие свои годы имел оборот тысяч в семь-восемь. И вот, большая часть этих тридцати уходила Гонсалесу в карман, а наш король Робар желал хотя бы половину этого золота, при этом не снижая пошлины в Миртане. Осознаете ситуацию? Выход был один — война, и ее чудом сумели выиграть, превратив порт Бакареша, морские ворота Варанта, в руины. Правда, тут же на смену пришли орки...

— Откуда же они взялись?

— Они были всегда, наверное, они появились в примерно тоже время, что и мы, люди. Интересно, читают ли сейчас «Книгу Робара»? Должны, по идее-то. В общем, долгое время до начала хроник орки правили Срединным королевством, и орки были под контролем Белиара. Примерно в те же времена появилось государство, которое мы называем Варант, и оно было независимо от орков, так как тоже управлялось Белиаром. Именно в те времена и появился некий воин с севера, нарекаемый Робаром Первым, предок нынешнего короля. Он возглавил освободительную войну и выкинул созданий Белиара не то что в Нордмар, а в Северный Нордмар, где они до поры до времени и обретались. Старейшие из орков сохранили память о былых временах, подогревая межрасовую ненависть, впрочем, военная мощь Миртаны не позволяла им даже думать о реванше. Вот и первая причина.

Впрочем, ничто не вечно под солнцем Инноса. Робар Второй совершал слишком много ошибок. В припадках безумной алчности он отеснил орков еще дальше на север, уничтожив часть охотничьих угодий. И вот вам, молодой человек, вторая причина. Орки лишились жизненно необходимого ресурса, без которого они рано или поздно начали бы вымирать. Второй тревожный знак, который многие ученые мужи проглядели. Третья — холодная зима, вы, думаю, ее помните.

— Да, — ответил Матиас. — Девять или десять лет тому назад. Тогда даже в Варанте снег выпал, как поговаривали.

— Все действительно так. Что уж говорить про север Нордмара. Я помню того орка, игрушку короля, засеченную до смерти перед дворцом. Он рассказывал ужасные вещи даже по меркам нашего времени. Как погибали целыми деревнями... Ох, чувствую — отольются кошке мышкены слезы...

— О чем вы?

— О том, что будет с Миртаной... О том, что с ней уже стало.

***

Метель свистела над Монтерой так, будто бы и не было вокруг города никаких лесов. В щели хибар, в которых жили рабы, постоянно залетал снег, и многие из людей уже умерли. Метель затянулась — продолжалась она уже третий день, и за время ее могильщики закопали уже дюжину трупов. Эб как раз сопровождал одну из таких партий.

— Может, кинуть его в сугроб, да и черт с ним? Сожрут волки — они нынче голодные, — спросил молодой раб, несший носилки сзади.

— Иннос такого не велел, — возразил тому старик, кажется, и при короле бывший могильщиком. — Либо сжечь, либо закопать в земле. А дрова нынче и без того дорогие.

— Иннос, Иннос... Не больно он помог королишке в войне.

— Заткнулись там! — гаркнул Эб, державшийся позади рабов с арбалетом наготове. — А то кому-то из вас придется закапывать уже двоих.

Марик предупредил, что в метель велика вероятность побега рабов — ведь даже в городе следы замечались в мгновение ока, не говоря уже про окружающие Монтеру поля. Даже орки, привыкшие к зимним переделкам, старались не высовываться лишней раз за пределы казарм и трактира перед воротами в крепость. Что уж говорить про наемников...

До кладбища, находившегося к югу от города, идти было достаточно далеко, поэтому Марик распорядился хоронить умерших рабов неподалеку от Волчьей пещеры, возле дороги, где такие же рабы кирками и лопатами вырыли в мерзлой земле длинные траншеи, в которые просто скидывали мертвых, закапывая трупы «посекционно», а не всю траншею одновременно. Впрочем, уже на второй день могильщики обнаружили разрытую землю и жалкие останки одного из невольников — где-то неподалеку ходили дикие звери.

Рабы шагали, по колено проваливаясь в быстро образующиеся сугробы. Эб знал, что они ненавидели свою работу и при первой же возможности сбежали бы. Одного он точно сможет убить — арбалетный болт с легкостью пробивал дрянные рабы одежки — но что делать со вторым? Меч он вытащить не успеет — если один из них вооружится лопатой, то его дни будут сочтены.

К удивлению наемника, никого рядом с траншеей не было, хотя всего полчаса тому назад из Монтеры унесли еще одни носилки с трупом престарелого купца, чье сердце не выдержало работ по очистке улиц от снега. Не было ни рабов, ни наемника, сопровождавшего их — только чуть занесенные носилки с трупом и лопата, воткнутая в снег. Эб напрягся — пальцы его непроизвольно обхватили спусковую скобу арбалета. Будь проклята чертова метель!

— Идите вперед! Будете и свой, и чужой труп закидывать... — Эб попытался вспомнить, как звали наемника, отправившегося с первой партией мертвечины. — Ганс?! Херц?

Ответа не последовало — только все также свистела все усиливающаяся метель. Эб судорожно слотнул, сделал несколько шагов назад, едва не рухнув в придорожный сугроб, поднял арбалет на уровень груди. Все это не нравилось ему, ой как не нравилось.

— Эй, вы, двое. Скиньте труп в канаву, присыпьте снегом и обратно. Живо!

— А с этим чаво делать? — кивнул старый могильщик на первые носилки.

— Пусть волки жрут! Поторапливайтесь, мать вашу, а то без жратвы останетесь.

Впрочем, угроза на рабов не подействовала, и Эб понимал почему. Они первыми заметили, что из густой поросли осинника на монтерцев смотрит несколько пар глаз. Повстанцы!

Для Эба ничего не стоило убить человека. Он ни секунды не сомневался, когда послал арбалетный болт в живот взявшемуся за лопату рабу. Но повстанцы обычно не убивали — они мучали и показательно вывешивали. Но черт подери, они и с ним сделают это?!

Молодой раб схватил почти занесенную бураном кирку и пошел в наступление.

— Мразь! — взмахнул он ей.

Эб, отпрыгнул в сторону, выбросил арбалет и попытался вынуть меч из ножен, но тут же ему на шею накинули удавку. Наемник захрипел, попытался замерзшими пальцами стащить веревку с себя, но тут же на него запрыгнул второй повстанец и что было силы ударил кулаком по голове. Больше Эб ничего не помнил — разум застилали темнота и жуткая боль.

***

— *Рад видеть братьев по вере в моем доме,* — расплывшись в широкой, как живот варантских торговцев, улыбке произнес темный маг Нафалем, правитель приграничного варантского поселка. — *Добро пожаловать в город Браго!*

— Если это город, то мой отец — Кан, — проворчал откуда-то из-за спины Грубуц. — Я в Миртане фермы побольше видал, чем этот «город».

— *Благодарю, Нафалем! Народ орков приветствует тебя!* — не обращая внимания на своего спутника, произнес Долок. — *Мы держим путь в город Бакареш по велению командующего Вака, которому велел командующий Кан.*

Заученные слова, повторяемые про себя аж с самого Трелиса, у Долока закончились. Проклятый язык морра! Да еще и варантский акцент...

— *Будьте моими гостями, о потомки Белиара! Надеюсь, пески пустыни не слишком вас истожили! Надеюсь, ваши кошельки полны золотом.*

Отвечать Долок не стал, пробормотав по-орочьи пару непередаваемых для морра выражений, после чего кивнул, поклонился и развернулся, оставив Нафалема с недоуменным видом. Впрочем, ничего нового о хашшашинах он и не узнал. Жадные сволочи, готовые на все ради звонкого металла.

В Браго орков сопровождал воин, назвавшийся именем Туфайл, он же и согласился быть проводником. Аршак с тяжелым, как камень, вздохом, опустил на стул, стоявший неподалеку от городской ратуши, являвшейся по совместительству домом темного мага. Стул тут же опасно затрещал под толстой тушей орка, который спросил:

— Где здесь колодец? Я пить хочу!

Гиббочч перевел вопрос Туфайлу.

— *О, сыны севера! Колодец к северу отсюда, он принадлежит торговцу Аббасу.*

— Что значит «принадлежит»?

— *Вода у Аббаса исключительно чистая и холодная! И берет он недорого...*

Краем глаза Долок заметил, как меняется лицо Аршака. Недовольство и усталость резко улетучились — на их место пришло удивление, и сразу за ним — злость. Как это, за воду надо платить?! Что за чертовщина? Это же тоже самое, что платить в Нордмаре за дрова. Да, пускай, дерево на севере найти затруднительно, но, Белиар же его дери, помереть можно без тепла от костра! И здесь можно сдохнуть без воды! Странные же порядки в Варанте...

Глава четырнадцатая. Мечом и оралом

Перед городскими воротами собралась большая толпа из беженцев. Каждый из них слышал взрыв, и каждый из них хотел попасть в город. Пауль криками пытался хоть как-то вразумить оставшихся в живых гердонийских гвардейцев, дабы те, будучи ошеломленными, не подчинились требованиям толпы и, в тоже время, не начали стрелять по бунтовщикам из арбалетов.

Еще толком не сообразившие, что произошло, горожане тушили колодезной водой остатки ратуши. Разнесло ее знатно — похоже, взрывчатка была рассчитана на скальную породу, и тонкие балки дома Фарзи не имели ни единого шанса на то, чтобы что-то выдержать.

— Пустите в город, ироды! Мы хотим жить!

— У нас дети, Инноса ради!

— Помогите!!!

Юстина, находившаяся рядом с Окарским, пыталась было попросить Пауля смилостивиться, но тот даже не думал поддаваться эмоциям. Впусти одного — зайдут все остальные, а Гердония не кошель торговца — что город, что остров — места не хватало. Даже нынешнее количество беженцев превышало максимально возможное, а ведь мог прибыть и еще корабль. И где же взять на них ресурсы? Из воздуха дрова и еда не берутся, да и Иннос что-то не хотел посылать своим слугам подарки.

— Кто офицер?! Ко мне, быстро!

— Я, милсдарь, — подбежал к Паулю лысоватый мужчина в наспех надетой форме. — Заместитель капитана Моргана!

— Мое имя Пауль Окарский! — грозно произнес Пауль. — И я приказываю, чтобы ни один из солдат даже не вздумал применять оружие!

— Но губернатор...

— Губернатор мертв! Что ты мне еще хочешь сказать, солдатня?! Выполняй приказ, сейчас же!

Выплюнув последние фразы, Пауль спустился с городской стены и направился к Вернеру, сидящему на перевернутом бочонке возле кузницы.

— Есть кто живой?

— Все живые на стене, — разомкнул уста слуга. Лицо его было черно от гари и копоти. — Кузнец Густав руководит тушением. Он еще не знает, что случилось с его сыном.

— Пусть не знает, — вздохнул Окарский. — Это был шпион орков, а Барток помог нам его поймать. Так и запомни. Старик нам еще нужен. По меньшей мере, для того, чтобы починить ворота.

— Вынесут они их как пить дать. Поболтать бы надо с кем главным.

— Кто в этой толпе главный-то? Они все там как сумасшедшие.

— Ну... — протянул Вернер. — Заводилы-то всяко есть. Или авторитетный кто. С ними и надо болтать. А так повесить можно, и всех прочих по шалашам раскидать. А с утречка и порешать.

— Утро уже скоро... Пока убираем все, оно и настанет. Пожалуй, ты прав, надо поговорить.

Толпа у ворот ко времени восхождения Пауля на стену уже практически достигла точки кипения. Слышались предложения обложить стену сеном и дровами и поджечь, дабы выкурить оставшихся стражников из-за городских стен. Фарзи довел большую часть собравшихся до крайней нищеты, усугубленной тяжелой работой, и теперь его преемнику придется разгрести огромную кучу дерьма. Окарский вздохнул, взобрался на парапет и громко крикнул в ночь:

— Кто лидер?! Я хочу говорить с командующим этого проклятого курятника!

Долго никто не откликнулся.

— Я! — вызвался наконец один беженец, высокий сгорбленный старик — такие обычно происходили из семьи купцов. — С кем я говорю?

— Пауль Окарский! Являлся помощником губернатора Фарзи по... — Пауль попытался подобрать правильное слово. — По делам беженцев. На данный момент я единственный представитель власти на Гердонии!

— На вилы его, да установим свои порядки! — раздался голос из толпы.

— Кто там рот свой раззявил?! — сдвинул брови Окарский и поднял глаза. — Солдат!

— Да, милсдарь? — подскочил все тот же лысый стражник, правда, уже успевший привести форму в порядок.

— Найти того, кого не спрашивали, и повесить! Немедля!

Из толпы послышались недовольные возгласы. Все понимали, что преимущество на стороне засевших в Гердонии горожан. У стражников были арбалеты и, возможно, даже свитки с магией. У беженцев имелись только попавшиеся под руку инструменты вродевил да дубины. Вдобавок, никому из них не хотелось висеть на дереве.

— Господин Окарский! Давайте не будем принимать поспешных решений! Я знал вашего отца! Он великий

человек. Думаю, вы ему в этом не уступаете! — засуетился переговорщик. — Давайте все спокойно обговорим!

— Спокойно мы все обговорим утром, когда толпа разойдется по своим палаткам и люди вернутся к делам, к которым их приставили! Тогда ворота откроются для делегации максимум из трех человек! И я с ними поговорю. Пока всем разойтись!!!

— Говорить легко со стены, щенок! Спустишься сюда и скажи все в лицо!

У Пауля начало кончаться терпение. Много в своей жизни он повидал упертых людей, но эти... Чем глупее человек, тем сложнее с ним вести переговоры. Упрутся рогом, и делай, что хочешь. Велико было желание взять арбалет и пустить болт в темноту, но в то же время Окарский осознавал, что судьба острова, возможно, единственного, еще не захваченного орками, лежит в его руках. Никаких непродуманных действий!

— Этой ночью неизвестный взорвал ратушу Гердонии! Идет расследование! Никто из новоприбывших не войдет в город до специального разрешения! Все запасы города останутся внутри стен до конца переговоров. Продолжайте работу, и Гердония наградит вас!

Снизу пытались что-то возражать, но Пауль лишь махнул рукой и спустился вниз. Ему жутко хотелось спать. Ратуша догорала, башню, стоявшую рядом с ней, наверняка займут оставшиеся в живых стражники. Где заселиться ему и Юстине? О, Белиар, неужели не было ни одного запасного дома? Да, черт возьми, почему вообще на этом клочке земли построили город?! Места другого не было?!

В отвратительном настроении Пауль ногой перевернул валяющееся деревянное ведро и сел на него, пытаясь обдумать будущее. На прежних условиях жизни с беженцами вряд ли удастся договориться. Да и на более жестких тоже. За ночь тот сгорбленный старик вполне сможет организовать некое подобие вооруженного отряда, которое осадит Гердонию, после чего сам будет сидеть на пляже и пожирать жареную рыбу, любуясь закатом. Запасы... А черт знает, сколько запасов. Все бумаги наверняка были в ратуше. Сам же склад... А черт его знает, где он. В городе остались ремесленники, несколько кадровых рабочих да человека три из числа стражников. Та еще военная сила, да уж. По ту сторону стены наверняка человек десять армейских дезертиров, у некоторых наверняка были палаши или мечи. Да даже копья, черт возьми! Наверняка в их рядах были сбежавшие после нескольких битв с орками воины... А что на Гердонии? Таможенники, которые умели меч только натирать, про пользоваться им речи не шло. Нет, нужно было договариваться. Договариваться и решать, как жить дальше. Будь проклят, Барток! Будьте прокляты, орки! Они достигли своей цели. На Гердонию едва не пришла война, результатами которой они бы воспользовались

***

Браго остался далеко позади. Группа орков вышла по дороге на восток с наступлением сумерек, когда в пустыне по меркам ее жителей становилось жутко холодно. Орки же, привычные к снегам, только в отсутствие небесного светила могли передвигаться по южной стране, не испытывая лишений. Воду они набрали в колодце Аббаса, не спросив ни его, ни немногочисленную охрану. Просто пришли, скинули ведро с веревкой вниз, и залили свои фляги доверху, оставив в качестве извинений одну золотую монету возле костра.

Над пустыней висела, как знамя на стене, огромная луна, освещавшая пески Варанта до самого горизонта. В таких условиях о скрытном перемещении больших частей войск оставалось только мечтать. Впрочем, Долоку не стоило об этом беспокоиться, во всяком случае, пока что. У него были мысли стать полководцем, но цель была очень далека от него сейчас. Зачастую во снах к орку приходили видения, где он, будучи во главе огромной армии орков захватывал города морра. Город за городом, знамя за знаменем. Он видел, как перед ним на коленях стояли самые могучие воины морра, и как он сносил их головы тяжелым ударом топора...

Но, увы, это были всего лишь сны. О собственной армии оставалось только мечтать. Пока что в его распоряжении находился лишь маленький отряд, совершенно небоеспособный и приданный Долоку лишь для того, чтобы было кому таскать тяжести между городам да развлекать посланца Вака.

— Что там дальше? — спросил тяжело дышащий Груббуц.

— Бен Эрай, — ответил ему Гиббочч, внимательно разглядывавший барханы далеко на юго-западе.

— Все-то ты знаешь... Откуда?

— Я обучался у шамана Ур-Шакма, ученика Ур-Кронна, того самого, что обучал Мубрака*. Конечно, мой учитель был не самым сведушим среди орков, но он дал мне все, что знал сам.

— Обычно шаманы обучают только сыновей военачальников, которые становятся потом командирами, как минимум. Но ты всего лишь разведчик в отряде Вака, который находится далеко от Фаринга, где вся война-то и идет, — заметил Долок. — Как же ты попал сюда?

Гиббочч горестно вздохнул, почти как раб-морра, у которого кончилась еда в миске.

— Мой отец меня невзлюбил. Я никогда не был у него в почете, даже когда закончил обучение у Ур-Шакма. Младший сын, что поделать... Вот он и отправил меня к Ваку под крыло, а тот определил в разведчики. Отец мой с Ваком вообще дружен, и наш командир четко выполнял указания его. До той поры, правда, когда ты, Долок, взял меня к себе в отряд. Я не должен был быть прославлен на этой войне. Разведчик, потом воин, потом старик во

льдах Нордмара. Такую судьбу он мне готовил.

— Младший сын... А где твои старшие братья, Гиббочч?

— Самый старший, Хаббачч, пал в битве при Клане Огня — его убил морра-рыцарь с помощью магии. Габбач, кажется, еще здоровует. Я слышал, что он отправился вместе с частью войск Кана атаковать город Венгард с юга. Уж не знаю, жив ли он. Один лишь занимаюсь ношением дров для костра и отстрелом падальщиков для охоты, ха-ха.

Гиббочч мрачно посмеялся. Видно было, что ему горестно думать о своей судьбе. Судьбе, достойной сына охотника северных кланов, но никак не сына воина-командира.

— Кстати, Гиббочч, кто твой отец?

— Горок, один из помощников Кана. Жестковатый орк, но, говорят, на таких земля держится.

— И то верно...

Разговор бы зашел в тупик, не заметь Аршак огни на западе. Их было немного, и оркам сначала показалось, что они набрали на какой-то оазис.

Оазисом хашшашины называли небольшие участки пустыни, на которых все-таки могла расти хоть какая-то растительность. Обычно они представляли собой небольшое озерцо, вокруг которого возвышались небольшие пальмы (странного вида деревья с листьями только наверху) и шелестела густая трава. Обычно именно в таких местах и ставили лагерь путники, торговцы либо патрули. Впрочем, в последнее время жители городов пустыни все чаще со страхом выглядывали за пределы крепостных стен — в песках обосновались кочевники.

Народ, еще более старый, чем хашшашины, они поклонялись богу воды Аданосу (иронично) и жили в руинах древних городов, от которых остались только остовы зданий. Хашшашины несколько раз предпринимали попытки выкинуть кочевников из Варанта. Когда не помогала сила, они пытались подкупать своих врагов золотом, обещая свободный проезд до Миртаны и сотню монет «на обжив». Впрочем, практически никого таким маневром выманить из вечных песков не удалось — война продолжалась.

Обо всем этом оркам рассказал охотник Туфайл из Браго. Также он добавил, что местные хашшашины, руководил коими некий торговец Санчо (что за народ, которым правят сребролюбцы?), вполне могут проводить Долока и его отряд до Бакареша, если помочь им в борьбе с кочевниками. Что ж, небольшая подмога в обмен на самый короткий путь до Бакареша... Неплохая сделка. Долоку уже надоело тащить свои ноги по песку, в который он проваливался хуже, чем в самый глубокий сугроб в Нордмаре. Где там этот чертов Бен Эрай?!

Глава пятнадцатая. В чужой власти

Очнулся Эб от жуткого холода, сковывающего ноги, торчавшие из-под плотного плаща, которым он был накрыт. Каждая кочка, каждая ямка в снегу отдавалась сильнейшим ударом в спину. Судя по всему, его куда-то везли на грубо сколоченных санях.

— Может, надо было башку отрезать, и приколотить к дереву, как у того? — услышал наемник хриплый усталый голос.

— Да нет — у Роланда на этого ублюдка свои планы, — ответил ему другой голос, куда более звонкий.

— Хочет заменить ту сучку, Кристин, что померла? — мрачно пошутил «хриплый».

— Нет, разумеется. Думаю, будет пытаться. Или показательно водой на улице обливать. У командира хорошая фантазия.

Услышав о совсем не радужных перспективах, Эб попытался было пошевелиться, но не смог — его связали по рукам и ногам.

— Сиди спокойно, волчара, — приструнил наемника «звонкий». — А то я скажу, что ты случайно с обрыва упал.

— Ха-ха-ха, — засмеялся «хриплый». Смех у него был еще отвратительнее чувства юмора. — А может, так сбросим, чтоб впредь молчал и не дергался. Пожует снега... А заодно еще и язычок подрезать. Вряд ли он ему пригодится.

Повстанцы захохотали. Эб сцепил зубы, поджал под себя ноги, чтобы совсем уж их не отморозить. Интересно, сколько он провалялся в отключке? Главное, чтобы пальцы не отморожены были... Черт! Эб пошевил пальцами — вроде все были целы.

Плащ с его лица сняли только спустя час. Хватая ртом воздух, Эб быстро выкатился из саней в натоптанный снег, за что, впрочем, тут же получил сапогом под дых.

— Делай что говорят, придурок! — прорычал «хриплый», оказавшийся бугаем с длиннющим двуручным мечом за спиной.

— Хоть бы сказал, чего делать... — выдохнул Эб, за что тут же получил еще один удар, впрочем, на сей раз достаточно беззлобный.

Он оказался в какой-то выработанной шахте, в одном из углов которой неторопливо пыхтела кузница. Интересно, насколько же далеко повстанцы забрались в лес, что никто из орков-разведчиков не услышал звона молота об наковальню?

— Зови Роланда! Поставь волчару на колени — пусть командир посмотрит на добычу во всей красе.

Пока один из повстанцев (паренек лет четырнадцати в амуниции на несколько размеров больше) бегал за паладином, Эб рассматривал окружение. Жили повстанцы совсем небогато — в основном они обитали в сколоченных на скорую руку дощатых хибарах, наподобие тех, в которых жили рабы, едва отапливаемых плохо сложенными печками-каменками. При попытке оглянуться, дабы осмотреть вход, Эб получил неслабый подзатыльник от «хриплого». Первый кандидат на смерть.

Паладин был самым типичным представителем Ордена, а повидал их Эб за свою жизнь более чем достаточно. Лысоватый, в теплой одежде без доспехов, но его выдавала осанка и манера держаться. Несмотря на то, что жил он как крыса в пещере, данного ему природой надменного взгляда Роланд не утратил. Ровно как и манеры речи.

— Орочья крыса... Давно я вас не видел живых... Вы такие жалкие.

Эб оставил выпад паладина без ответа. Он прекрасно знал, что чуть дернешься — и тут же хриплый бугай накинёт веревку на шею. Ну его...

— Что можешь сказать в свою защиту, смерд?

Эб промолчал. Роланд усмехнулся и кивком приказал «хриплому» ударить бывшего бандита. Закашлявшись, Эб уткнулся лбом в землю. Вот же бараны... Кто так пыгает? Вот поднесли бы раскаленный нож к глазу, или начали бы душить, тогда бы... Впрочем, дожидаться, когда азы науки пытать дойдут до умов повстанцев, Эб не стал.

— Мне предложили либо смерть, либо работу на орков. Я выбрал второе...

— Ложь! — взвизгнул откуда-то из-за спин низкорослый повстанец. — Никому они не предлагают! Либо смерть, либо рабство. В наемники идут добровольно.

Роланд присел на принесенный ему чурбан, прищурился и спросил:

— И что скажешь на это?

— Если ты щенок по жизни, то проще сразу в прорубь нырнуть. А таким как я предлагают работу.

— Ты кем был-то, «не-щенок»? Чистил отхожие места в солдатских казармах?

Эб скривился, быстро перебирая в голове варианты профессий, которыми он мог бы назваться. Сказать, что

был бандитом, означало подписать себе смертный приговор. Солдатом? Тогда из какого гарнизона? А если здесь есть воины из этого города? Лучше не стоит... Хм...

— Я был вышибалой в доме Германа Окарского. Сам старик, правда, помер, но меня вот чутка порезали, и предложили стать наемником, ибо таких воинов как я мало найдется даже в ордене паладинов! — решил пойти ва-банк бандит. — В армии так точно.

Роланд рассмеялся.

— Какой наглый наемник! Давно я ничего подобного не видел. Бенкт, — обратился он к «звонкому». — Вы где его нашли? Из приемной Кана что ли стащили? Что ж самого его не кончили?

— Он охранял рабов, которые трупы закапывали.

— М-м-м, в самом деле. Даже у Кана из шатра было бы стащить проще. Хорошо... имя твое?

— Рабы говорили, что его Эбом кличут, — вставил «хриплый».

— Эб, значит... Так звали евнуха в борделе Венгарда. Ты не оттуда случаем?

Эб помотал головой. Происходящее вокруг нравилось ему все меньше и меньше.

— Хорошо... И кто твой начальник?

— Марик, наемник. В Монтере руководит орк Варек. — Утаивать то, что и так известно, смысла не было.

— Уже лучше... Вижу, ты понимаешь правила игры. И сколько наемников в городе?

— Не знаю. Никогда одно количество народу в Монтере не сидит.

— Орков?

Эб пожал плечами. В конце концов, он не заходил в крепость после штурма. Да и Монтера была слишком крупным городом, чтобы один человек мог знать все, о чем он и сообщил паладину.

— И как наемники борются с подпольем?

— Не знаю. Спросите Марика.

— Надо будет, спросим, — сурово сказал паладин. — А пока что в руках у нас ты. И ты либо пешка, грязь под ногами, чуть выше раба, либо что-то скрываешь. И утаиваешь. А я этого не люблю... Бросить «не-щетка» в дальнюю пещеру. Разведите придурку костер и дров подкиньте. Мне не нужно, чтобы он сдох до утра. Бенкт! Скажи Маннигу, чтобы тот встал пораньше и инструменты приготовил... Завтра спрос будет строже, наемник. Я даю тебе ночь, чтобы подумать. Встретимся утром.

Эб судорожно сглотнул, но вида не подал.

***

Лидера взбунтовавшихся беженцев звали Инджрих, и был он родом из Монтеры, откуда и знал семейство Окарских, пускай и понаслышке. Взбравшись на городскую стену, где не пахло дымом от сгоревшей ратуши, они принялись вести долгую беседу. Беженцы хотели получить статус граждан Гердонии и, соответственное, равные с ними права. Удовлетворить эти требования Пауль, разумеется, не мог. За короткое время он успел проштудировать небольшой по размерам свод законов острова. Вкратце его можно было свести (исключив, конечно, различные уголовные преступления) в небольшой список:

1. Гердония указом короля Робара Первого являлась территорией, по большей части независимой от власти Венгарда — правитель Миртаны лишь имел право назначить нового губернатора и разжаловать предыдущего.

2. Венгард претендовал на десятую долю от всех доходов острова (за коими и должен был следить губернатор), также свои десять процентов брала церковь Инноса. Корабли же под миртаньским флагом имели право сколь угодно долго стоять в порту и получать воду и пищу в требуемых количествах.

3. Граждане острова Гердонии могли беспрепятственно перемещаться по всей территории королевства без уплаты торговых пошлин.

4. Гражданами Гердонии могли стать мужчины, рожденные на территории острова и имеющие родственника-гражданина, а также названные таковыми особым указом губернатора, например, при поступлении на службу.

5. Гражданин Гердонии мог запросить убежище в любом городе Миртаны в случае войны или голода.

6. Гердония объявлялась территорией, особо важной для королевства и находящейся под защитой Инноса.

Последний пункт особенно смутил Пауля. Что такого важного было в клочке суши, торчащем из северного моря? Рыба, песок? Бред, да еще какой. У граждан Гердонии, всех граждан (даже рыбаков, фермеров и пьяниц-солдат) прав на территории Миртаны было больше, чем у монтерских торговцев, колесивших по всему материку и приносящих казне десятки тысяч монет в год. Сколько фунтов золота Пауль отдал ради возможности без проблем проехать по городу, даже не торгуя в нем? А тут... «Без пошлин», «беспрепятственно», «попросить убежища». Даже на Хоринисе, богатейшей провинции Миртаны с ее Долиной Рудников не было подобных порядков. По сути своей Хоринис являлся колонией с обычным двадцатипроцентным налогом, губернатором-марионеткой и привилегиями как у свиньи, отправленной на убой. Лишь Миненталь с огромными запасами магической руды носил (по меньшей мере, в прошлом) гордое звание особо важной для королевства территорией. Как и Гердония... Еще одно совпадение. Странно.

Либо один из предшественников Фарзи был дипломатом, поцелованным лично Инносом, либо на острове имелось что-то такое, о чем местные жители или молчали, или не знали в принципе. Наделять такими правами глухую провинцию, где даже своего источника пресной воды не было — вещей более странных Пауль в своей жизни еще не видел. Впрочем, делиться ими тоже ни с кем не стал — беженцам выдать подобные привилегии беженцам он не мог. Окарский мог пообещать Инджриху лишь свободный проход в город для торговли и работы, а также обеспечивать работающих дровами — топлива на острове было донельзя мало, и за ним в скором времени пришлось бы отправлять корабль на север.

Инджрих взял время на раздумья и отправился обратно в лагерь беженцев. Пауль же оперся локтями на каменный зубец стены и принялся рассматривать океан вдаль. Где-то там, за добрыми сотнями миль холодной морской воды, шла война. Там умирали люди, гремели сутками напролет кузницы, звенела сталь. А что было здесь? Крючкотворчество, нюансы древних законов, пререкания по поводу прохода в город. Бред сивой кобылы. Половина беженцев вполне могла держать в руках оружие, да что там держать, пускать его в дело, что и доказали предыдущей ночью. Но оружие они применяли только против себе подобных, но не против орков. Отвратительно.

— Занят? — раздался из-за спины тихий голос Юстины.

— Не очень. Ты чего-то хотела?

— Просто поговорить, — девушка встала рядом с Паулем.

— О чем?

— О беженцах, Пауль. Ты им отказал?

Окарский вздохнул.

— Да, отказал. Я могу позволить им разве что входить в город. Пока что. Не более этого. Остров не может сделать большего — у него просто нет ресурсов даже на половину тех беженцев, что сейчас живут здесь.

— Что он может сделать? Шалаши поставить, как у орков?

— Пускай так. Пойми же, ресурсы не безграничны, вокруг нас море. Венгард уже почти наверняка превратился в руины. Мы одни — подумай об этом! Есть еще северные острова, но они не Миртана. И новым ртам, уж поверь, они будут не рады. Даже во имя великой цели и во время войны с орками.

— Я понимаю, Пауль, я просто...

— Что?

— Знаешь, как ты за одну ночь поменялся? Я сейчас будто с этим придурков Фарзи разговариваю! Неужели губернаторский трон так быстро меняет людей?

— Не знаю, Юсть, — Пауль замолк. — Не знаю...

— И я не знаю, Пауль, правда. Совсем недавно все было так хорошо... Я работала у отца в трактире. Беды были далеко... Мне солдаты комплименты делали. А потом все изменилось. Я ведь даже ни одного орка не видела, Пауль, и иногда кажется, что их вообще не существует. Ну правда! Орки, орки, война, а ни одного орка не видели...

— Но это же не отменяет того, что они есть.

— Может быть, — Юстина горестно вздохнула. — Честно, я хочу продолжать думать, что их нет. И видеть их точно не хочу. И уж тем более видеть, как умирают люди под топорами. И сама боюсь умереть...

Пауль распрямылся и обнял девушку. Он понимал все страхи Юстины, он сам боялся, что война рано или поздно перестанет быть чем-то эфемерным, и что на горизонте появятся орочьи галеры под устрашающим флагом. Воевать... Воевать было нечем. Оружия на острове не было, укреплений тоже. Только людей было в достатке. И те готовились разодрать друг другу глотки за охапку дров и место у котла. И как уж тут быть мягким?

Он еще не знал, что в это время в глубоких фьордах Нордмара орочьи войска готовили корабли, собирали экипажи, у которых был лишь один приказ — прошерстить северные моря на предмет островов, на которых еще остались морра. В списке была и Гердония...

Глава шестнадцатая. Хитрость

Зима в этом году выдалась хоть и ранняя, но малоснежная — несмотря на скорое зимнее солнцестояние, сугробы в окрестностях Венгарда едва доходили до колена. Возможно, сказывалось влияние моря, ведь в Фаринге в это время уже снег приходилось выбрасывать из крепости через стены или же топить на кострах. Матиас спустился с крепостной стены и подошел к котлу, возле которого собралось множество солдат, призванных в королевскую армию в последние недели.

— Приветствую вас, господин командующий! — вскочили новобранцы, едва лишь заметив подошедшего паладина.

— Что готовите? — сурово спросил тот. — Глинтвейн опять? Пьяными на дежурство решили явиться?

— Никак нет! — прокричал один из солдат так громко, что Матиас поморщился. Хорошо же их натаскали в казармах замка короля. — Похлебка из репы!

Паладин молча кивнул и отправился дальше. Признаться, он рассчитывал именно на глинтвейн — таскаться полдня по стене в тяжелых доспехах — занятие для сильных духом, а дух лучше всего подкреплялся именно вином. Последние дни город жил в ожидании скорой атаки орков, и радости это никому не добавляло, разве что самым отбитым воякам, которые наверняка погибнут в первом же бою.

По слухам, орки готовились штурмовать крепость Фаринга во второй раз. Участились нападения на конвои, идущие из столицы на север. Несколько раз орки, взявшие Монтеру и осадившие Готу, посылали диверсантов в деревню возле Фаринга, дабы отрезать защитников от больших запасов провианта. Из Ардеи давно уже не приходило новостей — значит, она уже была под контролем армии Кана. В лесах Реддока крестьяне и немногочисленные выжившие военные организовали повстанческие отряды, и теперь, в свою очередь, атаковали новых хозяев Востока. Их примером стоило вдохновлять многих, но большинство предпочло бежать в Венгард, под защиту королевских знамен. Что удивительно, брать в руки оружие и защищать Миртану они не очень-то и хотели. «Орки сильные!», «Орки нас всех убьют!». Слабаки... Всю свою жизнь они бегали от сборщиков налогов, стеснялись пожертвовать церкви Инноса лишнюю монетку, а теперь они просили защиты. До чего же противные людишки...

В узком боевом ходе на стене все было по-прежнему: мелко переступали с ноги на ногу, замерзая, часовые, свистел ветер, а все пространство за пределами столицы угрожающе молчало. Ни одного огня. Ни одного. В начале зимы хотя бы фермы еще были жилыми. А сейчас? Сейчас город окружали лишь перекопанные поля с множеством ловушек. Матиасу как раз следовало завтра отправиться во главе отряда на северо-западную часть полей и руководить возведением переднего рубежа обороны.

И почему Кобрин не начал подготовку к отражению штурма осенью, когда земля не была еще тверда как камень? Кирки и мотыги согнанных на работу горожан с трудом вгрызались в землю, а лопаты вышвыривали вверх небольшие куски глины, давая лишь четверть той эффективности, что могла бы быть достигнута в теплое время года.

Схема обороны, предложенная кем-то из умников в штабе короля, была проста до безобразия. Состояла она из трех рядом (или «эшелонов», как их называл тот самый умник и его сторонники).

Матиас днями как раз работал на первом, находившемся примерно в трехстах шагах от крепостных стен. Состоял этот ряд из траншей, на дне которых были забиты заточенные колья. Баллисты, находящиеся на башнях Венгарда, уже давно были пристреляны по специальным вешкам.

Вторым эшелоном шли грубо сколоченные ежи из стволов растущих в русле местной речки ив и ольх. По уму стоило ставить их впритык друг к другу, но до конца строительства было еще далеко. Сквозь второй эшелон пройти оркам должно было быть еще сложнее — со всего востока Миртаны король призвал лучников и охотников, а стрел на стенах было более чем достаточно.

Третьим же рубежом служила, собственно говоря, сама стена, тренировки по обороне которой велись практически каждый день. Весь город горел мыслью о скором нападении орков, и большинство горожан честно и со страстью выполняли свой воинский долг. Впрочем, и без жулья не обошлось — цены на продукты в городе взлетели в несколько раз, и теперь даже кусок тухлой рыбы стоил столько же, сколько приличный окорок в мирные времена.

Матиас бродил по краю траншеи, поглаживая рукоять своего меча. Пока все было спокойно, только на севере собирались тучи — орки готовили финальный штурм Фаринга...

***

— У вас есть шкура снежного волка? Я готов многое дать за нее!

— Нет, не прихватили с собой, увы, — помотал головой Долок.

Ближе к утру ноги его уже подкашивались от усталости, а глаза наполнились кровью. За одну ночь орки

преодолели путь от Браго до Бен Эрай, и сразу же после — до Лаго, небольшой деревушки на севере Варанта, имеющей выход к морю. По словам властителя Бен Эрай, толстого торговца, имени которого Долок, разумеется, не запомнил, по воде добраться до Бакареша было куда проще, хоть и дороже. Благо, Вак выдал достаточно золота в дорогу.

Отмахнувшись от местного обкуренного торговца, выпрашивающего шкуру снежного волка, орки направились к дому властителя Лаго. Хотя, в первую очередь, стоило упомянуть, какой именно деревней было это поселение. Когда-то морра, по имени Расул, нашел способ выращивать на клочке пустыни отменную болотную траву, которую можно было курить. Казалось бы, что в этом такого? Но хашшашины были особенным народом. По заверениям Гиббочча, они могли разбогатеть, продавая друг другу песок в пустыне, а уж если у них появлялся редкий ресурс... Истинный владелец пустыни, торговец Гонсалес из большого города Мора Сул, тут же вложил в дело несколько тысяч золотых, и Лаго из затхлой деревушки, единственным достоинством которой была лишь пристань из нескольких бревен, превратился в один из ремесленных центров страны. Несколько раз в год хашшашины отправляли в Лаго небольшой корабль, откуда он возвращался, полный травы. Конечно, и Фабио, глава Лаго, и раб Расул, занимавшийся производством, не оставались внакладе, но основную прибыль получал именно Гонсалес. Нечестный «бизнес», но таков был мир хашшашин. И в нем Долоку предстояло жить еще очень долго.

— Я бы здесь остался... — со слишком сладостным выражением лица сказал Грубуц. — Как приятно пахнет...

— Потому что это дурманящая трава, которая туманит разум. А мне нужны бойцы, Грубуц. Аршак, как думаешь, здесь живет дичь какая-нибудь?

Орк-охотник потянул воздух широкими ноздрями и покачал головой.

— Разве что шныги и кровавые шершни. Мяса мы здесь не найдем.

— О, Белиар... Сколько у нас еще осталось запасов?

— Еще немного сухого мяса, и чуть-чуть воды, — с готовностью ответил Гиббочч. — Но мы в поселении, и, в крайнем случае, мы сможем все купить.

— Так у нас и золота не хватит... А мы еще даже не в Бакареше. Орки, в отличие от хашшашин, не настолько богаты.

— Может, мы сможем отплатить им работой?

— Конечно, сможем, вопрос, какой ценой. Сейчас я хочу только спать.

Возле дверей дома Фабио орков встретили хашшашины-воины, которые были в высшей степени удивлены визитерам. Как выяснилось, орков в своей жизни они не видели ни разу. Сам же Фабио вышел на улицу только спустя несколько минут, сонными глазами оглядел компанию Долока, тут же восторженно и заискивающим тоном спросил, чего угодно друзьям народа хашшашин.

— Нам нужно добраться в Бакареш. По морю. Пустыня нас утомила. И мы знаем, что завтра в Лаго прибудет корабль за травой.

— Ну... — Фабио поморщился. — *Корабль — собственность Гонсалеса, и он идет напрямик в Мора Сул. Я боюсь, что вас не возьмут на борт. Шамир, сын шакала, слишком верен приказам.*

— С ним мы разберемся. А сейчас нам нужен отдых...

— *О, дети севера! Прошу простить меня за то, что не могу предоставить вам свой дом для передышки после долгого пути. У меня ж...*

— Нам будет достаточно тени и воды, — осклабился Долок, привыкший к простому, можно даже сказать, орочьему образу жизни.

Место нашлось очень быстро — им оказалась раскидистая акация неподалеку от причала, к которому была привязана лишь одна лодка. Орки по своей дикарской привычке тут же скинули с себя всю одежду и вчетвером нырнули в холодное море. После нескольких долгих дней пути по Варанту вода была спасением для неприхотливых выходцев из Нордмара.

Хашшашины, немногие жители Лаго, что уже не спали, смотрели на орков с нескрываемым удивлением. Для них, изнеженных огненным солнцем Инноса, море зимой было невыносимо холодным. Орки же, закаленные нордмарскими ветрами, наслаждались чистой морской водой, которая расслабляла и добавляла духа.

Долок, зажмурился, заткнул уши и ноздри пальцами, и нырнул с головой. О Белиар, до чего же хорошо! Даже путешествуя ночью, орки ощущали основную угрозу песчаной пустыни. Нет, это была не жара — все-таки по ночам в Варанте достаточно холодно — опасна была сушь, из-за которой фляга с водой опустошалась за несколько часов. Неподалеку от Лаго вода у орков кончилась, и единственным желанием (помимо сна, разумеется) было окунуться в реку или море, после чего выползти на берег и осушить кувшин-другой с вином.

Перебирая ногами в воде, Долок схватился за причал и спросил плескавшегося рядом Гиббочча:

— Думаешь, сможем договориться с тем капитаном корабля? Как его там...

— Шамир. Мне кажется, что, если не сумеем договориться именем Вака, то мы всегда сможем пустить в ход

золото.

— Не хотелось бы тратить его почем зря. Никто нам его просто так не даст в этих землях.

— Работа...

— У нас есть работа, Гиббочч, — прервал молодого орка вынырнувший из-под воды Аршак. — Пока мы ее делаем, мы ни на что не отвлекаемся. Разве что на охоту. Аккуратнее, Долок, я видел на берегу следы шныгов. Эти твари и в море сидеть могут.

Долок одним рывком оказался на причале, предоставив свое лишь покрытое шерстью тело солнцу.

— Ты раньше сказать не мог? А если бы они сейчас схватили кого-нибудь из нас?

— Я знал разве? — фыркнул Аршак. — Плыву, вижу знакомые следы на берегу. Уж явно не мракорис тут бродит.

— Мракорис нам бы не помешал, — вставил свое слово Грубуц. — Он хоть мясистый. Наделали бы заготовок. До завтра времени еще полно.

— Со шныгов тоже можно мяса снять. Правда, есть его можно только после очень долгой обработки, — задумчиво протянул Аршак. — Я бы предпочел сначала отмачивать его долго, а потом запечь в костре. Долго запекать...

— Аршак, прекрати о жратве, во имя Белиара, — пробурчал Грубуц. — Я бы сейчас рухнул под деревом и отправился бы во Тьму до вечера. А потом бы попробовал траву...

Долок перевернулся, положил руки под затылок.

— Я тебе дам траву! Нам нужно быть наготове всегда. Мы не Трелис осаждаем... Кто первый будет дежурить?

— Ты о чем, Долок? Мы в безопасности. А погрузка травы нас в любом случае разбудит.

— Гиббочч, пойми, мы должны оказаться на корабле хашшашинов раньше травы, в худшем случае — одновременно с ней. Следующий корабль, по словам того торговца, будет ближе к лету. Идти по пустыне мне совершенно не хочется, тем более, мы будем углубляться в пески. Подхватить заразу песчаную мне неохота — на сотню миль нет ни одного шамана, кто бы мог вылечить нас. Что у нас по зельям, кстати?

Грубуц помолчал с минуту.

— Почти дюжина средних пузырьков. Хватит надолго, конечно, если не будет никакого серьезного боя.

— Я надеюсь, что никакого серьезного боя не будет. Тренироваться надо нам, да, но вступать в схватку в стране, где каждое второе оружие пропитано ядом... Не хочется.

— Какой ты нежный, Гиббочч. Война — то, для чего мы, орки, созданы. А если боишься яда, то используй арбалет.

— Ты-то никого у нас, Аршак, не боишься, — усмехнулся Долок. — Только Белиара и того, что у тебя заклинит арбалет.

— Арбалет называют оружием трусов те, кто им ни разу не пользовался. Пускай попробуют шерстистых бизонов в горах Нордмара раз на раз с топором уложить. Посмотрю я на них...

— Ну да, ну да... Мне вот интересно, хашшашины не думают, что траву могут утащить?

Гиббочч показал пальцем на навес рядом с плантациями болотной травы. Под натянутой тканью лежали друг на друге десятки тюков, от которых наверняка исходил удушливый аромат сладострастия и самозабвения. Их никто не охранял, за исключением раба Расула, который ковырялся в посадках неподалеку. Но что мог сделать хилый раб при, скажем, нападении пиратов? Бойцов в Лаго было немного, и с ними, наверное, без особого труда справился бы и отряд Долока. В Бен Эрай, на золотодобыче, охраны было столько, что казалось, будто шахтеров меньше, чем сторожей. А здесь... Хотя по доходам оба поселения были вполне себе сопоставимы.

— Можешь сходить и взять один, если хочешь, Грубуц. Я смотрю, ты все жаждешь затянуться отравой морра.

— Меня хашшашины за свое золото четвертуют, — с грустью сказал орк. — Пока не буду пытаться. Хоть богатство и лежит буквально в грязи...

Вскоре орки вылезли на берег, обсушились, оделись

— *О, Белиар!* — внезапно раздался крик с плантаций болотника.

Долок встрепенулся. Что случилось?

Уже через мгновение он увидел, как раб Расул, тот самый человек, что принес в Лаго благоденствие, бежит со всех ног в сторону деревни, а за ним вальжно летит кровавый шершень, или же кровавая муха. Вслед за ней из зарослей вылетел еще один, и еще...

— К бою!

Первым выстрелил из своего арбалет Аршак, но его болт лишь пробил крыло мухе, но не прикончил ее. Тем временем насекомые уже достигли границы деревни. Раздался шум. Расслабленные от долгого бездействия хашшашины не могли толком сообразить, что случилось, и лишь некоторые из них схватились за оружие.

— Уру-Шака! — взревел Грубуц и с топором наперевес понесся защищать тюки с травой, которые почему-то привлекли тварей. Долок схватил свой Краш Тарагх, сделал рывок и встал в боевую стойку. Ему нередко

приходилось иметь дело с дикими зверьми, но вот кровавых шершней на таком близком расстоянии он видел впервые.

Похожие на гигантских мух, они смотрели своими необычными уродливыми глазами на орка, а само тельце источало невыносимую вонь. Про жужжание и говорить смысла не было — оно раздражало слух. Вдобавок Долок слышал, что эти твари ядовитые, и посему получать от них урон — дело заведомо гибельное.

Взмах топора и... Мимо! Мухи были слишком шустрými соперниками. Впрочем, тут же в шершня прилетела стрела кого-то из хашшашинов — народ Варанта наконец-то вступил в бой. Грубуц на удивление легко разобрался уже с двумя шершнями, но третий грозил вонзить свое жало ему в спину. Аршак перезаряжал арбалет, Гиббочч, уклоняясь от выпадов одной мухи, споткнулся и рухнул вниз по склону в море. Долок вздохнул.

Н-Н-Н-ННА! Брошенный Краш Тарагх древком задел нападавшего на Грубуца шершня, и тот отлетел куда-то и заросли болотника, где тут же на него обрушилось оружие другого орка. Долок же остался с пустыми руками, краем глаза заметив еще одну приближающуюся справа тварь. Оружия, кроме ножа для мяса, у орка не было, и ему оставалось лишь уворачиваться от выпадов жалом. Стрела хашшашина пронеслась мимо, едва не задев наконец поднявшегося наверх Гиббочча (не везет же парню!), а шершень лишь приближался к Долоку, угрожающее стрекоча своими крыльями.

Тут орк заметил Расула с длинной мотыгой. Крикнув по-миртанийски «Дай!», Долок нырнул вперед. Благо, раб разгадал его намерение. Схватив брошенную мотыгу, орк резко развернулся, крепко выругался и сделал замах, еще один! Шершень отлетел немного назад, видимо, понимая, что сейчас с ним будет. И он не ошибся. Аршак, наконец закончив перезаряжать свой арбалет, встал на одно колено, прицелился и метким выстрелом пригвоздил досаждавшую муху к ближайшему дереву.

— *Да сгорят они в огне Инноса!* — всплеснул руками наконец добравшийся до места боя Фабио. — *Вы настоящие львы, дети севера!*

— Какого демона здесь произошло?! — закричал Долок, которого настигло осознание, что в заварушке он никого не сумел убить.

— *Мухи любят болотник. Жрут, как свиньи,* — забрав обратно свою мотыгу, сказал Расул. — *Это еще ничего. А как личинки свои откладывают в негодном болотнике, что я за ограду выкидываю, так вообще жуть. Плодятся и плодятся.*

— Может, лучше сжигать негодное, чтобы они не откладывали? — вставил свое слово сердитый Гиббочч, которому не повезло еще больше, чем Долоку.

— *Так они все равно лезут и лезут. Надо с ядоваром пройтись по округе, а так толку нет,* — протянул Расул, взял из-под навеса вилы и принялся убирать трупы шершней со своих посадок. Судя по всему, такие набеги в Лаго уже давным-давно никого не удивляли.

Фабио принялся благодарить орков, чуть ли не кланяясь, но Долоку до него дела совершенно не было — короткая речь раба засела в его голове, складываясь во что-то очень непонятное. И вдруг его осенило! В его голове появился план, как попасть на корабль. Дело оставалось за реализацией.

Корабль прибыл на рассвете. Пузатый когг родом с венгардской верфи встал под черным флагом на рейде, и тут же, не мешкая, с него спустили шлюпки, направившиеся к берегу.

Долок поправил обмундирование и встал на причале рядом с нервничающим Фабио. Тюки травы уже давно были приготовлены, проверены и уложены, но последнее слово о приеме «товара» все равно было за человеком Гонсалеса.

Тот, судя по всему, был не в духе. Им оказался сам Шамир, чей суровый взгляд тут же отметил орков и на особом варантском наречии, которого даже Гиббочч не знал, спросил Фабио, что в Лаго делают воины Кана. Ответ его не удовлетворил.

— *Я не возьму никого на борт! У меня важное поручение от Гонсалеса!*

— Я и не сомневаюсь, что вы искренне желаете его выполнить, — усмехнулся Долок. — И мы вам в этом даже поможем.

— *Чем же?* — Шамир упер руки в широкие, как океан, бока. Как же они отъедаются до такого состояния в столь жарком климате?

— Мы знаем, что в одном из тюков с травой то ли по невнимательности, то ли по злему умыслу, оказались личинки кровавых мух. А они ой как любят болотник...

Гиббочч в процессе перевода с недоумением посмотрел на главу отряда, но тот жестом дал понять, что все идет по плану.

— *И...*

На лице Шамира выступили крупные капли пота. Он понимал, что орки разыгрывают свою партию, но не понимал, стоит ли верить Долоку. Конечно, орки не занимались уборкой урожая, и знать о том, что там попало в тюки, не могли. Но, с другой стороны, трава лежала под навесом никем не охраняемая (за что теперь наверняка

попадет Фабио), и что в ней — загадка. Тюков было слишком много.

— Спасибо охотнику среди нас, что заметил следы кровавых шершней...

— *КАКОЙ ТЮК?!* — взорвался Шамир. В мореплавании он наверняка был хорош, но дипломатическую схватку он проиграл даже не вступив в бой.

— ... и скорее всего, — продолжил Долок, не обращая внимания на капитана когга. — По дороге до Бакареша они еще не успеют вылупиться. А там, глядишь, тюк уже можно будет выбросить в море или, что еще лучше, продать его тамошним торговцам.

— *Фабио, сын шакала, о чем он говорит?!*

— *Откуда мне знать, Шамир? О, сыновья севера, о чем вы говорите?*

— Рассказываем о том, что видели в течение вчерашнего дня. О той же атаке кровавых шершней...

— *Дети пустынных ящеров...* — протянул Шамир. — *Я все скажу Гонсалесу! Он и так недоволен тобой, а тут еще и такой позор...*

— *Еще ничего не доказано!*

— Не доказано, что личинок там нет, — ухмыльнулся Долок. — Аршак, как быстро они смогут прогрызть ткань и пролезть в прочие тюки?

— Меньше одного дня, — безразлично ответил охотник, с ходу уловив правила игры.

— О, Белиар! Ладно! Ваши условия?

Так бы сразу.

— Вы берете нас на борт и везете до Бакареша. Это по пути в Мора Сул — мы знаем. В Бакареше мы сойдем на берег.

Шамир побагровел. Но делать ему было нечего — он не мог уйти сегодня без груза. Фыркнув, он дал согласие на прием пассажиров.

Долок широко улыбнулся и жестом пригласил свой отряд в шлюпку.

Глава семнадцатая. Падение севера

Ночью Эб не мог уснуть. Его терзали мысли о возможных предстоящих пытках и казни. Окарские повстанцы были настоящими зверьми, в разы хуже орков. Те хотя бы тела людей, которых вешали на столбы, не расчленили, да и вешали-то в основном уже мертвых — все живые становились рабами. Поговаривали, что некоторым наемникам по ночам снились отрубленные головы их товарищей, прибитые к деревьям. Даже у бывалого бандита это зрелище вызывало лишь отвращение.

Рано утром его подняли пинками и со связанными руками потащили в одно из дальних отделений огромной шахты, в которой раньше добывали железо, о чем говорили валявшиеся то тут, то там остатки руды. Оказался наемник в покоях палатина Роланда, отличавшихся особым по меркам повстанцев богатством. Не всякий сторонник короля, прятаясь в лесах, мог себе позволить ковер, мягкую кровать (с периной! Где они ее взяли-то?!) и кафедру с небольшой библиотекой. Роланд мог. Едва лишь наемник очутился в покоях, как тут же на него набросилось несколько повстанцев, среди которых Эб узнал лишь пленившего его Бенкта. Били наемника не то чтобы сильно, но достаточно ощутимо, чтобы Эб даже думать не посмел соврать при допросе.

Когда он сумел наконец подняться (пускай и на колени), Роланд процедил:

— Мне нужны факты. Никакой иронии, шуток и прочей дряни, которой славятся наемники. Понятно? Планы орков по отношению к рабам?

— Чего?

— Что они с ними делать собираются, придурок? Убить, разводить как скотину, что?!

— Я откуда знаю?! Я же не орк и даже не варюсь в их обществе.

— Хорошо... Расскажи, как взаимодействуют между собой орки и вы, отродье Белиарово.

— Орки отдают все приказы... Они почти не выходят за пределы крепости в центре города. Лишь часть из них патрулирует улицы и стережет рабов на рубке дров, большую часть работ выполняем мы, наемники.

— Это я и так знаю! — рявкнул Роланд. — И больше конкретики, псина!

— Главой города является орк Варек, но он практически ни с кем не общается. Марик, наш начальник, в основном говорит с орком Кор-Шахом, тот ведает делами внутри городских стен.

— Уже лучше... Еще?

— Наемники в границах города делятся на три... как их... группы, во. Одна контролирует фермы, вторая — рабов, третья патрулирует город и занимается делами орков. Я обычно во второй группе работал. Искал рабов по лесам...

Краем глаза Эб заметил, как темнеет лицо Бенкта с каждым произношением слова «раб». Какой нежный мальчик, однако.

— И кто занимается гражданами Миртаны?

— Наемник Бредли. Он распределяет всех по местам работы, даже живет в рабском квартале. Рабы — его...

Тут же Бенкт со всей силы ударил Эба сапогом. Рухнув на пол пещеры, как пыльный мешок, наемник попытался подняться, но тут же получил еще удар.

— Аккуратнее, парень. Эта скотина нам еще нужна.

— Эта скотина убивала людей! И сторожила тех, кто попал в рабство к захватчикам! Он предатель человечества!

— Остынь, парень. Ну что ж, продолжим. Кто непосредственно контролирует... рабов?

— Наемники. Иногда сами орки. Непосредственно лагерь... людей контролирует большой отряд орков. Их чуть больше десятка, но на месте никогда более шести не бывает. Посменно работают. Их я не различаю между собой, ничего не могу сказать, только работают они всегда хорошо.

— И сколько вне города «не-наемников»?

— Не знаю точное число. Они ж мрут, как мухи, их туда-сюда гоняют. Тут Бредли надо спросить...

— Спросим, не переживай. И как вы их ищите?

— Как, как... Идем по следу, если он есть. Прочесываем дороги и известные тропы.

— Все? — Роланд прищурился, ожидая больше информации.

— Всегда смотрим заброшенные дома и фермы. Проверяем все — от подвала до чердака, если сохранилось. Иногда так находим тайники пов... — Эб осекся. — Людей, верных королю.

Он не стал говорить, что такую практику ввели в обиход наемники, при прежней власти бывшие городскими стражниками, ответственными за розыск бандитов, людей, привыкший прятаться годами. Найти рабов в лесах (если те, конечно, не были слишком быстрыми и не имели поддержки повстанцев) для них было плевым делом. Они учили всех наемников премудростям розыскного дела, требуя в обязательном порядке опрашивать очевидцев — вдруг кто-то да и видел что-нибудь. Таких «специалистов» Роланд бы, наверное, пожелал лично сжечь на

костре.

— Умные суки, — пробурчал кто-то из повстанцев, занимавшихся избиением Эба в начале допроса. — А я-то думаю, кто тайник вскрыл на старой зерновой ферме подле Монтеры. А вон оно что...

— Ты думал, там дураки сидят, в крепости-то? Крысы тыловые, что меча не держали даже, конечно, против орков не попрут, но все способности им во благо применяют, — протянул Роланд. — Угу... И скольких людей ты убил?

— Из рабов никого — Иннос все видит! — закричал Эб. Еще не хватало прослыть кровавым тираном. — Бандитов, разбойников, да даже повстанцев, тех, что с оружием — да. Но, черт возьми, безоружного я ударить могу, но не убить.

— Твое счастье, что никто этого опровергнуть не может. Что еще можешь рассказать?

Эб покачал головой. Из его головы внезапно улетучились все воспоминания о жизни в Монтере, как у нерадивого ученика перед сердитым наставником. Роланд хмыкнул.

— Ну что ж... Рассказал ты нам мало, что неудивительно для столь мелкой сошки. Ну раз нечего сказать, Бенкт...

— Тут? — спросил звонкоголосый повстанец.

— Нет, разумеется! — прикрикнул паладин на своего подчиненного. — Где обычно.

О чем это они? Не успел Эб раскрыть рот, дабы спросить, как тут же ему на голову натянули плотный вонючий мешок. Просто замечательно! Наемника подняли на ноги и принялись выталкивать куда-то прочь из пещеры. Судя по всему, путь пролегал по лесу, ибо уже спустя несколько мгновений после выхода из пещеры Эб достаточно глубоко провалился под снег. После третьего «нырка» напарник Бенкта грязно выругался и стащил мешок, дабы наемник видел хотя бы что-то перед собой.

Как оказалось, располагался лагерь в шикарном зимнем лесу, полном сосен. Не будь на дворе войны, Эб многое отдал бы, чтобы просто побродить здесь в погожий день. Но в целях прогулки «дыхание» свежим воздухом явно не значилось. Эб слышал, как за его спиной переговариваются повстанцы:

— Надо спросить нашего человека в Монтере. Он должен точно знать, чем занимался этот ублюдок.

— Ты думаешь, он все знает? Я его недавно за пределами города встретил, спросил, сколько запасов на складах. Он ответил: «Не знаю». Толку от него, как от козла молока, хоть и не последний человек в тамошних рядах. Да и вообще, какая нам разница, чем этот ублюдок занимался. Все равно ему путь один...

— Тише...

Эб сделал вид, что не слышал болтовни конвоиров. Он и без того прекрасно знал, куда его ведут. Спиной он чувствовал наведенный на него арбалет, и поделаться с этим ничего не мог.

— Гребаный холод... И как Аног со своими козлами в лесу сидит? Небось мрут, как мухи.

— Я давно уже ничего не слышал из тех краев. Канделу надо спросить — он часто по сильденским лесам болтается.

— Я считаю, нам всем давно пора объединиться и выбросить орков хотя бы из одного города. Сильден ведь мы явно потянем. Я не говорю про Монтеру или Гельдерн — там орков с наемниками больше, чем вшей на варге. Но Сильден-то! Или Трелис. Проникнуть и взять. Объединиться с ассасинами, в конце концов. Они же тоже люди...

— Они служат Белиару, а общая вера важнее расы. Боги все видят.

— Чертовы боги... Из-за них вся война.

Они спустились в узкую лощину, в которой виднелось великое множество следов как людей, так и зверей. Из-под свежих хлопьев еще виднелась бурая кровь. Эб все понял. Именно здесь его и убьют. Он уже слышал, как замедлил шаг Бенкт, как он открыл рот, чтобы остановить идущего впереди наемника. Умирать Эб не собирался.

Сделав два широких шага, он оттолкнулся от примятого снега и нырнул в густой куст, который ветками тут же исхлестал его лицо в кровь. Повстанец моментально спустил крюк арбалета, но болт утонул где-то в снегу, не найдя цели.

— Стоять, сволочь!

Но останавливаться Эб не собирался. С трудом поднявшись на ноги, он вернулся на протоптанную тропу и изо всей силы припустил по ней куда-то на юг.

— ...! Стреляй, Бенкт!

Но замерзшие пальцы повстанца не могли толком совместить стрелу и тетиву охотничьего лука. Еще мгновение, еще! Эб резко прыгнул головой вперед — совсем рядом со спиной просвистела стрела. Встать, встать!!!

Повстанец погнался вслед за беглецом, на каждом шагу проваливаясь по пояс из-за тяжелого снаряжения. У Эба было преимущество, и еще оставалась капелька времени, пока Бенкт не выстрелит вновь.

Бежать, бежать! Далеко впереди виднелись просветы — где-то там была река. Шныряя туда-сюда, как заяц, Эб выбрался из лощины и напролом, как мракорис, понесся сквозь поросль низких молодых деревьев. Неподалеку

пролетела еще одна стрела, но повстанцы уже безбожно отстали. Главное — не останавливаться. У Эба было всего лишь одно преимущество — скорость. Повстанцы были вооружены, они лучше знали местность, но для них убийство беглого наемника не являлось делом жизни и смерти, а для Эба — более чем.

Выбравшись из мелколесья, наемник оказался на пологом склоне, заросшем высокими ясенями. Где-то здесь должна быть река. О ее приближении, в первую очередь, свидетельствовал ледяной ветер, куда сильнее того, что был в районе лагеря повстанцев.

Где-то неподалеку рыскали волки, но Эбу было наплевать на зверей — за ним гнались куда более опасные враги. Внезапно лес закончился — наемник оказался на заснеженном лугу и тут же узнал место.

Это была долина Большой реки между Трелисом и Сильденом, ближе к последнему. Льда на реке практически не виднелось — все-таки не так уж и холодно было в последние недели, несмотря на метели — и, что лучше всего, по краю берега, согнувшись под напором ветра, брел отряд орков.

— Харпар!* — заорал из последних сил Эб. Он знал крайне мало слов по-орочьи, но, благо, что-то помнил. — ХАРПАР!!!!

Ветер уносил в сторону все слова наемника, но, орки не были глухими. Почуввав что-то неладное, глава небольшого отряда поднял голову, заметил морра и дал своим бойцам сигнал приготовиться к бою. Но никакой угрозы не было — только наемник, чья кожа уже покрылась снегом и льдом, бежал сквозь целину и кричал, взывая о помощи.

Эбу очень повезло, что орки издалека заметили синий цвет одежды. Ничего не понимая, главарь опустил арбалет и поднялся с колена.

— Назовись, морра! Кто ты и откуда?!

Но у Эба уже не было сил, чтобы ответить. Не добежав до орков всего несколько ярдов, он рухнул в снег, потеряв сознание.

***

Из-за щитов, за которыми прятались орки, полетели арбалетные болты. Кан, срывая голос, командовал прикрытием старого мага, казалось бы, посланного самим Белиаром на помощь армии севера. Откуда-то с гор подали голос шаманы. Заговорили тяжелые баллисты на горных тропах.

Пора!

Старый маг в темной робе сосредоточился, извлек из грубой сумки огромный рунный камень, обхватил его ладонями и крепко зажмурился.

Пальцы его затряслись сразу же, как он начал нашептывать формулу — камень нагрелся, как сталь в плавильне, раздался легкий треск и сквозь трещины полился яркий свет, ослеплявший любого, кто рискнул бы бросить взгляд на него в это мгновение. Кто-то со стен пытался не целясь пустить в некрманта стрелу по параболе, но тщетно. С громким треском камень распался в руках мага. Ритуал был завершен**...

Над Фарингом воцарилась гробовая тишина. Маг рухнул на одно колено, тяжело и часто дыша. Он медленно уткнулся лбом в холодный камень, покрытый кровью людей и орков.

Откуда-то сзади начали раздаваться крики.

— Орк-Шака!

— Уру-Шака! Мардар морра!

Земля задрожала. Сотни, нет, тысячи тяжелых ног орков раскачивали землю Миртаны, некогда принадлежавшую людям, которую они бездарно отдали оркам севера. Кан поднял свой тяжелый меч! Вперед, орки, вперед!

Ворота быстро пали под натиском элитных частей наступающей армии. Орки прорвались в город, сметая все со своего пути. Слишком долго длилась осада Фаринга, слишком долго они ждали, слишком много крови было пролито ради этих мгновений.

Паладины, обычные солдаты, гражданские — все пытались защищаться, оказать сопротивление, но силы их были несвежи, а руки слишком слабы, чтобы остановить орочий гнев. Кто-то еще по привычке пытался пользоваться рунными камнями, но тщетно.

Рунная магия Инноса была уничтожена магом в темной робе. Магом, который познал великую силу ритуалов, который предал свой народ, но ради чего? Ради пяти давно затерянных артефактов? У него была великая цель, но какая именно, не знал никто. Только пять артефактов, которые должны были найти орки. Кан помнил о договоре, и нарушать его не собирался — уж слишком великой была сила, сосредоточенная в голове старца. Завтра же он пошлет отряды в Варант, в Нордмар, куда угодно, пускай его разведчики и шаманы перероят всю землю континента — ради победы.

Битва подходила к концу. Кан вложил лишь слегка обгаренный кровью меч в ножны и поднялся на самую высокую башню крепости Фаринга. Отсюда, с высоты птичьего полета, казалось, можно было увидеть всю Миртану, все земли морра, которые еще пытались отсрочить неизбежное — падение своего рода.

Дорога на юг была открыта. Следующая цель — Венгард...

*Харпар — искаженное «Помогите» на нордмарском диалекте орочьего языка.

Глава восемнадцатая. Последний оплот

В городе морра горело куда меньше огней, чем ожидал Кан. Переход от Фаринга до Венгарда был слишком коротким, дабы кто-то из людей в столице сумел узнать о взятии северной крепости. Орки не собирались останавливаться — не то что пары дней, ни минуты не дал военачальник на разграбление города, оставив в крепости лишь небольшой отряд, а сам же немедленно двинулся к столице. Слишком долго он ждал возможности сжать пальцы на шее короля морра, прятавшегося за спинами своих соратников, которых, будь на то необходимость, он бы даже на жатву поднять бы речью не сумел. Кан бы сумел. Кан собрал многочисленные кланы Северного Нордмара в единый кулак, способный сокрушить все на своем пути. И он сокрушил. После долгих лет возни в Нордмаре Южном, орки вышли на оперативный простор, спустившись с гор, а здесь им уже никто не мог противостоять. В открытый бой морра вступать опасались, помятуя о сражении при Клане Огня; крепости были слишком слабы, а защитники — слишком тщедушны, чтобы держать оборону и решать что-либо. Монтера пала после первого штурма, Трелис взяли осадой, Гельдерн сдался практически без боя, Готу разрушил гнев Белиара, а Фаринг... Фаринг, грамотно построенная крепость с ужасным для наступающей армии рельефом местности, строилась для того, чтобы не пускать никого на юг, поливая нарушителей градом стрел. Только благодаря таинственному старцу в темной робе, разрушившего рунную магию, орки смогли проникнуть в крепость. Интересно, морра сегодня попытаются использовать свою магию? Кан многое отдал бы, чтобы посмотреть на недоуменные лица колдунов, когда те обнаружат превратившиеся в резные камушки руны...

Впрочем, к черту... Орочий военачальник кивнул, давая сигнал о начале наступления.

Глубоко за полночь затрубили в сигнальный рожок. Матиас подскочил на стуле, больно ударился головой о низкий потолок небольшого арсенала и выбежал на улицу.

— АООООООЭЭ!

— Орки со всех сторон! ОРКИ!

Паладин выдал подзатыльников нескольким пьяным после вроде как закрытого трактира охотникам, после чего грязно выругался на дрожащих под навесом ополченцев с дерьмовыми копьями.

— В боевой ход, живо, мать вашу!

— Смолу кипятити, ублюдок — орки на стену полезут!

— Воду из речки к домам — возможны пожары!

Матиаса едва не сбили с ног, пока он поднимался на стену. Матерясь, он наотмашь ударил зазевавшегося копейщика и поднялся в боевой ход, тут же спрятавшись за зубцом.

Орков в темноте не было видно — они как звери преодолели заграждения в полной темноте, лишь черные силуэты виднелись на заснеженном поле.

— Баллиста р-р-раз! Готовься!

Рано, рано... Пока что орков слишком мало, а снаряды для крепостных орудий слишком дороги для подобной стрельбы. Да еще и орки на ближнем к Венгарду краю рва устанавливали какие-то щиты. Что за...

— А-а-а-а-а!!!

Один из лучников улетел во двор спиной вперед с огромным болтом в груди. Мощно, однако. По зубцу рядом с Матиасом шваркнул еще один снаряд.

— Арбалетчики в канаве!

— Твою мать! Ганса убили!

— У них арбалеты с воротом, — заметил притаившийся рядом с паладином простолюдин-стрелок. — Мощь — с ума сойти можно.

— А я не знаю, что ли? — проворчал Матиас.

— Простите, госпо...

— Надо подсветить их как-то! — крикнул над ухом седой паладин в наспех надетых доспехах. — Зови магов!

— Пускай!

Заряд баллисты со свистом рассек темноту, снеся к чертям несколько составленных вместе щитов. С противоположного края поля послышались крики орков.

— К черту их! Неси камень! Будем ими стрелять.

— Подсветите их! Ни демона не видно!

— Варжий сын!

Кто-то снова закричал. Орки продолжали обстрел из своих мощных арбалетов. На юге города завыл тревожный рожок. Орки подтянули со стороны Монтеры часть оккупационных войск и осадные орудия, которые тут же принялись поливать стены камнями. С Фаринга же двигались элитные войска под командованием Кана. Твари прятались в темноте, продвигаясь с каждой минутой все ближе к стенам. Похоже, они готовы были идти до

конца...

— Баллисты на стенах!

— Я не вижу что ли? Шаманов ко мне сюда, быстро!

Кан находился в нескольких десятках шагов от первого рубежа обороны морра. Они хорошо подготовились: ров, ежи, стрелки на стенах. Доносили, что все фермы в округе пусты, значит, готовились морра очень сильно заранее. Кан поморщился, поняв, что совершил ошибку, желая взять Венгард только лично. Надо было бросить большие силы из числа тех, кто проник в Срединное королевство через сильденский перевал... К черту! Ничего уже не воротишь.

Руководил шаманами старик, по имени Граш-Пак. Несмотря на свои семьсот с лишним лун жизни, передвигался он достаточно бодро, а уж как ругался... Боги еще не видели такого сквернословия.

— Нужно помочь войскам на поле. Вы можете добросить огненные шары до вершин стен?

— Я не тролль горный, все могу добросить. Но для этого подойдут только самые умелые из умелых...

— Все шаманы здесь такие, — проворчал Кан. У него не было времени вступать в перепалку со стариком. — Делайте же, Белиар вас дери! Чего вы ждете?!

— Король, король! Ваше величество! Орки...

Робар Второй смерил слугу презрительным взглядом. Только еще орков не хватало. Не могли они напасть днем?

— Одежду мне принести... — немного подумав, властитель Миртаны добавил: — Парадную! Самую парадную!

Из приоткрытых дверей покоев пролетал холодный воздух, пронизывающий стареющего монарха до костей. За окном из дорогого стекла трубили в рожок, бесновались младшие командиры, готовили смолу и стрелы для обороны. Приобняв самого себя за плечи, Робар Второй сунул ноги в теплые сапоги и направился к зеркалу. Кобрин пока справляется, а король не должен выходить в свет в неподобающем виде!

— Не могу! ...! Что за ересь?!

Маг огня посмотрел на Матиаса умоляюще. Но паладин ничем не мог помочь. Он сам был в шоке, когда осознал, что магии в рунных камнях нет. Едва лишь слуга Инноса прикоснулся к руне, лицо его мгновенно изменилось. Прежней энергии в камне он не ощущал. Когда он принялся творить

Паладин сплюнул.

— Стрелки! Хватит бояться орчьего болта! Иннос учил нас отстаивать идеалы света и огня! Защищать их до последней капли крови! Хватит прятаться за стенами! Стрелы наизготовку!!! Убейте каждого орка на этом гребаном поле! Кто не будет стрелять — того я с копьём выкину за стену, и вы будете биться за короля там!

Тут же мимо головы Матиаса пролетел еще один арбалетный болт. Выругавшись, он отошел в тень и спрятался за зубцом. Лучники, вдохновленные его речью, быстро разобрали принесенные слугой снаряды, и принялись отстреливать преодолевавших полосу из «ежей» орков. С ужасным свистом пускала камни баллиста на башне.

В городе тем временем царил хаос. Огненные шары, пущенные шаманами орков, перелетали через крепостную стену, поджигая соломенные крыши домов. Городские отряды пожарных бесновались, носясь туда-сюда с ведрами, полными воды. Где-то кричали дети, несколько купеческих лавок уже были разграблены мародерами из числа беженцев... Городом правил ужас перед наступающими отрядами орков. Дальше бежать было некуда — большинство кораблей уже ушли из гавани столицы.

Оставалось надеяться только на то, что у орков закончатся силы. Вести о падении Фаринга в Венгард еще не приходило, значит, Кан атаковал, что называется, с колес. О, Иннос, сдержи эту орду!

— Хавьер?

— Да, Норрис?

— Венгард и без нас справится... А у нас и без того мало народу. Еще найдут нас по следам...

— Трусость — качество, недостойное истинного воина, Норрис. Мы не будем атаковать армию Кана, но помочь королю мы обязаны. Его мудрость — наша последняя надежда в этой проклятой войне!

— Командир! Надо отводить войска!

— Что случилось? — резко обернулся Кан.

— Морра в тылу.

— Какого черта?

— Небольшой отряд напал со стороны Ардеи, возможно, они прятались в лесах Реддока, — затараторил орк-адъютант. — Пока неизвестно, кто это, повстанцы или вернувшийся разведывательный отряд морра.

Кан взревел:

— Орки там не могут уничтожить жалкую дюжину морра?!

— По донесениям, они напали на наши орудия сзади и уничтожили их все, перебив охрану. Все войска были внизу...

— Командир! — закричал еще один помощник Кана. — Армия понесла тяжелые потери. Передовой отряд отошел ко рву.

— Будьте вы прокляты! Перебросить туда отряд Хабшага!

— Хабшаг со своими воинами направился к орудиям.

— Белиар! — рывкнул Кан и повернулся к полю битвы. Даже в темноте он видел, что число атакующих орков стало гораздо меньше. На заснеженных полях лежали окровавленные тела бойцов. Большая часть из них прошла под его командованием через весь Нордмар и мясорубку штурма Фаринга. Они прошли с ним бок о бок почти десять лет войны, и пали смертью храбрых на последнем рубеже обороны морра.

Венгард... Огромный город, в котором прятались отборные представители морра. Последняя надежда Срединного королевства. Рудная колония Хоринис пала под натиском армии Мубрака, на север выслана огромный экспедиционный корпус Криггача, а на юг, в страну хашшашинов, отправились послы с предложением о заключении мира. Трусливый король Робар остался наедине с собой в каменном мешке Венгарда. А скоро и этой стены между ним и орочьей армией не будет. Пускай в этот раз штурм не удался. Пускай. В следующий раз Кан знал, что город будет взят.

***

Очнулся Эб в тесной хибарке с низким потолком, в которой было неожиданно тепло. В противоположном от жесткого топчана углу мирно трещала углями печь, возле которой хлопотал... орк?!

Наемник поднялся в постели, но орк сказал, не оборачиваясь:

— Лежи, морра. Мало сил в тебе.

— Где я?

— Силден. Город морра на западе. Мое имя — Громпел. Я городской шаман Силдена, советник Умбрака, великого орка.

— Я Эб... Наемник из Монтеры. Меня взяли в плен повстанцы, но я бежал.

— Повстанцы, говоришь... Интересно, — Громпел наконец повернулся лицом (или все же мордой?) к Эбу. О, боги! Это был шаман орков, облаченный в обычные для этой касты белые, хоть и слегка грязные, одежды. Только сейчас Эб краем глаза заметил стоявший в углу магический посох.

— Да, повстанцы. Меня били и допрашивали.

— Я видел это, морра. Видел по следам на твоей коже. Откуда ты, говоришь?

— Из Монтеры, это в центре страны...

— Понял. Денпок, разведчик, что принес тебя, сказал, что ты вышел к реке. Лагерь морра далеко?

— Как понимаю, не очень... Я не знаю точного местоположения — мне не давали смотреть по сторонам, а когда бежал, было не до того...

— Расскажи, что ты видел в лагере.

— Это была пещера... Шахта бывшая, судя по ощущениям.

— Шахта... Их много в округе. Еще что-нибудь видел?

— Нет... мне не давали смотреть по сторонам даже внутри шахты, не говоря уже про округу. Они боятся орков. Помню только какое-то мелкоколосье, где я прятался от конвоиров...

Громпел кивнул, открыл дверь на улицу и крикнул что-то на орочьем языке. После чего повернулся к наемнику.

— Тебе удалось что-нибудь выяснить?

— Вроде бы нет... — Эб задумался, пытаясь вспомнить, о чем говорили сторожившие его повстанцы. О возможности нападения на Сильден, о повстанцах, сидящих в лесах под руководством какого-то Анога, о... Белиар!

— В Монтере среди наемников есть предатель! Человек, оставшийся верным королю!

— Хорошо, морра. Хорошие сведения. С первым же караваном ты отправишься в Монтеру и расскажешь все тамошнему командиру...

— Марику?

— Вареку. Я дам тебе свидетельство моего доверия. Сначала вместе с лодками с мясом отправишься в Трелис по реке. Потом найди тамошнего начальника наемников морра. Пусть даст тебе сопровождения и стрелой лети в Монтеру. Попытайся вспомнить как можно больше. Если вспомнишь — говори окружающим, чтобы не забыть. Недопустимо, чтобы Монтера пала в самый ответственный момент войны.

Глава девятнадцатая. Хозяева мира

— Доложить о вооружении корабля!

Пауль принялся напряженно думать. Он видел, что корабль орков не проходил мимо — судно целенаправленно двигалось в сторону гавани Гердонии, и на борту его, прикрывшись импровизированными щитами, приготовились к бою отряды хорошо вооруженных орков, топоры и арбалеты которых соскучились по крови.

— Господин! — подозвал новоявленного губернатора Снафф, один из гердонийских офицеров стражи.

— Да?

— На первом корабле десять арбалетчиков и примерно две дюжины бойцов с топорами. На втором — «скорпион» и неизвестное количество орков.

— Проклятье! — прорычал Окарский. — Что в лагере беженцев?

— Они ломаются в ворота! В городе тоже паника.

Пауль нахмурился. Перспектива погибнуть во имя Инноса его совсем не впечатляла, пускай она и была весьма и весьма почетна. Даже против такого малочисленного войска орков у острова было недостаточно сил — сказалось недостаточное финансирование короной гердонийской стражи. Конечно, большинство мужчин готово взять в руки оружие, инструменты, да хотя бы палки, и пойти защищать остров, но хватит ли их сил и выучки? И даже если хватит, то где гарантия, что ВСЕ корабли орков уже достигли Гердонии? Может, завтра сюда придет еще армада из десяти, а может, и двадцати кораблей. Против них хлипкие стены города уже точно не сдюжат. Пауль усмехнулся.

— Поднять белый флаг на стенах!

— Господин, — непонимающе спросил Снафф. — Но это же... Военная хитрость, да? Я надеюсь...

— Нет! — рявкнул Пауль. — Выполнять, сейчас же! Живо!

Офицер вытаращил глаза, его ладонь легла на рукоять меча, а мысли принялись скакать из стороны в сторону, выбирая между верностью королю и служебным долгом, который велел ему слушаться губернатора.

— Быстрее!

Приказ Пауля тронул нужные струны в голове стражника, и тот тут же принялся искать по домам горожан огромную белую простыню.

Когда нога первого орка ступила на землю Гердонии, на стене уже висело белое полотно, а на пристани захватчиков встречала вся верхушка власти острова: Пауль, бледный Снафф, не знавший, куда деть руки, и Инджрих, до жути боявшийся зеленокожих. Впрочем, сказать, что Окарский не чувствовал тревоги, было бы неверным.

— Сдаешься, морра? — с презрением в голосе спросил главный орк, куда выше прочих тварей, в шикарных тяжелых доспехах.

— С кем я говорю? — горделиво поднял голову Пауль. Показывать себя беззащитными мясными жуками явно не стоило. По крайней мере, пока что.

— Кригач! Командир орков! Давайте оружие!

— Нам нужны гарантии, что город не тронут.

— *Радуйся*, что я не убил тебя, морра. Давайте оружие!!!

Орки плотным кольцом обступили гердонийских парламентариев. Ясно было, что они действовали с позиции силы. Оставалось только подчиниться. Ножны с мечами и кинжалами полетели в сырой песок.

Впрочем, бесчинства орки устраивать не стали. Но и особой радости и дружелюбия они не показывали, как и обитатели острова, большинство которых топорами и грозными взглядами загнали в лагерь беженцев на берегу, заняв город, заперев в нем тех, кто руководил когда-то островом: стражу, администрацию, самых больших торговцев.

Без эксцессов не обошлось. Выглянув в окно ближе к вечеру, Пауль ахнул и тут же выскочил на улицу. На голую землю рухнул избитый полуголый горный мастер, тело которого было испещрено свежими ожогами.

— Они... они... пытали меня... я рассказал им про шахту...

— Они бы все равно про нее узнали, — сказал Пауль, присев рядом. — Зачем они тебя пы...

— Я им не сказал про магическую руду в шахте, — свистящим шепотом произнес мастер.

— Здесь есть магическая руда?!

— Ага, оу... — мастер поморщился, когда выбежавшая из дома Юстина дала ему полотняную сумку, полную льда, пытаясь хоть как-то уменьшить боль. — Там есть небольшое ответвление, и в нем руда. Еще там...

Он оглянулся, высматривая орков. Несколько из них шли к нему, не ожидая никакого сопротивления. Но они были еще далеко.

— там есть дыра в полу — там вода, но иногда там виднелись отблески света... И звуки... Ау... Больно, черт. Туда никто не спускался. Никогда... Но там что-то есть.

Горный мастер еще раз взревел от боли.

Ему мог помочь разве что хороший маг. Но мага на острове не было. Орки унесли мастера, еще живого, куда-то за город. Удивительно, что они не стали пытаться никого, кроме горного мастера. Ни Снаффа, ни Пауля, ни Моргана, ни кого бы то ни было из городской стражи. Последних заперли в башне и держали под охраной.

Пауля никто не закрывал, но выходить из дома, принадлежавшего гердонийскому алхимику, он лишней раз боялся.

— Ты думаешь, они уйдут?

— Не знаю, Юстина, — Пауль присел на алхимический стол. Хозяина дома орки зачем-то посадили вместе с беженцами в лагерь на берегу. — Но мне кажется, что они здесь ненадолго. Будь их целью Гердония, они бы знали, что делать. Но они заперли всех по домам и пытаются разведать обстановку. Такое ощущение, что они вообще наткнулись на нас случайно. Нам жутко не повезло...

— Я надеюсь на это, но... Я слышала столько всего ужасного об этих орках, с тех пор, как началась война. И вообще. Почему ты решил вывесить белый флаг?! Наши воины храбры, а людей много, мы бы отбились! И...

— Тебе Снафф с Морганом на уши водорослей навесили что ли? Какое «отбились»? С ума сошла?

— Ну почему, — засомневалась девушка. — Когда-то же надо перестать бежать.

— Тогда бы нас точно убили.

— Не всех!

Пауль вздохнул.

— Да, пяток бы оставили себе в качестве прислуги и развлечения. Толку-то от этого?

— Из-за таких как ты королевство и проигрывает войну! — Юстина начала сердиться. — Сидите, прикрывши телеса дорогими тряпками, трясясь за каждую монетку, и ни черта не делаете!

— Так уж и «ни черта»? Может, стоит убрать дорогу? И подъемник? Большие деньги — большая ответственность перед подчиненными. Да, люи вроде Фарзи предпочитают первое второму, но видит Иннос, я предпочел бы жить наоборот. Юсть, поставь себя на мое место. Я всю свою жизнь прожил в среде, где важно только одно — золото. Золото, золото, золото! Надоело! Ты просто не представляешь этого. Мне надоело, что мою полезность для семьи, для родных измеряют количеством принесенного золота. Ты же слышала байки про Германа Окарского? Да что там, черт возьми! Ты на него работала! Он приказал высечь тебя за уроненное блюдо! Меня в детстве отправляли спать к волам за то, что я бегал и играл слишком громко! Видите ли, мешал работать! Будь оно все проклято. И сейчас мне меньше всего хочется думать о себе. Знаешь, что бы я сделал, если бы решил пойти по пути Окарских? Запрятал бы все золото в сундучок, залез бы в самую глухую дыру, дождался бы, пока орки уйдут, а потом бы выполз на свет, как таракан. Но я не хочу так. Мне хочется на сей раз выбрать ответственность...

Юстина улыбнулась.

— Ох, Пауль, каким же ты все-таки дурачком бываешь иногда. Ладно, пойдем спать. Утро вечера мудренее.

Проснулся Пауль от ужасного хлопанья двери. По крыше барабанил сильнейший дождь, а с моря доносился непонятный шум. Вскочив на ноги, Окарский накиннул плащ, выглянул на улицу и ужаснулся.

Шторм срывал с крыш доски и солому, вода уже переполнила все ямки на улице города, на дороге стояли огромные улицы, а немногочисленные орки прятались в домах. Что творилось в лагере беженцев, Пауль даже боялся представить.

— Юстина!

— Да? — с трудом подняла голову девушка. — Что случилось?

— Быстро просыпайся и прячься в подпол! Бегом! Без вопросов!

Сам же Окарский наспех оделся и выбежал на улицу, немедленно промокнув до нитки.

— Морра! Спасай корабли! — раздался откуда-то крик Криггача, после чего, видимо, повинувшись неведомым Паулю приказам, из домов повыскакивали воины орков.

Ворота уже были распахнуты — практически весь экспедиционный отряд бросился в гавань, моля Белиара с Аданосом, чтобы галеры еще не были уничтожены штормом.

— По дороге вокруг! Морра! Ты мной! Подъемник!

В лагере беженцев с началом бури вспыхнуло восстание. Некоторые палатки уже унесло в море вместе с людьми, а вчерашние крестьяне схватились за камни и палки и ценой огромных потерь убили большинство стражей.

— А-а-а-аргх! *Арбалеты!*

Галеры болтались на привязи, как воздушные змеи, вода заливала палубу, еще чуть-чуть и... О, Аданос! На очередной огромной волне галера взлетела, канаты вырвали с мясом хлипкие столбики пристани, не предназначенной для больших кораблей, и уже спустя мгновение судно вынесло на берег, а причал с ужасным

прохотом наполовину ушел под воду.

Орки дали залп из арбалетов, застрелив нескольких беженцев, пытавшихся помешать воину, стоявшему на вороте подъемника.

— *Убить ублюдков! Морра! Спасай второй корабль!*

Пауль рванулся на пристань вместе с парой орков, но было уже поздно — дал о себе знать получивший повреждения причал. Под напором стихии рухнул еще один столб, к которому была привязана вторая галера, и судно на скорости влетело в корму первого.

Гнев орков был страшен. Оба спустившихся отряды со страшными воплями перерезали всех восставших беженцев. Гердония утонула в крови.

Пауль надеялся, что орки пощадят хотя бы половину оставшихся на острове людей. Кто-то же должен на них работать, да и шахта...

— Что скажешь, морра? — спросил Криггач, когда орки привели Пауля в дом городского кузнеца, где обосновался военачальник.

— Я прошу лишь мира для Гердонии!

— *Рабом хочешь стать, слабак?*

Орк-толмач перевел высказывание Криггача.

— Я хочу лишь мира. Войной ничего не решить. Тем более сейчас, когда у нас нет ни одного корабля, и нам, скорее всего, придется зимовать на этой несчастной скале.

— *Ха-ха-ха! Разумный. Почти как Мубрак, правда Сегук?* — обратился военачальник толмачу. — *Тот тоже известный морралюбец... Корабль мы починим. Или почините вы, морра. Гердония — жалкая деревня, достойная только сожжения. Будь моя воля, я бы так и сделал.*

Пауль поджал губы. Если сожгут город, то и всех жителей, в том числе и его с Юстиной, убьют. И хорошо, если просто убьют. Никто людей с собой брать не будет. Для Криггача Гердония не представляла никакой ценности. Никто в ней не видел ценности. Кроме Пауля. И он знал, что остров может предложить захватчикам.

— Не такая уж она и деревня. По ценности она практически равна Хоринису.

Криггач захохотал так, что, казалось, вот-вот содрогнуться стены. После ночной кровавой бани у него заметно улучшилось настроение.

— *Ох, насмешил, морра. Как шут, ей-богу.*

— Ну почему... Например, здесь есть шахта, наполненная рудами?

— *Про шахту я знаю. Ваш горный мастер мне все рассказал, когда к его коже мы поднесли раскаленную кочергу...*

— В том числе и про залежи магической руды?

Криггач напрягся.

— *Что ты имеешь в виду?*

— Там есть ответвление, которое ведет к коридору, полную магической руды, а еще там есть проход в закрытую часть, полную воды, которую никто до сих пор не исследовал.

— *Белиар! Надо было нагреть кочергу получше... Если это так, морра...*

Криггач замолк. Пауль тоже не хотел торопить события. Это походило на переговоры с купцом в дальнем поселении. Одна ошибка, одно неверно сказанное слово — и три дня пути псу под хвост. Сколько уже таких переговоров он провел в своей жизни... Не сосчитать. Правда, сейчас перед ним сидел не толстый фермер, продававший собранную репу, а орк, чьи руки были по самые плечи в крови. И на кону стояли не четыре сотни золотых, а жизнь многих людей. Пауль посмотрел в глаза орку.

— *Интересно звучит, морра. Интересно... Сегук! Возьми еще полдюжины орков. Молись своему Инносу, морра, чтобы мы нашли магическую руду. Ты идешь с нами!*

***

Бакареш был недалеко. Впрочем, Шамир бы с огромным удовольствием не то что бы выбросил орков прямо в море — он бы их в нем утопил. Интересно, через какое количество времени он поймет, что в указанном тюке никогда не было никаких личинок кровавых шершней? Главное, чтобы стрелу в спину не послал.

— Когда купались в Лаго, вода доставляла мне куда больше удовольствия, — заявил Аршак.

Гиббоч фыркнул.

— Это было гениально, Долок, Белиар тебя дери!

Глава же отряда орков молчал, стараясь не трогать попусту силы на разговоры — до берега оставалось еще примерно сто ярдов.

Порт Бакареша переживал не лучшие времена — во время последней войны с Миртаной войска по приказу трусливого короля Робара почти все причалы были уничтожены — морра желали получать больше прибыли с пошлин. Хашшашины же не унывали — из гавани доносился стук молотков — рабы строили новый, пока еще

небольшой. В гавани стояло несколько небольших суденышек, с которых выгружали товар. Долок заметил, что всем занимались рабы, прямо как в захваченных городах морра, а следили за ними воины и толстые торговцы, вроде того, что правил в городе Бен Эрай.

На вылезших из воды орков с плотом, на котором лежало все оружие, огромное по меркам любых морра, хашшашины поглядывали со смесью опаски и любопытства. Воины тут же обступили их и, держа ладони на рукоятках мечей, принялись выяснять цели прибытия. Долок поднял руки и на своем ломаном языке пустыни сказал:

— *Мы хотим говорить с темные маги! Послание мира от орков!*

Главный хашшашин усмехнулся и сложил руки на груди:

— *Оружие оставьте здесь! Люди Карлоса за ним присмотрят. Идите за мной к Тизгару!*

Глава двадцатая. Союз под знаком Белиара

— Это инициатива Кана?

— Да, это инициатива нашего вождя, — кивнул Долок. — Переданная командующему Ваку, а тот отправил меня и мой отряд.

— Допустим, я этому поверю, — протянул Тизгар, самый главный из темных магов Бакареша. — Но выше меня в Варанте еще стоят Гонсалес и владыка Зубен. Почему вы, путники, преодолевшие столь сложный путь, не пошли к ним?

— Вождь Кан считает, что в отношениях тех народов, что поклоняются Белиару, должны быть главными те, кто стоит между Белиаром и его паствой.

Каждый орк в мире знал, что это не так, но Вак хорошо подготовил своего посла.

— Хорошо говоришь, о сын ледяных гор! Назови же себя.

— Мое имя Долок, я воин из отряда Вака, что стоит в крепости Трелиса.

— Хороший воин?

— Вак считал меня одним из лучших среди своих бойцов.

— Нам нужны хорошие бойцы, Долок. Предложение вашего вождя мне по душе. Думаю, оно придется по душе и Гонсалесу. Я передам Зубену предложение вашего великого народа. Но это займет время.

— Я все понимаю, великий маг, — Долок нервничал, будто бы сидел в ожидании целой армии паладинов морра, хотя стоял в комфортном зале самого большого на материке храма. — Мы готовы ждать.

— Будьте моими гостями, о дети севера! Чтите законы, и вам будут рады.

— Как долго ждать ответа? — совершенно нетактично спросил Долок, отчего Тизгар поморщился.

— Пески пустыни вечны. Мои воины будут бежать со всех ног, но вы понимаете, Варант — большая страна.

— Справедливо, великий маг, — Долок кивнул, развернулся и вышел из зала в просторный коридор, полный хашшашинов-воинов, вооруженных до зубов.

Все прошло более чем удачно. По крайней мере, так казалось Долоку, совершенно не искушенному в переговорах даже между покупателем и торговцем, не говоря уже о делах международных. Кто же знал, что темному магу Бакареша захочется поговорить с гонцом, пронесшим письмо сквозь опасные земли. Вак описывал дело просто: зашел, отдал письмо, вышел. Теперь же Долоку мало того, что придется ждать ответа, так и, возможно, на его плечи помимо тяжести брони ляжет еще и бремя ответственности за судьбу Срединного королевства.

Предложение Кана удивляло. Он просил беспрепятственный доступ орков в земли и древние храмы Варанта, предлагая взамен гигантскую сумму — пять тысяч золотых за каждый лунный цикл. Это не просто много — это чудовищно много. Долок даже представить не мог себе такую кучу золота, не говоря уже про то, чтобы видеть нечто подобное в своей жизни. Конечно, армия орков почти наверняка захватила Срединное королевство, прибрав к рукам все золото тамошних жирных торговцев, но... Все равно становилось не по себе.

Будто бы получив мысленный приказ от своего предводителя, хашшашины начали устанавливать для орков шикарный шатер неподалеку арены — места, где воины сражались друг с другом за золото. Презренная страна... Орки дрались за честь, за силу, за власть, но не за металл. Да не допустит этого Белиар, но орки не должны играть по правилам морра. Война должна вестись не за золото — за жизнь!

Впрочем, Гиббоччу его новая жизнь, судя по всему, пришлась по вкусу. Дав какому-то рабу золотую монету, он наслаждался принесенными яствами — здесь, в Бакареше, в нем нельзя было признать младшего сына одного из военачальников армии Кана.

— Смотри, не стань одним из морра.

— Долок, иногда морра стоят на острие прогресса, и сторониться их глупо.

— Что ты имеешь в виду?

— Посмотри на эти постройки. А что возвели мы, орки? Шатры и жалкие храмы-вырубки в скалах?

— Я бы на твоём месте молчал, Гиббочч, — фыркнул Долок и принялся искать глазами Грубуца. Тот уже успел где-то налакаться, и теперь лежал пьяный в тени пальмы.

— О, Белиар... Я был в храме всего несколько часов!

— М-мне д-достаточно!

— Я уже вижу... Сколько золота ты потратил на это вино?

— Нисколько! Мой новый друг... морра... как его? Т-торговец, во! Он предложил мне вино. Ик!

Долок покачал головой. Грубуца стоило сейчас хорошенько окунуть головой в море, но заниматься этим орк не хотел — день выдался слишком тяжелый, поэтому предпочел продолжить болтовню с Гиббоччем.

— По-твоему, мы — низшая раса?

— Я разве говорил это? — удивился молодой орк. — Я заострил внимание на одной стороне жизни. В конце концов, войну с хашшашинами, если она начнется, мы бы выиграли.

— Почему ты так думаешь?

— Морра же из Миртаны их победили. А мы победили морра...

— Не говори гоп, — покачал головой Долок. — Тем более неизвестно, придут ли трусливому королю подкрепления. Я слышал, у него есть колонии на островах севера. Будет неприятно, если там окажется целая армия паладинов.

— Да брось, Долок. Не будь таким суеверным. Морра проиграли — это было понятно давно.

— Все равно... никто не знает военной силы хашшашинов. Если я правильно помню, морра напали на Варант. когда...

— Когда хашшашины гоняли кочевников по пустыне. Я знаю это, Долок.

— Боюсь даже спрашивать, чего ты НЕ знаешь.

— О Варанте я знаю все, что написано в книгах морра. По крайней мере тех, что я читал.

— Так любишь читать? — Долок с недоумением покосился на молодого орка. Он, конечно, знал его историю, но на шамана Гиббочч уж никак не походил. Читать-то любили только шаманы.

— Меня приучил Ур-Шакм, мой учитель. Да и... я просто хотел знать все о Варанте еще до того, как отправился в экспедицию с тобой и Грубуцем с Аршаком.

— Странно.

— Возможно. Но... — Гиббочч немного помолчал. — Я хочу, когда война закончится, остаться здесь навсегда. Уж простым жителем, или послом — неважно.

Долок нахмурился.

— Я понимаю, звучит это странно, — продолжил молодой орк. — Но лед Нордмара меня угнетает. Как и леса...

— Ты просто хочешь быть как можно дальше от своего отца?

Гиббочч осекся. Отвечать он ничего не стал.

Так в молчании и прошел остаток дня, только Аршак иногда разбавлял тишину скабрзными анекдотами про морра. Только под вечер пришли хашшашины — толстый торговец и стареющий воин — что-то сказали пьяному вусмерть (он достал припрятанную где-то бутылку шнапса) Грубуцу, и, подхватив его под руки, куда-то повели. Пришлось Долоку вмешаться:

— В чем дело?!

— *Этот орк согласился биться на арене за вино!* — спокойно произнес толстый торговец.

— Что? — Долок не мог поверить своим ушам. — Что ты несешь, варжий хвост?!

Последнюю фразу Гиббочч переводить не стал. Он и сам был в недоумении. Какая арена? За вино?!

В конфликт вмешался второй хашшашин, с мечами за спиной. Он представился именем Гернандо, распорядителем арены Бакареша. По его словам, дело обстояло так: Грубуц пришел к Альдо и попросил вина, взамен пообещав драться на арене без оружия против хашшашина с мечом. Такой бой обещал большие прибыли арене, не говоря уже про заработки на ставках, и поэтому Гернандо быстро все организовал. По всему Бакарешу побежали горластые мальчишки, извещавшие о том, что вечером на арене будет интересный поединок. По словам распорядителя, он уже принял ставок на несколько тысяч золотых монет.

— Нужно отменить бой!

— *Это невозможно,* — провизжал торговец, которого как раз-таки и звали Альдо. — *Договоры нельзя нарушать!*

— Договоры с кем, с пьяным орком, который знает одно слово из десяти?! — возмутился Долок. — У вас в Варанте что, мозги на солнце плавятся?

Гернандо сложил руки на груди. Он начал понимать, что толстый торговец, преследуя какие-то свои цели, неплохо так его подставил. В самом деле, какой боец из орка, еле стоящего на ногах. Грубуц тем временем привалился к столбу и загорланил какую-то древнюю песню своего клана. Долок покачал головой.

— Он не боец.

— *Я уже вижу... Альдо, сын шакала, ты решил посмеяться надо мной?*

— *Ты что...*

Хашшашины перешли на какой-то варантский диалект, которого Гиббочч не знал. Аршак подхватил пьяного товарища и отволол того в палатку.

— Что думаешь? — спросил Долок толмача.

— Не знаю, — почесал голову Гиббочч. — Грубуц вполне мог и согласиться, и даже бумаги какие подписать. Не знаешь его, что ли?

— Знаю слишком хорошо... Его нужно отправить куда-нибудь, подальше от Бакареша. Желательно домой.

ударом кулака сшиб того на землю, наступил на руку с мечом, и принялся добивать соперника ногами. На втором ударе раздался хруст костей — Долок сломал хашшашину ребра.

Захрипел рожок. Из-за ворот выбежало несколько служителей арены и объединенными усилиями уронили орка на песок, заставляя того успокоиться.

— *И-и-и-и-и-и в этом бою-ю-ю-ю-ю побежда-е-е-е-е-ет... ОРК!* — заполнил пространство под куполом звучный голос Гернандо. Долоку осталось только перевести дыхание.

Когда избитого хашшашина унесли за ворота, орка наконец отпустили, он поднялся на ноги, отряхнулся от песка и направился наверх.

Навстречу ему попался Гернандо.

— *Хорошо бился, воин! Правда, скучный.*

— *Торговец...* — прорычал Долок, толком не понимая, что ему говорит распорядитель арены.

— *Золото будет, когда посчитают все выплаты со ставок, — будто не слыша его, продолжал распорядитель — Альдо не прогадал, когда поменял ставку и поставил на тебя.*

— *Я убить Альдо!* — собрав все свои знания языка морра, выдохнул орк.

— *О сын севера, спокойнее! Насилие в этом городе только на арене. Иди за мной в шатер. Аккуратнее с местными — большинство ставило против тебя.*

Долок покачал головой, но все же последовал за Гернандо. К несчастью, отдельного пути для бойцов архитекторы почему-то не предусмотрели, и на выходе на орках налетел с кулаками толстый, как отожравшийся тролль, торговец, потрясая помятой бумагой.

— *Проклятая тварь! Мое золото!*

Орк без особых сантиментов оттолкнул наглого хашшашина, чем вызвал неодобрительный взгляд владельца арены.

— *Спокойнее, сын Нордмара! Это сейчас он зол на тебя из-за своего золота. Но потом этот сын шакала, может, начнет ставить на тебя.*

Долок не понимал ни слова из ворчания Гернандо. Он был слишком зол, и никакие монеты не смогли бы умерить его пыл. Честь орочьего народа была задета. Возможно, это не было в традициях народа, населяющего Варант, но Долоку было плевать. Ему хотелось лишь поквитаться с торговцем. Он решил сыграть на честности орков? Пускай получит честный ответ...

***

Кан вновь стоял на холме и смотрел на Венгард. Орки обложили столицу морра со всех сторон, но пока город не будет взят — они не выиграют войну. Укрепления трусливого народа равнины были слишком крепки, чтобы взять их сходу. Ну что ж... У Кана был план...

Глава двадцать первая. Дела в тылу

Марик сделал глубокую затяжку, выдохнул густой смолянистый дым и побарабанил пальцами по столешнице.

— Я знал, что у меня в подчинении полные идиоты, но чтобы настолько... Имени они не назвали?

Эб мотнул головой. Еще бы назвали, было бы куда проще.

— Знаю только, что он не последний человек в этом городе.

Марик усмехнулся.

— Таких тут половина наберется! И кого вообще считать последним? Придурков с арены? Городских стражников? Тут надо думать по-другому. Как сыщик. Надо сначала посмотреть, кому выгодно сотрудничать с повстанцами.

— Это может быть кто угодно. Речь идет не о золоте, а об идеях.

— Да, ты, пожалуй, прав, Эб, — Марик потушил окурочок о глиняную тарелку и велел рабу принести пива из трактира. — Но это точно не я, и не Бредли.

— Почему не Бредли?

— Потому что с ним я знаком еще с варантской войны. Он и тогда не в восторге от короля был. А уж сейчас... Понимаешь, когда твоего отца «во имя Инноса» сжигают на городской площади инквизиторы магов огня... Тут любой переметнется на сторону врага. Он еще в варантскую хотел уйти на юг, к ассасинам, но мы тогда выиграли. Сейчас же...

— Да, пустое, — согласился Эб. — Но все равно ни в ком нельзя быть уверенным.

Марик усмехнулся, пригласил служанку к себе на скамью, поесть вместе с наемниками. За прошедшее с момента захвата Монтеры время она успела немного набрать вес.

— В ком лично ты не уверен? — спросил Эб.

— Да мало ли в ком... — протянул глава наемников. — Эштон, Деннис, Санфорд, Доменик... Доменик вряд ли — он всю жизнь мечтал о ферме, и я ему ее дал. Кто еще... Дан точно нет — я ему доверяю. Трано... он просто разгильдяй, но чтобы предатель — в это я не верю. Наверное, это все. Прочие либо слишком мелкие сошки, чтобы что-то знать, либо я их знаю еще со времен войны в Нордмаре. Все-таки я подбирал людей под себя.

— Угу, — Эб не стал упоминать о многочисленных мелких проступках, «косяках» и «залетах» отребья, собранного Мариком. Да что там, он и сам к себе, будь на месте командира наемников, относился бы с подозрением. Одно происшествие с городским магом, попавшим в число «пустынных рабов» (тех, кого орки зачем-то забирали с собой на юг, ближе к Варанту), чего стоило...

— Если по именам пойти...

— Эштон?

— Он просто дерьмо, — Марика перекосило. — Пару человек среди своих убил, но дерется, как проклятый демон. Из-за этого его и держу. Тем более, его арена приносит стабильную прибыль с тотализатора — орки любят хорошие бои, знаешь ли. Мне кажется, часть денег он забирает себе, но он особо за пределы города не выходит.

— Давно ты его знаешь?

— Не очень. Он присоединился к нам во время захвата Сильдена. Уж не помню, был он из бандитов или откуда еще. Из сильденской стражи — вряд ли. Там Умбрак всех перебил вроде как да кожу содрал.

— Окара как раз возле Сильдена, — заметил Эб.

— Возможно...

— Что насчет Денниса?

— Присоединился ко мне в конце кампании в Нордмаре. Один из солдат Фаринга, разведчик бывший. Попался на ерунде — заснул в дозоре. Повезло, что орки его нашли, а не дикие звери или холод... Он та еще крыса, но работает хорошо — мясо и молоко исправно поступают в город. Но, в тоже время, он за городом постоянно, знать-то многого не может.

Эб почесал голову. Гретта, служанка, тем временем приняла из рук раба пиво и разлила по кружкам мужчин, плеснув, разумеется, и себе. Много ей Марик позволял, слишком много. Как, впрочем, и всем своим подчиненным.

— Санфорд. Я не помню его в Сильдене.

— А его там и не было. Он нанялся на службу после взятия Монтеры. По его рассказу, он служил здесь начальником склада, уж не знаю, насколько это правда, но управляющий он неплохой. По крайней мере, я к нему на склад заглядываю редко, что хорошо говорит о его работе.

— Может, слишком редко? — поинтересовался Эб. — Кто знает, что он там прячет под мешками с пшеницей.

— Боюсь, даже он не знает, что там под ними — с лета ничего не разбирали, только потихоньку утягивают. Я давно его прошу навести там порядок, но, по его словам, «инвентаризация — не рождение котят». Да еще и по фермам ходит часто, товары постоянно задерживают.

— Подозрительный тип...

— Все мы здесь подозрительные, — пожал плечами Марик. — Кто там остался?

— Все вроде... По крайней мере, из тех, что ты считаешь подозрительными.

— Похоже, что так... В общем, Эб, тебе мое поручение — найди эту крысу. Но аккуратно. Следи за всеми, говори. Пока обойдемся без обысков, избиений и пыток в подвалах. Ситуация в Монтере стабилизировалась вроде... Да и не по-людски это. Мы же не орки, хоть и работаем на них, чтоб сразу топоры в ход пускать. Главное — людьми оставаться. Все, давай, работай.

***

Благо, руду орки все-таки нашли. Кажется, Пауль успел посидеть за ту пару часов, что они скитались по темным душным коридорам гердонийской шахты. Впрочем, приключения не закончились и с выходом на поверхность. Криггач, довольный собой, тут же отправил «морра» в свой импровизированный штаб, где велел составить план добычи и отгрузки руды с примерной сметой проекта. Благо, у Окарского был в этом богатый опыт.

Домой он вернулся только с наступлением сумерек. Вернулся — и тут же получил удар ковшом с длинной ручкой по спине.

— Я думала, тебя убили! — закричала Юстина, чьи глаза были красными от слез. — Я вся перепугалась, молилась всем богам...

Она зарыдала и рухнула в объятия Пауля. Окарскому оставалось лишь гладить девушку по спине и говорить всякие глупости, пытаясь успокоить. Ничего не помогало...

Прошло несколько дней. Орки, наконец наведя порядок в рядах свалившихся им на голову рабов, организовали добычу руды, параллельно пытаясь восстановить хотя бы один корабль.

— *Кан будет в бешенстве*, — говорил Криггач, когда смотрел на кипящую в порту работу. — *Северные острова не захвачены, суда сломаны... Одно хорошо — нашли руду.*

Неожиданно сам для себя Пауль осознал, что завоевал если не уважение, то хотя бы капельку доверия захватчиков. Если поначалу каждое движение его пера по бумаге отслеживалось суровым стражником, то вскоре он уже мог беспрепятственно перемещаться по всему острову. Он даже не думал бежать или, упаси боги, поднимать бунт. Ему нравилось то, чем он занимался, даже несмотря на то, для КОГО он это делал. Криггач, ничего не соображавший ни в торговле, ни в планировании, полностью полагался на своего нового помощника. Пауль и не думал саботировать как-либо работу рудника, наоборот — он ее оптимизировал, улучшил, за счет чего по вечерам теперь под навесом у шахты оказывалось в полтора раза больше руды, чем бывало до того. Теперь же Окарский пытался убедить орочьего вождя отменить систему рабства, введя жалование специальными глиняными табличками или же бумагами с печатями, которые нельзя было бы реализовать вне Гердонии, и которые можно было обменять в специальной лавке, контролируемой орками, на еду, одежду, инструменты и все, что новые хозяева могли бы позволить «морра». Правда, пока что все доводы Пауля о большей заинтересованности шахтеров в результате труда и, следовательно, лучших результатах разбивались о непонимание Криггачем достаточно сложной экономической системы. По мнению орка, все должно было быть просто: работаешь — миска с похлебкой, отлыниваешь — голод и плеть.

Сейчас же орк пытался вникнуть в начерченную Паулем таблицу, в которой до последней монеты были расписаны расходы на капитальный ремонт подъемника, который (в исправном, конечно, состоянии) ускорял доставку руды к причалам в два раза. Меньше потраченного в пустую времени — больше доходы. По крайней мере, Пауль в это верил. У любой эффективности существовал предел, преодолев который, доходы начинали падать. Окарский жалел, что не изучал в свое время в достаточном объеме математику. Некоторые из ученых, до которых не добрались загребущие руки магов огня, чертили на досках линии, называемые функциями. Эти самые функции «графически отображали математические зависимости» (Пауль помнил это выражение наизусть), например, зависимость цены от количества покупателей. Любопытная вещь — математика. Любопытная и полезная. Главное, что для дела полезная. За своими размышлениями Пауль и не заметил, как Криггач закончил изучение документа.

— *Морра, я ни бельмеса не понимаю! Что здесь написано?*

- Я же говорил — смета ремонта подъемника.

— *Это слишком дорого!* — Криггач ткнул толстым пальцем в итоговую сумму. — *Пусть таскают дальше по вашей окружной дороге. Труд рабов бесплатен.*

— Тебе только кажется так. Во-первых, их надо кормить. Это прямые затраты. Во-вторых, их надо охранять, то есть отвлекать воинов от, скажем, ремонта корабля. В-третьих, эффективность труда, как я много раз говорил, ниже. Это тоже потери в золоте.

— *Вам бы, морра, только о золоте и думать!* — орк махнул рукой. — *К Белиару все. Починят корабль — отплываю же первым днем обратно в Миртану. Извиняться ли перед Каном, или просить подкрепления — все равно.*

— Кого же оставишь за главного? — вкрадчиво спросил Пауль, надеясь, естественно, услышать свое имя.

— *Моего лучшего воина. Он будет поддерживать работу шахты и порта.*

— Я, как понимаю, должен буду и ему все это доказывать?!

— *Нет, морра. Ты поплывешь со мной. Пускай Кан сам решает, что делать с твоими этими... идеями.*

Слишком сложные. Кан иногда к себе таких морралюбцев приближает... с ними ты сработаешься, да. Может, поможешь чем на материке. Распиши только, что да как делать.

Пауль не мог поверить своим ушам. Его и в верховную ставку орков? Что? Еще месяц назад он не мог представить себе, что будет работать на орков, а уж что бы работать таким образом... Должность, про которую говорил Криггач, означала, фактически, мастера по монете, ответственного за экономику во всей Миртане. Ну или, по крайней мере, его заместителя. О подобной карьере младший сын монтерского торговца не мог и мечтать. К сожалению, для этого родному государству пришлось рухнуть... Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Попрепившись еще немного с Криггачем, Пауль сложил бумаги в ящик стола и направился домой.

Юстину Пауль застал за весьма любопытным занятием — она зашивала рану сердитому орку, изредка выдававшего неразборчивые комментарии. Судя по всему, на волосатого выходца из Нордмара упало какое-то бревно при ремонте галеры, и он ощутимо повредил руку. Крови на орке было достаточно, да и рана до обработки наверняка выглядела ужасно. Покончив с иглой, Юстина взяла тряпку, замоченную в ведре, и вытерла кровь.

Орк поднялся и что-то пробурчал на своем языке. Девушка учтиво поклонилась. Орк же просто взял приставленный к стене топор и, едва не сбив Пауля с ног, вышел на улицу.

— Не знал, что ты врачевать умеешь. Неужто у них лечебных зелий не хватило?

— Так он за ними и пришел, как понимаю. Я сидела, куртку твою зашивала, ту, тряпичную, а он без стука влетел, принялся по полкам рыскать. Думает, раз алхимик жил, так полно варева. Я как глянула на его руку, а как кровь капала на пол, так закричала на него, на табурет посадила его, принялась обрабатывать. Я ведь сколько раньше охотников латала, пока у отца жила в Фаринге. А это... Серьезная рана, конечно, но не слишком. Умею кой-чего.

— Порой я поражаюсь тому, что нахожу в тебе...

— Морра-вамор! Дракхар-моррахгар! Арсак! — раздался с улицы голос вылеченного орка.

— Что он говорит?

— Мне почем знать? — пожала плечами Юстина. — Я из орочьего только «морра» выучила. «Человек» по-нашему. Или люди. Всегда по разному поводу говорят. Но он ничего, крепкий. Когда рану зашивала, не дернулся даже ни разу.

— Потому что ты слишком искусна, — улыбнулся Пауль.

Девушка расхохоталась.

— Не, ты чего! Просто орки толстокожие. Прямо как я!

— Брось...

— Планируешь учиться этому делу?

— Не знаю... Наверное. Но ведь сам понимаешь — это ведь не воду кипятить. Тут учеба долгая должна быть. Да и чтобы наставник был знающий. Так ведь просто даже рану не зашить, не говоря уж про то, чтобы стрелы с плечиками доставать или, упаси Иннос, от магии лечить.

— Ничего, найдем тебе учителей. Среди орков или среди людей.

— Где их здесь найдешь-то? Весь остров под орками — и все рабы.

— Не здесь — в Миртане.

— Ты думаешь, мы вернемся? — усомнилась Юстина.

— Это гарантированно, — Пауль прислонился к дверному косяку. — Криггач планирует возвращаться к своему командующему. По его словам, на Кана, вождя их, работает много мо... тьфу, людей. И что людей с руками или мозгами ценят.

— А ты скромненький, я погляжу, — в глазах девушки заиграли искорки.

— Я стараюсь объективно оценивать свои способности, — усмехнулся Пауль.

Юстина, с лица которой не сходила улыбка, наклонилась к его уху:

— А еще ты очень наглый...

Глава двадцать вторая. Под градом стрел

Тишина... Матиас широко зевнул, но тут же осекся и посмотрел по сторонам, не заметил ли кто из обычной солдатни, что их командир — обычный человек, а не посланник Инноса. Не хватало еще...

Прошло уже несколько недель с того момента, как орки обложили Венгард осадой. Аляповатые, грубые, противные вкусу человека из высшего общества шатры, полные орочьего мяса, выросли на склонах холмов, окружавших город. Немногочисленные попытки прорваться сквозь их плотные ряды заканчивались либо неудачей, либо же беглецы больше никогда не давали о себе знать. Все, кто мог хоть как-то сбежать из города, уже давно сделали это. Даже со стороны моря, по которому, казалось бы, можно было уйти из столицы на все четыре стороны, дежурила пара орочьих галер, чьи вахтенные неусыпно следили за опустевшей гаванью Венгарда.

В самом же городе начался голод. Матиас чувствовал: еще день-два, и жители начнут отстреливать ворон на крышах. Вчера паладинам пришлось повесить нескольких воров, пытавшихся ограбить лавку, в которой беженцам раздавали еду. Особо ушлые из солдат предложили заготовить мясо преступников впрок. Паладины пригрозили отправить за подобные предложения отправить разгребать нечистоты в русле городской речки, которую почему-то орки еще не додумались отравить. Рыцари ордена еще пытались сохранять человеческое лицо. Долго ли они смогут так продолжать — большой вопрос.

Матиас отпил пива из кружки. Благо, паладинам пенное еще начали разбавлять водой. До чего же... Вдруг с гор раздался перестук барабанов. Орки...

— Атака по всему фронту! — раздался крик с башни.

Матиас сплюнул.

— Боевые порядки на стены! Стрелки — на баллисты!

— Боевая галерея!

Что за?! Матиас в мгновение ока оказался на стене. Белиар же вас дери...

Орки действительно атаковали по всему фронту, только вот основной удар они решили нанести не по наиболее защищенному южному участку стен — нет, большая часть дикарской армии использовала северную дорогу, ведущую на Фаринг. Хитрые ублюдки собрали из подручных материалов крепкую на вид боевую галерею, которая пускай и медленно, но неумолимо приближалась к городу.

— Засыпать ворота! Бревна, мусор — что угодно! — в дело вступил паладин Маркус, командующим обороной северного Венгарда. — Стрелки!

Продолжить он не успел — по камню рядом с его головой просвистел арбалетный болт. Паладин тут же спрятался за зубец стены, но забрало опускать не стал.

— Стреляйте в них!

— Они с павезами все! — крикнули с башни. Матиас грязно выругался. Военная мысль орков развивалась слишком быстро. До чего же жаль, что ни одной руны нельзя было применить...

Тем временем галерея уже начала преодолевать мост. Многочисленные орки с арбалетами бегали по луку перед стенами, как блохи по варгу, постоянно прикрываясь высокими щитами-павезами, которые можно было пробить только баллистой. Почему же она до сих пор молчит?!

На стену поднялись лучники, а в котлах внизу зажгли огонь под чанами с нечистотами, которые предполагалось выливать на штурмующих. На удивление, орков с топорами практически не было видно.

— Все стрелы на галерею! Пускай!

Баллиста на башне гулко ухнула — тяжелый снаряд просвистел в воздухе и сломал перила на мосту. Промах!

— Заряжай!

— А-а-а-а-а!

С башни рухнул человек из obsługi орудия. Арбалетчики практически игнорировали лучников, пускавших стрелу за стрелой в сторону противника. Некоторые из орков падали, но прочие были неумолимы — уже через пару минут никого из людей, обслуживавших баллисту, не было в живых. Тем временем галерея все приближалась.

— Мать вашу! Солдат! Беги за запасной бригадой баллисты! Бегом! Веди всех, кто жив! — командовал Маркус. — Принести зажигательные снаряды. Когда подойдут ближе — поджигай галерею. Любой ценой! Не дать им подойти к воротам!!!

Матиас попытался было высунуться из-за зубца, но тут в дело вступили орочьи шаманы. Прячась в прибрежных зарослях, они пускали в людей на стенах огненные шары. Арбалетчик рядом с паладином приподнялся, вскинул заряженное оружие и пустил болт. Без толку.

— Штурмовики! Штурмовики!

— Лучники! — скомандовал Матиас и выпрямился. Командир не должен бояться врага, не должен. — Стре-е-е-елы!

Тут же в одного из стрелков попали огненным шаром. Вспыхнув, как факел, он спрыгнул на землю с высоты третьего этажа и попытался сбить пламя, перекачываясь в грязи. Кто-то из солдат, сжалившись, добил его копьём.

— Залпом! ПУСКАЙ!

Несколько десятков, если не сотен стрел полетело в сторону орков. Их воины, бегущие с топорами наперевес со стороны реки, падали замертво, но продолжали наступать, прячась в складках местности. Арбалетчики орков стреляли отовсюду — люди несли большие потери. Галерея уже была всего в нескольких десятках шагов от границы Венгарда, но вдруг она резко повернула, направившись к участку крепостной стены рядом с воротными башнями.

— Зажигалки!

Как раз на стены принесли горшки, полные взрывчатой смеси. Стрелки отложили в стороны свои луки, от которых сейчас уже не было никакого толку, и расхватили снаряды.

Орки сразу же почували неладное. Скорость движения галереи увеличилась, а арбалетчики переключились на швырявших горшки морра. Впрочем, орки оказались умными тварями. Кожа, которой были обтянуты стенки галереи, упрямо отказывалась загораться, лучники же несли потери. Баллиста уже давно молчала. Осталось недолго...

— Матиас, мать твою! Строй своих людей! Атакуй во фланг! — крикнул Маркус и побежал со стены куда-то вглубь города под прикрытием нескольких паладинов-телохранителей. Хорош же командующий...

Матиас спустился вниз и в несколько команд построил оставшихся в живых солдат. Никто из них не мог считать себя профессиональным солдатом, но долг перед Инносом и перед королем заставил их сейчас стоять под начавшимся весенним дождем и дрожащими руками сжимать древки копий и петли щитов.

Матиас вздохнул.

— Будьте же смелыми, воины! Иннос видит каждый ваш вздох! Он видит страх в ваших сердцах! Не бойтесь! Бейтесь до конца! Иннос на нашей стороне!

Солдаты приободрились, но тут произошло то, чего никто не ждал. Орки не стали пробивать ворота тараном. Нет — они воспользовались силой, которую даровал им Белиар. Силой, перед которой ничто бы не устояло. В галерее, помимо отборных воинов, выбранных лично Каном, был шаман, достаточно сильный и достаточно безумный, чтобы выполнить приказ своего командира.

БА-БАХ!

С адским грохотом магия разнесла крепостную стену. Камни, уложенные не за один десяток лет до начала войны, будто арбалетные болты просвистели во все стороны, убивая каждого, кто случайно оказался на траектории полета.

— УР-ШАКА!!!

Из галереи хлынули орки.

— Копья! — скомандовал Матиас. — Вперед!

Быстрым шагом, изо всех сил стараясь держать строй, отряд выдвинулся навстречу орде. Те и не собирались отступать — слишком долго их топоры не видели крови.

— А-а-аргх!

Копья ломались о мощную броню элитных воинов войска Кана, многие достигали цели. В мгновение ока построение было разрушено. Завязался бой. Матиас отразил щитом удар легкого топора, тут же рубанул орка по ноге и следующим ударом снес твари голову. Тут же на паладина набросился другой орк, который немедленно поймал в голову стрелу от оставшегося на стене лучника. Матиас продирался вперед сквозь все увеличивающуюся гору трупов. Ряды ополчения Венгарда таяли на глазах, столкнувшись с выучкой и топорами элитного штурмового отряда, несшего куда меньшие потери.

Откуда-то подоспел большая группа солдат под командованием Маркуса, подкрепленная рыцарями из числа легкораненых, но тут же нашелся противовес — орда орков начала пробираться сквозь пролом в стене, который людям стоило как можно скорее занять. О, Белиар!

Следующий полученный удар на мгновение оглушил Матиаса, он рухнул в грязь, и этого было достаточно. Орк занес свою огромную алебарду, чтобы добить паладина, но тот успел откатиться в сторону и ударить тяжелым ботинком твари в колено. Заверещав от боли, орк упал, и тут же в его распахнутую пасть вогнули наконечник копья.

Завязался бой. Гонцы, посланные к Кобрину, уже наверняка оповестили командующего о том, что противник прорвался в город, и теперь глава королевской гвардии наверняка снимает людей со южных стен. А может, орки прорвались и там? Матиас не знал. Ему нужно было выполнять свою работу.

Вскочив на ноги, паладин немедленно перерубил стоявшему к нему спиной орку обе голени и направился к пролому. Маркус, надо отдать ему должное, сумел организовать грамотную контратаку, и люди сумели отеснить орков к проему, но к тем постоянно прибывали подкрепления. Кан бросил все резервы на северное направление...

***

Тем временем военачальник орков, глядя со своего холма на поле боя, стремился развить успех.

— Еще три отряда на север! Не дать морра занять пролом! Пошлите туда вторую галерею! На стенах почти никого нет.

— Кан! — обратился к командующему один из его советников. — Войска на юге несут потери...

— Плевать! Пусть сковывают действия морра. Сегодня мы должны проникнуть в город! Когда подойдут войска с Монтеры?

— В течение нескольких часов, — почесал затылок советник. — Морра-повстанцы будто учуяли сражение и повредили мост на южном тракте.

— Проклятый Варек! Ничего не может сделать вовремя! — прорычал Кан и вернулся к склону холма.

Пока что все шло по его плану. Он знал и из докладов разведчиков, и из показаний беглых морра, что трусливый король сосредоточил основную часть войска неподалеку от своего дворца, у южных ворот. Север же охраняли ополченцы, небольшой отряд паладинов и толпа призванных на защиту Венгарда охотников с луками. От них-то и были придуманы арбалетные щиты и галереи.

Что ж... Имя шамана Ур-Гаркхара будет прославлено в веках. Он знал, на что шел, жертвуя своей жизнью. Его магия разрушила стену города, и Кан был ему благодарен. Теперь осталось, чтобы были благодарны и другие воины, которые не должны дать морра защитить пролом.

— Нордмарских воинов поставь атаковать с лестницами вдоль реки! Там меньше защита.

— Господин, может, послать наемников-морра? Они стоят в резерве...

Кан был непреклонен.

— Город должен взять народ орков! Шевелись! Морра отправь на юг, под стрелы — пускай показывают свою верность.

***

— Они бесконечные там что ли?

Орки наседали. Люди Маркуса несли тяжелые потери — вся площадь перед воротами была заполнена трупами. Матиас сменил уже два щита, а меч его был по самую гарду в крови. Часть орков, вооруженных арбалетами, попыталась подняться на стену, дабы завоевать отстреливать людей уже сверху, но тому воспротивились лучники, некогда бывшие охотниками. Со своими тесаками и легкими топориками наперевес, они набросились на орочьих воинов. Кровь текла уже сквозь доски.

Им нужно было срочно помочь. Пытаясь прорваться сквозь ад сражения, Матиас направился к стене. Кто-то разломал щит. Плевать! Матиас наугад ударил мечом и сделал два шага назад. Поцарапав доспех, пролетел арбалетный болт. Тут же орку-стрелку вонзили в спину копье. Тело венгардского ополченца разделил надвое удар тяжелой алебарды. Незнакомый паладин, прославляя во все горло Инноса, ворвался в ряды орков, убив двоих, но тут же ему размозжили голову обухом топора. Матиас взобрался на лестницу, ведущую на стену. На ней в живых осталось лишь двое лучников. Где-то прогремел взрыв — похоже, орки взорвали стену еще в одном месте. Оказавшись в галерее, паладин бросил взгляд наружу. О боги!

Орки бесчисленной ордой наступали с гор. Их знамена виднелись от дороги на Фаринг до ардейских лугов. Рассыпным строем к южным воротам двигались люди в синих доспехах. Предатели!

Лучник, бывший рядом с Матиасом, рухнул за стену, сбивая с себя языки пламени. К делу вновь подключились шаманы орков. Часть из них уже проникла внутрь Венгарда. О Иннос, Кан подтянул все резервы! Люди уже не могли сдерживать прорыв, и разлом в стене уже полностью контролировали орки. Отряд Маркуса, понесший тяжелые потери, отступал в сторону городского храма. Еще несколько минут боя — и от них останутся лишь воспоминания. Орки наседали. Необходимо перейти на следующий рубеж обороны — королевский замок, но, черт возьми, добраться до него не было никакой возможности! Матиас отсек руку поднявшемуся на стену орку. Белиар его дери! Похоже, твари заняли и южные ворота...

Вдруг раздался чудовищный взрыв, оглушивший всех, кто был в городе. Матиаса отбросило в сторону, и он рухнул наземь под тяжестью своих доспехов. Он поднял взгляд на небо. Это было нечто невероятное. Паладин никогда не видел ничего подобного. Магия, истинная магия, дарованная Инносам, растекалась по небесам, поглощая под собой плотную застройку Венгарда. Матиас не знал ее природы. Иннос оставался с Миртаной, и это — главное.

Орки в ужасе кричали, то пытаясь убежать из города, то стараясь спрятаться в домах. На немногочисленных оставшихся в живых людей они не обращали внимания. Пора уходить...

***

Барьер перестал расти. Кан отсюда, с холма, чувствовал, как затрепетали сердца сотен его воинов, оставшихся под куполом. Морра, проклятые морра! Они не хотели мириться с поражением, и использовали последнюю силу, которой они владели куда лучше орков — магию. Тот старик, Ксардас, обещал разрушить рунную магию

служителей Инноса и паладинов, и обещание свое он сдержал. Но против магии ритуала его воля была бессильна.

С яростью Кан ударил по столу, на котором отмечали передвижение войск, и многочисленные деревянные фишки улетели в пожухлую после зимы траву.

— БЕЛИАР!

Помощники молчали. Они понимали Кана, понимали все его чувства. Он был в шаге от триумфа, от окончательной победы над морра. Всего лишь в шаге... Но ведь порой и один шаг сделать трудно. Отряды орков оказались под магическим куполом, поглотившем город и окрестности, отрезанные от подкреплений, от помощи извне. Оставалось надеяться лишь на одно — что силы морра иссякнут быстрее. Кан шумно выдохнул.

— Осадить город. Опять! Пусть шаманы ищут способ попасть внутрь. Помолимся за души наших воинов...

Глава двадцать третья. В песках

Проклятое солнце пустыни... Долок решил, что до заката он носу не высунет из дома торговца Хулио, считавшегося властителем небольшой варантской деревушки под названием Бен Сала. Сама Бен Сала, в отличие от того же Бакареша, орку понравилась с первого взгляда. Небольшая тихая деревушка в предгорье, славившаяся кузнечным ремеслом и большим храмом, который, как оказалось, и являлся одной из целей Кана. Впрочем, орки и морра-рабы для раскопок пока не прибыли. После данного хашшашинами согласия на предложение орков прошло уже более месяца, а добраться до юга успела лишь экспедиция, державшая путь в храмовый город Аль-Шедим. Вторая же партия, возглавляемая воином Калешем и направлявшаяся куда-то в сторону Мора Сул, только-только достигла Бен Салы.

— *Почему же вы, о дети севера, не пошли прямой дорогой? Из Браго же есть краткий путь.*

— Там жарко, долго, нет воды, — проворчал Калеш. — Еще мы возьмем болванки руды из Нордмара.

Вообще, этот ублюдок, выходец из клана, откуда был родом сам Кан, не нравился даже Долоку, не говоря уже про хашшашин или, тем более, морра. Тупой, злобный, корыстный, ворчливый, не отличавшийся особыми навыками руководителя, не имея он родни в армейском командовании, до конца жизни бы искал беглых рабов по сильденским лесам. Но он имел ее, в отличие от того же Долока, которому путевку наверх приходилось заслуживать.

Хулио покачал головой и обратился к послу орков:

— *Как поживает великий Тизгар? Он давно не посылал никого за данью в Иштар. Я уже начинаю беспокоиться, не пал ли я в опалу.*

— Я давно не видел многоуважаемого мага, — ответил Долок. — После того, как... Мы с моими братьями вызвали небольшой переполох...

Переполох и в самом деле был достаточно небольшой, по крайней мере, по орочьим меркам. Долок без особых проблем миновал преграду в виде двух стражников, охранявших торговца Альдо, и уже практически успел забить толстяка до смерти голыми руками, но на него накинута вся городская стража Бакареша. Не будь орк гостем властителей города, его бы тут же казнили, ровно как и прочих членов отряда. Благо, из храма в город впервые за долгое время вышел сам Тизгар и всего двумя словами сумел урегулировать ситуацию. С орками он разговаривать не пожелал, и теми занялся маг Амуль, отвечающий за управление городом. С ним долго о чем-то разговаривал Гиббочч, и по итогу посланники Кана отделались достаточно легко, отправившись на зачистку гнездовой ползунов, расплодившихся в окрестных пещерах. Судя по всему, хашшашины больше не хотели задерживать в Бакареше гостей с севера ни единой минуты, и отправляли их за пределы города то с одним заданием, то с другим. Былого радушия Долок больше не видел.

Выслушав рассказ, Хулио вздохнул:

— *Стоит быть аккуратнее, дети севера. Нравы нынче суровые в городах.*

— *Так было не всегда?* — поинтересовался Гиббочч.

— *Разумеется,* — всплеснул руками хашшашин. — *Я помню двадцать зим назад... Тогда еще не было никакой войны с Миртаной, большой войны, имею в виду. Самой большой проблемой были кочевники, эти шакалы! И те не лезли дальше руин. Бакареш был крупным портом, в нем каждый день приставали десятки кораблей. Красоту нашего храма знали по всему миру, от пиков Нордмара до тропиков южных островов. Но потом пришли северяне...*

— *Трусливый король?* — продемонстрировал знание истории Долок.

— *Он самый,* — Хулио снова вздохнул. — *Его войска атаквали наши границы, его маги разрушали наши храмы, а солдаты насильовали женщин. Генерал Ли, сын шакала, уничтожил нашу армию и вторгся в Бакареш. Король хотел уничтожить морской порт — и он сделал это. Нам оставалось уповать лишь на силу пустыни. Иннос когда-то наказал солнцем наш народ, но именно оно и не дало продвинуться войскам северян дальше. Мы благодарили богов за это...*

— *Варант сохранил независимость?*

— *Да, мой друг. Сохранил свои власть и веру, но потерял множество людей и десять лет развития... Я помню ту битву, что разгорелась вот здесь, у храма... Тогда армия Миртаны сходу атаквала укрепления нашего народа. Там стояли лучшие наемники, нанятые самим Гонсалесом. И эти дети шакала уничтожили все! Трусливые псы! Все поле было усеяно телами...*

Хулио грустно вздохнул. Впрочем, тишина долго не продлилась — вмешался Калеш, который резко поднялся с места и заявил, что солнце садится и ему необходимо продолжить путь. Тут уже хашшашин забеспокоился. Немедленно в подарок оркам-охранникам было выдано по фляге воды, а их оружие бесплатно заточил местный мастер-кузнец. Под шумок из города вышел и отряд Долока. В Бен Сале им больше делать было нечего. Вдобавок,

существовала проблема с Грубуцем, которую необходимо было решать здесь и сейчас. Долок уже хотел попрощаться с Хулио и позвать к себе своего друга, как вдруг его позвал Калеш:

— Да, Долок!

— Чего тебе? — обернулся орк, не ожидая услышать ничего хорошего. В способностях Калеша он уже успел убедиться.

— Слова Кана. Сказано передать всем оркам в пустыне. Я и забыл их, но вот вспомнил.

— Давай быстрее!

Калеш подошел ближе к Долоку и тихо, чтобы даже Аршак с Гиббочем не услышали, произнес:

— Быть готовым, что в любой день орки могут стать врагами для народа пустыни.

После этих слов начальник раскопок резко развернулся и неуклюже принялся догонять удаляющихся рабов, так ничего и не пояснив. Тупой болван!

Со стороны въезда в деревню раздался громкий шум.

— *Басир, сын шакала! Ты можешь аккуратней вертеть своей телегой?*

— *Я бы рекомендовал, о дорогой Хулио, делать въезде шире. Совершенно невозможно...*

Продолжение разговора потонуло в громкой брани вышедшего на шум городского кузнеца, слово которого стоило в Бен Сале едва ли не больше слова властителя. Долок махнул рукой. Ему совершенно не хотелось лезть в проблемы хашшашинов.

— Вернемся к нашему давнему разговору, Грубуц. Ты же понимаешь, что причиной нашего нахождения здесь, да и в принципе нашего варантского статуса является твоя выходка?

Орк промолчал. Разумеется, он понимал, что виноват, поддавшись слабостям и позволив себе поверить не просто хашшашину, а хашшашину-торговцу. Глупее этого было только дать поддержать морра-рабу свой топор. Впрочем, о наказании Грубуц старался не думать.

— Ты же понимаешь, что мог подставить не только меня с парнями, но и всю, мать его, армию!

— Я понимаю, Долок, что ты заворчал, как старый шаман? Я с тех пор ни капли шнапсу не выпил!

— Потому что не предлагали. Знаешь что, Грубуц, я предлагаю тебе пойти в Лаго.

— Это еще зачем? — орк насторожился. Разумеется, этот уютный городишко на берегу моря ему нравился, но чтобы его туда направил Долок, да еще и одного...

— Чтобы ты освоился в мире хашшашинов. И избавил нас от лишних проблем, — орк не стал скрывать своих настоящих мыслей. Не хашшашин он, чтобы юлить и пытаться сглаживать углы. — Когда мы вернемся в Бакареш, нас, возможно, попытаются подставить те же торговцы. И уж прими мои извинения, но мне кажется, что ты первым поддашься на провокации.

— Порою мне кажется, что ты стал пара... параноиком, во! — Грубуц долго не мог вспомнить нужное слово. — Раньше ты был куда проще.

— Раньше мы честно дрались за север и всех наших собратьев, оставшихся в Нордмаре. Теперь же...

— Что теперь, Долок? Ты сам понимаешь хоть, зачем все это?

— Что именно?

— Наше путешествие, поход Калеша, да, Белиар его дери, много чего еще! Зачем Кану понадобились ценности из храмов? Зачем?! Я боюсь, в поисках их погибнет куда больше орков, чем в иной битве с морра!

— Это приказ, Грубуц, — вздохнул Долок. — Может, нам сказали далеко не все, но это не значит, что мы не должны его исполнять. Может, эти ценности, эти реликвии гарантируют нам победу в войне? А может, они спасут сотни и тысячи наших собратьев? Кто знает, Грубуц... Пока мы не находимся во власти, мы должны исполнять ее волю. Так мы победим в войне. Морра постоянно дерутся между собой, спорят и каков итог? Их заперли у моря, и почти вся Миртана уже под нашим контролем.

— Ты говоришь, как Мубрак какой-нибудь, — фыркнул Грубуц, который, тем не менее, понимал, что хотел донести до него Долок. — И что же я, по-твоему, буду делать в Лаго?

— Собирай сведения. Это один из немногих морских портов Варанта, пускай он и размером с охакпу дров.

— Не думаю, что тамошние хашшашины будут мне рады. Особенно когда узнают мои истинные намерения.

— Скрой их! Ты будешь для них гостем, возможно, даже желанным. Только, во имя богов, держи себя в руках, не напивайся!

— За кого ты меня принимаешь? Мне хватило того позора в Бакареше.

— Я искренне надеюсь на это. Помни только, что ты не отдыхать туда послан. Смотри по сторонам, учи язык, слушай, запоминай. Будь полезен, но не подставляйся.

— Говоришь, будто я разведчик зеленый.

— В этом деле — да, — вздохнул Долок. Он никак не мог признаться самому себе, что не хочет расставаться с Грубуцем. Какие бы грехи тот не совершал, как бы не подставлял отряд своей недалекостью, Грубуц не перестал быть его другом, другом верным, хорошим, с которым они прошли вместе через очень многое. Но

холодный разум подсказывал — над орками в Варанте, несмотря на внешнее спокойствие, стужались тучи. Это Долок чувствовал и без донесений шпионов, которыми наверняка пользовался Кан, когда передавал сообщение через Калеша.

Орк много думал об этом. И чем дольше он думал, тем больше понимал, что не все в окружающем его мире так просто. Раньше картина мира была четкой и ясной: есть Иннос, есть Белиар, и они воюют между собой. Союзы заключались на основе веры, и в этом свете договор хашшашинов и орков объяснялся без труда. Одна вера — одни цели. А вот с точки зрения того, что будет после войны...

Долок верил, что орки победят в конфликте с миртанийцами. Это было неоспоримым фактом. Но что будет после? Калеш говорил о волнениях на границе. То ли это были кочевники, то ли повстанцы, то ли просто разбойники, а может... Долок попытался представить, какую выгоду смогли бы поиметь хашшашины в случае похода на север. Конечно, жители Варанта жаждали реванша за войну десятилетней давности. После окончательного поражения Миртаны они смогут снова строить корабли и порты и торговать сколько угодно — орки все равно вряд ли будут заниматься торговлей в больших масштабах. Или... Они хотят все? Долок не знал ответа и, признаться, даже боялся его знать.

С Грубуцем они расстались примерно в паре часов ходьбы от Лаго — Долоку нужно было возвращаться в Бакареш. Несмотря на явное нежелание обитателей пустынного порта принимать гостей, не пойти туда орки не могли. Несмотря на всю свою бесполезность, Калеш принес одну важную новость. Боялся ли Долок войны с хашшашинами? Отнюдь. Миртана, даже будучи ослабленной, по его мнению, представляла куда более серьезное препятствие для армии Кана. Ее крепости, ее паладины, ее маги, ее неистовая вера в Инноса... По сравнению с этим воины Варанта казались несобраным повстанческим отрядом. Но с другой стороны... Впрочем, Белиар с ним!

Ночь застала орков в пустыне — они не успели вернуться в Бен Салу. Пришлось разбивать лагерь возле какого-то камня, символы на котором не смог разобрать даже Гиббочч. Аршак же вовсе предпочел встать на стражу первым и ушел примерно за сотню шагов от устроившихся собратьев.

Глаза закрывались сами по себе. Долок и не заметил, как перестал контролировать обстановку вокруг, и как перестал слышать шум ветра.

— Орк...

Долок встрепенулся, схватился за оружие и попытался было подняться, но острое копьё, приставленное к горлу, решило все вопросы.

— *Во падаль! Даже и не прячется уже.*

— Я не понимаю...

Дело дрянь. Гиббочч, варжий сын, заснул на посту, и теперь он сидел со связанными за спиной руками. Разбойники? Те бы убили сразу. Охотники за головами? Вроде орки никому дорогу не переходили.

— *Кому ты служишь, орк?! —* обратился к Долоку высокий морра в капюшоне, совсем не походивший на типичного обитателя Варанта. — *Кому?!*

Речь ночного гостя больше походила на говор морра из Миртаны, чем на лебезятничество хашшашин. Толком ее Долок не понимал, но отдельные слова вычленить сумел. Собрав в себе все знания языка морра, он произнес:

— *Я Долок, орк, служить Кану, властителю Севера!*

— *Эта мразь служит Белиару, Хасак! Он ничем не лучше ассасинов. Пески скроют их тела.*

— *Мы служим сильнейшей армии мира! Власти Бакареша вас найдут и четвертуют, как убийц послов!* — взревел Гиббочч. Он был напуган. Несмотря на это, Долоку немедленно захотелось отрезать толмачу его длинный язык.

Ночной гость, которого звали Хасак, рассмеялся:

— *Пусть найдут для начала. Пустыня, она, орк, большая. Тут всю вашу северную армию спрятать можно, не то что вас.*

— *Мы...*

— Заткнись, Гиббочч! Переводи мои слова, мать твою! Мы присланы с целью заключения мира с народом пустыни!

— *Ха! Народ пустыни? Да что ты о нем знаешь, орк...*

И тут Долок понял, кто перед ним. Он много слышал о кочевниках. Кто-то из хашшашин боялся их, кто-то считал за диких зверей. До сих пор орки видели кочевников только в цепях, на рынке рабов или, в крайнем случае, на арене. Теперь же они оказались на расстоянии вытянутой руки. Ну, или вытянутого копья.

— *То-то же... Страшно, Белиаров сын?*

— *Нет,* — Долок горделиво поднял голову. Он, герой Трелиса, и будет чего-то бояться? Не дождутся! Хасак усмехнулся, глядя в глаза орка, и покачал в руке старый меч.

— Долок, Белиар тебя дери! Мы должны вернуться живыми! Мать твою, не геройствуй!

Долок не обращал внимания на взывания молодого разведчика. Именно сейчас, на расстоянии в дюйм от смерти, он снова почувствовал себя орком. Презирающим смерть. Долок ослабился, обнажив желтоватые клыки. Скольких морра он убил? Что ж, рано или поздно возмездие все равно бы пришло. Хасак улыбнулся, зафиксировал меч в руке и широко размахнулся...

Глава двадцать четвертая. Из-за моря

— Орк-Шака!

— Заткни ублюдка!

Лучник на мгновение высунул голову из-за баррикад, и тут же откуда-то из руин прилетел огненный шар. Провокация. Проклятые орки!

— Приготовиться!

Нет, не будет атаки. За месяц обороны храма Инноса Матиас успел изучить повадки орков. Война, война, бесконечная война. Он даже перестал надевать доспехи. Он знал, что орки боялись брать храм штурмом — слишком уж тяжелые потери они понесли при предыдущей атаке, со времени которой люди Маркуса укрепились еще сильнее. Храм оброс двумя рядами баррикад, за каждым окном, за каждой выбоиной, за каждой щелью сидел готовый стрелять «морра». Стрел хватало с запасом, ровно как и воды — благо, дожди шли не переставая. Проблемы были с едой. Остался лишь один мешок сухарей и несколько фунтов копченого мяса, чего двум десяткам воинов, разумеется, хватило бы лишь на несколько дней. Приходилось экономить. Осуществлять вылазки в город за провиантом люди не решались — это было опасно, а посланная в прошлый раз группа так и не вернулась.

Тем временем Матиаса все беспокоила мысль о богатых запасах, которые наверняка были в «Блохастом варге», «Веселом капитане» и в полудюжине других заведений, находившихся в северной части Венгарда. Он поделился этим с Маркусом, и тому идея пришлась по вкусу. Оставалось дожидаться темноты.

Дождь все усиливался, постепенно переходя в ливень. Идеальная погода для секретной вылазки. Доспехи к черту. Щит тоже. Главное в этом деле — маневренность и свободные руки. С собой Матиас взял еще трех солдат, служивших когда-то в королевском флоте. К сырости им уж точно не привыкать.

Тем временем Маркус давал последние наставления:

— Главное — незаметно добежать до реки. Она неглубокая, поэтому прыгать в нее не советую. Постарайтесь сползти по склону вместе с землей и камнями. Больно, но это единственный возможный способ. Старайтесь действовать как можно тише. Не переговаривайтесь без лишнего повода. Орки во все глаза глядят на храм, но мы постараемся их отвлечь.

— Обратно придется прорываться по краю, — вставил свое слово Матиас. — Поэтому много взять не получится. Все понятно?

Матросы кивнули. У них даже оружия-то особого не было. Так, старые мечи да оставшиеся от прошлой жизни кортики. Паладинам оставалось надеяться только на их дисциплину.

Вдалеке громыхнуло. Дождь все усиливался. Пора!

Пригибаясь так, чтобы их не было видно с позиций орков в руинах, разведчики пробежали до реки, протекавшей по Венгарду, и скатились вниз по склону. Один из матросов чуть не сломал ногу, но на подобные мелочи Матиас не обращал внимания. Ему очень повезло, что орки не выставили охранение в русле реки, иначе бы им пришлось туго. Благо, силы захватчиков были не слишком многочисленны.

Отчаянно скрипящий настил из старых досок привел людей к заднему двору одного из городских трактиров, в котором Матиас никогда не был, но о нем знал Маркус, предполагавший богатую добычу.

Из-за дождя орки не стремились высовываться из-под навесов, вследствие чего отряду паладина пришлось залечь за углом и выжидать.

— *Кан все еще репу чешет. Сколько мы еще будем сидеть здесь?*

— *Осадную машину надо. Так мы можем до зимы здесь сидеть.*

— *Мы-то посидим... Благо, еда есть и болты для арбалетов.*

— *Я про то же самое говорю. Заморим морра голодом.*

Матиас не понимал, о чем говорят орки. У него было лишь одно желание — вонзить клинок тварям куда-нибудь в область сердца. И сделать это было проще простого — два шага и удар. Нельзя, нельзя... Нельзя так глупо подставляться. Матиас чувствовал смрад дыхания твари. Терпение, терпение. Голоса орков начали отдаляться.

— Тихо...

Матиас с помощью небольшого зеркала, хранившегося у него в поясной сумке, глянул за угол. Никого. Без единого слова паладин приказал матросам двигаться за ним.

Быстрый взгляд в окошко. Несколько спящих орков — никакой угрозы. Главное — все сделать быстро, пока ушедшие непонятно куда твари не вернулись.

Все-таки какой-никакой боевой подготовкой в команде, отправившейся за провиантом, обладал только Матиас. Тяжелые сапоги матросов шлепали по грязи с таким громким звуком, что казалось, от этого шума где-то сейчас проснется сам Кан, не говоря об орках в Венгарде.

Конечно, это был не «Блохастый варг». Судя по всему, когда-то здесь выпивали не пройдохи из трущоб, а

городские чиновники и совсем не бедствующие ремесленники. На стенах висели гобелены, оскверненные невежеством орков. Стойка, за которой обычно стоял трактирщик, была разломана и, судя по всему, отправлена на костер. Выпивки, когда стоявшей на многочисленных полках дальней стенки, практически не осталось, а вокруг спящих орков валялись многочисленные бутылки. Зайдя внутрь, Матиас с трудом сдержал рвотный позыв — смрад, царивший внутри, не шел ни в какое сравнение с самой распоследней венгардской помойкой. Он буквально был оружием, сшибавшим благородных людей наповал.

Орки противно храпели, и паладин с трудом удержался от мысли перерезать их, пока те спят. Нельзя, нельзя. Нужно соблюдать видимость тягучей осады. Долгое ожидание выматывает, разлагает бойцов. Главное — не давать оркам повода для битвы. В открытом столкновении остановить их могли только воины королевского замка. Выжившие же в храме не могли бы сдержать атаку и половины тварей, закрытых в столице.

Двое матросов остались на улице. Один, самый опытный, отправившийся в опасный рейд в легких сапогах с тонкой подошвой, крался вслед за Матиасом.

Самое ценное в любом кабаке — кладовка, и именно туда направлялись разведчики. Впрочем, даже в ней ощущалось присутствие орков. За время под барьером орки смели половину припасов, взамен притащив внутрь столько оружия, что хватило бы для вооружения небольшой армии какого-нибудь городка вроде Сильдена. Оно явно было собрано с тел защитников столицы Миртаны. Слава Инносу, провиант в ней тоже был.

Осторожно, стараясь не издавать лишних звуков, Матиас открыл изнутри ставни. Окошечко в кладовке было совсем небольшим, но его размеров вполне хватило, чтобы выкинуть наружу связку колбас, мешок сухарей и полдюжины бутылок вина. На хлеб паладин даже не стал смотреть — тот наверняка уже испортился, а вот шнапс... Всем известно, что шнапсом можно не только напиться до полусмерти, но и очистить раны. Наружу отправилось еще несколько бутылок. Все, хватит!

Больше люди незаметно унести не могли. Настала пора возвращаться. Матиас уже сделал несколько шагов, как тут его дернул за плечо матрос. Паладин уже хотел приложиться кулаком к скуле своего подчиненного, но тут он услышал, как в трактир возвращаются орки.

— *Опять дверь открылась сама по себе, что ли?*

— *Надо сказать Гракишу, что плотник он отвратительный. Эти все спят... Может, поднять их?*

— *Пускай спят. Кто знает, может утром морра из храма захотят прорваться к своему трусливому королю? И кто тогда их будет останавливать, ты что ли?*

— *Я убил восьмерых морра! Из них шестерых — в одном бою. Не тебе говорить о моей силе...*

— *Ладно-ладно, не кипятись. Может, возьмем бутылку шнапса, а то проклятый дождь охладил меня хуже нордмарских перевалов...*

Голоса орков приближались. Взгляд Матиаса упал на многочисленное оружие, хранившееся в кладовке. Пришло его время.

Схватив первый попавшийся щит и тяжелую булаву, паладин выскочил навстречу оркам. Что такое двое усталых стражников против неожиданно показавшегося воина Инноса? Ничто! Размашистый удар булавы снес первому орку голову, но второй отскочил назад, споткнувшись о кого-то из спящих товарищей и упал. Спавший, разумеется, немедленно проснулся и увидел перед собой морра. Твою мать!

Забыв об оставленном в кладовке матросе, паладин выбежал на улицу, прокричал «Бегите!» и, бросив чужое оружие, понесся в центральную часть города, в сторону замка. Его внимание привлек горящий дом, стоящий напротив лестницы, ведущей к людям. Сама же лестница... Черт!

Защитники замка засыпали ее разнообразным хламом: обломками досок, старыми телегами, мебелью, мусором и всем тем, чему не нашлось места в залах и проулках королевской цитадели. И пробраться сквозь все это было...

Просвистел арбалетный болт. Из-за поднятого шума в окрестностях проснулись все орки — что случилось с оставшимся в трактире матросом, паладин предпочитал не думать. Матиас пригнулся, но этого оказалось мало. Черт! На глаза попала старая городская помойка, которую никто не убирал уже больше месяца. Стараясь не дышать, паладин прыгнул в нее и замер. Немедленно над головой пролетел еще один болт. Матиас сильнее вжался в землю, искренне надеясь, что орки выстрелили наугад.

— *Отгони ублюдков от стен!* — послышались крики из королевского замка. Хоть что-то. Вонь помойки, пускай и залежалой, вызывала один за другим рвотный позыв. Матиас попытался отползти, но тут же заметил над своей головой перепуганного орка-разведчика. Твою же...

Увидев морра, валяющегося в грязи, орк грязно выругался на своем языке и достал топор. А-а-а! Паладин перекатился, уткнулся лицом в гнилую репу, но удар его миновал. Тварь!

Легко бить лежачего, и орк это понимал. Он снова размахнулся. Пора подниматься! Матиас вновь перекатился, со всей силы ударил орка в колено, и когда тот согнулся, крича от боли, добил ублюдка мизерикордией, до того висевшей на поясе. Тут же его заметили орки, спрятавшиеся в целом доме под самой

крепостной стеной. Немедленно в стену рядом с головой Матиаса влетел арбалетный болт. Паладину ничего не оставалось делать, кроме как нырять в открытое окно горящего дома. Едва не угодив в пламя, Матиас сделал кувырок и варантской стрелой вылетел наружу, направляясь к забаррикадированной лестнице в королевский замок.

— Люди! Поддержать!

Немедленно на погнавшихся за паладином орков обрушился град стрел из башен. Белиар его дери, до чего же много хлама! Матиас представлял из себя идеальную мишень, и едва лишь краем глаза заметил отряд орков-разведчиков со стрелковым оружием, залег за какой-то обломок стены, поверх которой защитники набросали досок с гвоздями и камней.

— Каттар морра!

— Отсеки сволочей!

Еще один арбалетный болт. Матиас молился, чтобы на шум боя не явился никто из орочьих шаманов. От огненного шара жалкая защита его не спасет.

Прошло несколько секунд. Крики на стенах сменили команды, которые подавал до боли знакомый голос. Кобрин!

— Солдат, варг тебя раздери, беги, пока они в домах!

Матиас не заставил себя долго ждать. Поднявшись на ноги, он, не отряхиваясь, продолжил восхождение по баррикадам. Едва лишь он достиг вершины лестницы, как тут же рухнул без сил, принявшись смотреть в серое небо, с которого, как и прежде, падали тяжелые капли дождя.

***

«Эсмеральда» была гордостью королевского флота. Ее высокие мачты и белоснежные паруса были заметны издали, ее красотой восхищался сам Робар Второй, и потому отправляли ее только на самые важные миссии. Ее никогда не использовали в усмирении дальних губерний, ею никогда не пользовались для высадки десанта у покрытых снегами берегов Нордмара. Нет! За все время своего существования выходила она из венгардского порта всего два раза.

Первый был уже больше десяти лет назад, во время войны с Варантом, когда Избранник Инноса решил лично повести за собой войска. Пока армия генерала Ли закапывалась в пески пустыни, из столицы Миртаны выдвинулась целая эскадра, флагманом которой как раз-таки и была «Эсмеральда». Ночью, когда разбитые в сражении у Бен-Салы ассасины бежали, в гавани Бакареша зажглось новое солнце. Это пылали пришвартованные корабли, а высадившиеся вместе с десантом маги огня заставляли дрожать землю своими заклинаниями. Один из самых больших городов Варанта пал за несколько часов.

Второй раз «Эсмеральда» вышла в море, когда над Долиной Рудников, закрытой силой магии от внешнего мира, рухнул Барьер.* Королевство лишилось источника поставок магической руды, и Робар не мог не отправить туда экспедицию лорда Хагена.

Славная была история у «Эсмеральды», но... Теперь она оказалась в руках пиратов, и пятерке верных друзей оставалось лишь грустно смотреть вдаль.

— Проклятые орки! Не будь их — у нас бы сейчас не сперли корабль! — возмущался высокий чернокожий парень с отличной секирой в руках.

— Не будь их — мы бы вообще не попали под Барьер, — ответил ему Воин, человек, который славился работой на могучего мага Ксардаса, того самого, что, по слухам, и помог захватчикам с севера победить в войне. — Думаю, нам предстоит много работы.

Глава двадцать пятая. Да здравствует Окара!

Гердония осталась далеко позади. Снова море, снова корабль. Благо, второе свое плавание Пауль пережил с куда меньшими последствиями для организма.

— Красиво, — протянула Юстина, когда орочий корабль проплывал ночью мимо Венгарда, над которым висел мерцающий купол из магической материи.

— Да, красиво, — согласился Окарский. — Жаль, что орки еще не успели взять город.

— Почему?

— Так бы мы причалили уже. Боюсь, как бы до Кап Дуна плыть не пришлось...

Опасения Пауля подтвердились. Маяк у Ардеи почему-то не горел, и Криггач принял решение проследовать до самого залива, где встал на якорь.

Кап Дун с поры отплытия очень сильно изменился. Да что там, сказать, что он изменился — ничего не сказать. Повсюду на столбах были развешены мертвые солдаты (Юстину от этого зрелища едва не вырвало), повсюду под навесами валялись, дергаясь во сне от утомительной дневной работы, полуголые рабы-миртанйцы, не успевшие сбежать с материка. Стража состояла из суровых орков и людей в синих доспехах, судя по всему — перебежчиков. Оккупация явно не пошла на пользу Миртане. То тут, то там виднелись сгоревшие дома, огней в окнах Пауль практически не заметил, да и в целом обстановка не располагала ни к чему помимо тоски не располагала.

Впрочем, останавливаться Криггач намерен не был. С громкой руганью он ворвался в дом местного вождя, именем Кана потребовал полдюжины орков охраны и направился в Фаринг с такой скоростью, что Пауль с Юстиной едва за ним поспевали. Кап Дун, ардейские луга, осадные позиции орков. Пауль впервые в жизни увидел ТАКОЕ количество захватчиков с севера. Они были буквально повсюду: все склоны холмов, заброшенные деревушки и поля были заставлены шатрами, полными воинов. Они ждали. Магический купол все мерцал, привлекая внимание. Орки не могли проникнуть внутрь, люди не могли выйти наружу. Наверняка во всех окрестных бухтах и заливчиках было припрятано минимум по одной галере. Окарский мысленно посочувствовал людям короля.

Впрочем, долго задерживаться они не стали. Местные военачальники, осознав, кто именно торопится на север, выдали сопровождающего, который довел Криггача и людей до самой окраины Фаринга.

Деревня внизу практически не изменилась, только оружия и воинов стало в ней еще больше. Суровый стражник на входе внимательно осмотрел всех спутников военачальника, посоветовал сдать оружие во избежание «неприятных ситуаций», и передал Криггача следующему проводнику. Охраняли и сопровождали Кана с усердием, достойным лучших из паладинов. Юстина забежала к своему отцу, который сумел уцелеть в буре войны и даже сохранить свой трактир. Пауль же обещал вернуться к ней позже.

По пути он подвергся еще двум проверкам — на входе в крепость и в воротах цитадели. Пауля обыскивали как последнего вора, прощупывали карманы грубыми пальцами, заставили сдать даже небольшой кинжал, которым он обычно резал в путешествиях хлеб.

Несмотря на довольно раннее утро, жизнь в крепости орков кипела. Постоянно сновали туда-сюда истощавшие рабы, суровые алхимики готовили в котлах непонятные зелья, воины тренировались на небольшой площадке, посыпанной песком, а кузнец будил всю округу громогласным звоном кузницы. На «морра» орки поглядывали скорее с любопытством, нежели с враждебностью — они знали, что абы кого в крепость Фаринга не пустят, а уж если «морра» шел рядом с известным военачальником...

Впрочем, у вождя захватчиков посетители никакого интереса не вызвали.

— Кан!

Орк в дорожных доспехах даже не обернулся. Пауль представлял себе полководца несколько иначе. Почему-то в голове сложился образ бугая на голову выше всех окружающих, во внушающих ужас доспехах со свежими черепами, перепачканными кровью. Но... Реальность Окарского несколько разочаровала. Кан не только не был мощнее прочих орков, наоборот, на фоне своих телохранителей он казался маленьким. Лишь позолота на пластинах и белый плащ выдавали в нем военачальника. Криггач вздохнул, но Кан все еще продолжал что-то вычерчивать на карте из запасов гарнизона Фаринга, если судить по миртанйским гермам на полях.

— Кан!

— Я слышу тебя, Криггач. И что-то мне намекает, что поставленную перед тобой задачу ты не выполнил.

— Да, Кан... Шторм раскидал наши корабли по скалам острова Гердония. На одном судне, кое-как отремонтированном, мы не смогли бы взять северные острова.

— Доложишь потом. Кто этот морра?

— Он проявил себя на Гердонии — наладил добычу руды, и вообще...

— Мне-то он зачем? — прервал Криггача Кан.

— Тебе же нужны те, кто будет отстраивать Срединные земли, когда война закончится — ты сам об этом говорил.

— И чем же он лучше моих советников?

— Тем, что он морра, а мы в стране морра. Нам нужен верный морра...

— Чем же ты гарантируешь его верность?

— Он не один...

Пауль практически ни слова не понимал из быстрой речи орков. Его пугало большое количество употребления слова «морра». Конечно, в какой-то степени он уже привык к оркам, к их странному, на человеческий взгляд, образу жизни, к их обычаям, даже к языку, но... Было большое «но». В нескольких часах ходьбы отсюда, в Венгарде, каждый день умирали в блокаде люди, вынужденные обитать в сожженном городе, рискуя каждый день быть убитыми ворвавшимися орками. Они сражались, они бились за Инноса, за короля, за Миртану, а он... Егс пустили в Фаринг, его пустили в цитадель, и вот, на расстоянии пяти шагов от него стоял самый могущественный враг его страны. Вынь у Криггача из-за пояса нож, в два прыжка подберись к вождю за спину и вонзи клинок ему в основание черепа, не прикрытое доспехами. Просто и быстро. Его убьют, да, но он станет героем, тем, кого воспевают легенды, тем, на кого мечтали быть похожими все мальчишки Миртаны. Но... Как всегда было это «но».

Пауль понимал, что дни человечества в том виде, в котором оно доселе существовало, сочтены. Орки победили. Убьешь Кана — командование возьмет на себя Криггач или любой другой из многочисленных военачальников. Битва была проиграна. У людей оставалось два пути — искать сотрудничества или же биться до последнего. Биться и умирать.

Пауль выбрал первый путь. Он надеялся, что, хоть он и не станет героем, его вклад, его знания, его умения помогут людям пережить очередной виток войны богов. Когда же она закончится?!

***

Благо, война подходила к концу. Еще больше Эб радовался тому факту, что он не успел поучаствовать в битве за Венгард — когда монтерский корпус орков и наемников, преодолев несколько засад повстанцев, вышел к столице Миртаны, над той уже висел магический купол, судя по всему, похожий на тот, что когда-то защищал легендарную Долину Рудников.

Убитых было очень много — три дня ушло на то, чтобы убрать все трупы с полей, не скрытых материей Барьера. Среди них было и много наемников, означавших, что орки жалеть своих слуг не будут.

Расследование, впрочем, зашло в тупик. Следов повстанцев в Монтере Эбу отыскать не удалось — подполье, прознав о победе из Окары, зарылось в землю еще сильнее. Поэтому вскоре Марик перевел Эба в подчинение Бредли, и теперь вновь целыми днями напролет наемник следил за рабами, перемещавшимися между городом и фермами. Нельзя было сказать, что данная работенка относилась к числу пыльных, но порою Эба захватывало ощущение, что за ним кто-то смотрит из леса. Было ли это последствием того давнего плена, или же просто в нем разыгралась паранойя, ответить не мог никто. Черт подери...

На дороге опять показалась вереница рабов, которую подгонял орк, по имени Фоллек. Эб терпеть его не мог. Мало того, что данный воин Нордмара был до безобразия ленив, вследствие чего постоянно перекладывал свою работу на «морра», так он еще и отличался абсолютной некомпетентностью во всем, что не касалось боя на топорах. Интересно, на сей раз он хотя бы правильно посчитал рабов? Десять, одиннадцать, двенадцать... Вроде бы все.

Рабам нравилось работать на ферме. По крайней мере, она устраивала их куда больше тех же раскопок. Там они, не отягощенные бесконечным контролем со стороны орков-стражников, успевали немного залечить раны и болячки, отъестся и в целом разгрузиться. Возвращать их в город было делом неблагодарным, поэтому именно Фоллека и отправили на ферму.

— Морра! Я привел к тебе рабов и пошел!

— Куда пошел? — возмутился Эб. — Я должен сначала их проверить.

— Они все одинаковы, морра, — зарычал Фоллек. — Их должна быть дюжина — я привел дюжину. Моя работа закончена.

Наемник все равно помотал головой, выстроил рабов в линию вдоль придорожного забора и принялся сверяться со списком. В отличие от Бредли, Эб обладал отличной памятью на лица, и посему переключка по списку из свитка не была для него пустым звуком.

— Гарри!

— Здесь.

— Сандерс!

— Туга...

— Адольф!

— Я!

Голос показался Эбу неестественно звонким. Он поднял глаза и еще с минуту не мог понять, что случилось. Вроде бы перед ним стоял тот же раб, которого он отправил на ферму, те же мешки под глазами, та же грязь по всему телу, тот же полный усталости взгляд, но... Голос. Эб его уже слышал. Странно... Где же...

Фоллек проворчал:

— Морра, шевелись! Я хочу успеть к обеду!

— Господин орк говорит идти надо, — некстати влез подозрительный раб. И тут Эб вспомнил.

— ПОВСТАНЕЦ! Держи его!

Раб не успел сообразить, что случилось. Зато успел среагировать Фоллек. Не доставая топора, он в один прыжок преодолел расстояние между ним и рабом и со всей силы зарядил тому в челюсть — «морра» влетел в забор, снеся верхнюю жердь, и рухнул в траву, выплевывая оставшиеся зубы.

Тут же на него налетел Эб, заломил рабу руки за спиной и прижал коленом голову к земле. Фоллек тем временем достал топор и заставил лечь на землю оставшихся «морра». К ним уже бежала стража от ворот.

— Ублюдок! Сука! Вот ты где!

Раб захрипел. Не хватало еще, чтобы он задохнулся.

— Морра! Что это было?!

— Лежать! — Эб связал рабу руки. — Этот ублюдок — повстанец из Окары!

Пойманный не мог ничего ответить — его рот был полон крови и осколков зубов.

— Отрубим ему голову да и дело с концом.

— Не... Рабов к Бредли! Этого к Марику! Фоллек, мать твою, шевелись.

Подбежавшие орки-стражники знали свое дело куда лучше ленивого бойца из внутренней крепости. Руководствуясь принципом «морра лучше знает морра», они выполнили все приказы наемника. Уже через несколько минут повстанец оказался в подвале дома Марика.

— Эб, Белиар тебя дери, кого ты ко мне притащил?

— Это повстанец, Марик, повстанец из Окары.

— Доказательства?

— Этот ублюдок меня на казнь вел зимой, Марик! Бенкт тебя, кажется, зовут, да?

Повстанец промолчал. От него буквально веяло ненавистью.

— Ну что ж, кажется, я поставил тебя на правильное место. Думаю, он искал связного, того самого, что ты тогда не смог найти.

— Я тоже так думаю, — Эб достал из поясной сумки самокрутку. Информацию добывать он умел. — Бенкт, может, расскажешь нам?

Повстанец молчал.

— Не хочешь, да? Или орки тебя вместе с зубами и языка лишили? Они могут — они парни мощные. Мне позвать их?

Бенкт молчал. Он прекрасно понимал, что задание свое провалил и что из этого подвала он живым уже не выберется. Так, думал он, хотя бы монтерское подполье останется в тени. Наивный...

Эб прикурил от фонаря и повернулся к повстанцу. Тот еще не понял, что с ним сейчас будет...

— Кто. В Монтере. Работает. На короля?!

Вновь молчание. Ну и дурак.

Эб подошел и с силой надавил зажженной самокруткой на висок Бенкта. Тот заверещал, дернулся и с грохотом рухнул на пол вместе со стулом, к которому был привязан.

— Кто ... в Монтере работает на вас, отвечай, ублюдок!

— Я не знаю, — проскулил Бенкт. Ему было очень больно.

— Уже лучше — хоть рот наша недотрога открыла, — фыркнул Марик. — Кто?! С кем ты должен был связаться в городе?

— Я не знаю!!!

Эб сделал затяжку и выпустил дым в лицо пленнику.

— Страшно, да? — спокойным голосом спросил он. — Мне тоже страшно было, когда вы с дружками по лесу меня на казнь вели. И когда в спину из арбалета стреляли... Не хочешь говорить — пожалуйста. Но ты сам выбрал войну.

Бенкт не выдержал:

— Пошел к черту, орчий ублюдок!

Эб без размаха ударил повстанцу сапогом под дых. Марик поморщился:

— Твои задачи в городе?

Судя по всему, повстанец решил, что он герой Миртаны. Эб сплюнул, выдернул свой пояс и резким отточенным движением накиннул его на шею Бенкту. Тот тут же запаниковал и забил ногами, пытаясь откинуть наемника куда подальше.

— ТВОИ. ЗАДАЧИ!

По лицу Бенкта Эб видел, что тот задыхается, и чуть-чуть ослабил хватку.

— ГОВОРИ ...!

— Найти... найти, — повстанец жадно хватал воздух ртом. — Найти подполье...

— Как его найти?! Говори!

— Я НЕ ЗНАЮ!

— Он врет, Эб, — заключил глава наемников.

«Я знаю». Эб прекрасно чувствовал ложь. Не могла Окара забросить в Монтеру на ответственнейшее дело человека без каких-либо сведений и подготовки. Может, Бенкт и в самом деле не знал ни имени, ни внешности скрывающегося в городе повстанца. Но он же должен был его как-то найти. Пусть думает, что Иннос пощадит его душу.

Потушенный о лоб окурок все-таки заставил повстанца заговорить. «Да здравствует Окара!». Боги, неужели повстанцы не могли придумать пароля поумнее? Это было слишком легко. Эб еще даже не успел толком разогреться. Боль другого не причиняла ему удовольствия, совсем нет. Боль позволяла достичь нужных результатов. Для достижения их наемник был готов причинять боли столько, сколько потребуется...

Оставалось понять, кто же из наемников — двойной агент. Марик немедленно потребовал отряд дюжих орков из внутренней крепости Монтеры и потребовал Бредли привести кого-нибудь из рабов похитрее, согласного в обмен на освобождение сказать пару слов. План был прост, как золотая монета. Первым на подозрении был Санфорд, к нему и направились воины.

Интендант занимался своим обычным делом — закопавшись в мешки с пшеницей, что-то читал в потрепанном свитке. Раб оказался и в самом деле смышленным.

— Э-э...

— Чего тебе надо, идиот? — рявкнул, подняв голову, Санфорд. Эбу он никогда не нравился.

— Да здравствует Окара! — выпалил раб и, кажется, сам испугался своих же слов.

— Ублюдок! Где ты это услышал? Кто сказал?

— П-п-паладин...

— Роланд что ли?

Все. Он попался. Эб широко улыбнулся, подавая сигнал Марику.

Глава двадцать шестая. Пир во время чумы

Долок вздрогнул во сне и проснулся. Ох, демоны... С той встречи с кочевниками прошло достаточно времени, но воспоминания о ней все равно не давали ему покоя. Кочевник, по имени Хасак, лишь рассек воздух над самой головой орка. Долок даже не подумал зажмуриваться или отводить взгляд — это и подкупило бесстрашного воина пустыни. Их всех не просто отпустили, но и напоили вкуснейшим ягодным напитком (где они его только откопали в песках?), пообещав в случае чего помочь, рассказав о своем условном знаке.

То, что поведал Хасак, Долока совсем не удивило, но очень сильно насторожило. Хашшашины отправили свои лучшие войска, элитных воинов, подчинявшихся лично Зубену, из Ишгара в Мора Сул. В столице Варанта осталась лишь личная охрана избранника Белиара. Что задумывали хашшашины? Неясно. Возможно, они готовились отправиться на север, чтобы помочь оркам завоевать Миртану, но... Чушь какая. Это понимали и Долок, и Хасак, особенно Хасак. Он понимал, что орки не были поклонниками Аданоса, отнюдь, но... Как там говорилось в древней поговорке морра? Враг моего врага — мой друг? Что ж, если это действительно так, то воевать кочевникам с орками не стоило, по крайней мере, в ближайшее время. В любом случае, Долок был рад, что выбрался живым из той передраги.

Что, впрочем, совсем не мешало погибнуть ему прямо здесь, в Бен Сала. Ублюдок-хашшашин, которого звали Басир, решил не дожидаться орочьей экспедиции, которая проведет раскопки, и с кучкой авантюристов из больших варантских городов ограбил храм. И, разумеется, ничем хорошим это не кончилось. В этот же день из песков, из древних руин, с кладбищ поднялась нежить. Такого ее количества Долок не видел никогда, даже когда по дурости с друзьями-орками решил залезть в заброшенный склеп в Нордмаре. Ходячие скелеты, мумии, зомби... Кто только не покоился в окрестностях Варанта. То тут, то там на скелетах виднелись обрывки обмундирования армии Миртаны, воинов-хашшашинов, каких-то плащей торговцев... Бен Сала оказалась в осаде. Совместными усилиями орков и стражи Бен Салы удалось очистить от нежити близлежащую шахту, спасти нескольких рабов и запереться в деревне. Подмоги ждать не приходилось. И без того редкие караваны перестали сновать по пустынной дороге. Оставалось надеяться лишь на чудо.

И, о Боги, оно произошло! Вчерашней ночью откуда-то с севера явился воин-морра. То, что это был морра, не было сомнений, несмотря на варантский доспех. Его серо-голубые глаза и русые волосы выдавали в нем выходца со Срединных земель. Имени своего он не назвал, и посему Долок про себя называл его просто Морра.

На востоке, за горой, забрезжил рассвет, а Морра уже был на ногах и точил свой длинный меч. На вышедшего из-под навеса Долока он не обратил внимания — видимо, слишком много времени провел среди народа севера.

— *Уже готовишься?*

— *До рассвета осталось всего ничего, а твои парни все дрыхнут,* — пожал плечами Морра.

— *Они могут драться даже во сне,* — фыркнул Долок, но в глубине души принял правильность слов чужеземца. — *Ты так и не сказал, зачем это тебе.*

— *Я выполняю поручение человека, заключившего сделку с вашим вождем, Каном. Его зовут Ксардас, может, слышал.*

Долок задумался.

— *Вроде бы нет.*

— *Моя цель — посетить храм, посмотреть, унес ли тот вор то, что нужно моему... то, что нужно Ксардасу.*

— *Понимаю.*

По крайней мере, их интересы совпадали. Долок широко зевнул и отправился будить Аршака и Гиббочча, к которому с момента встречи с кочевниками относился с некоторой прохладцей. Не думал он, что орк может оказаться трусом. Ему было плевать на происхождение Гиббочча — орк не должен быть трусом, кем бы он ни был, сыном ли Кана или портового интенданта.

План был прост, как песок. Пройти по кратчайшему пути до храма, зачистить округу и ворваться внутрь. Впрочем, от последнего Долок предпочел бы отказаться. Он все еще надеялся, что скоро прибудет экспедиция орков, которые куда лучше подготовлены к боям в катакомбах и замкнутых пространствах. Сам же он бы предпочел запечатать вход и по возможности зачистить окрестности. Хулио обещал в обмен все, что орки смогут унести в руках и сумках. Типичный хашшашин, думает, что все решает награда. Долок сам не понимал, почему он еще в Бен Сале. Он знал, что сил его отряда вполне хватит, чтобы прорваться на север, где было относительно немного нежити, и уйти к Грубуцу в Лаго. У него была возможность уйти, пока бойцы Хулио зачищали шахту, но... Долок не мог уйти, не мог, это претило его природе. В любом случае, стоило размять мышцы.

Нежить не могла считаться за серьезного противника. Движения что зомби, что скелетов отличались медлительностью, но это не отменяло того факта, что своей многочисленностью и силой хоть и ржавого, но

оружия, они могли убить даже многочисленный отряд. Стоило быть осторожным.

Краш Тарагх Долока блестел на солнце — раб Мигель хорошо поработал, вычищая лезвие. Орк шумно выдохнул.

— Да поможет вам Белиар, — прошептал в спину Хулио.

Морра лишь криво усмехнулся. Судя по всему, в богов он не верил. Усталый хашшашин быстро распахнул ворота Бен Салы. В бой!

Нежить не спала и не уставала, поэтому бороться с ней можно было тогда, когда было удобно оркам. Первую группу скелетов, которые, судя по всему, когда-то были солдатами армии трусливого короля, северяне разметали без особых проблем. Впрочем, проблем не возникло и пока отряд добирался до храма, а вот около него...

Белиар его дери! Немедленно Морра прикрыл щитом зазевавшегося Аршака, когда в того выстрелил скелет из непонятно как сохранившегося лука. Немедленно Долок рухнул на землю, чтобы перерубить ноги подходящим зомби.

— Убей стрелка!

И тут взорвался Гиббочч. Неожиданно быстрыми оказались его движения, его порыв. Слегка пригнувшись от очередной пролетевшей стрелы, он размахнулся и перерубил скелета-стрелка пополам, так, что оружие едва не вылетело из его рук. Тут же к нему со спины подошел другой скелет и ударил по корпусу ржавым мечом

— *Мать твою!* — прокричал Морра и использовал спрятанный за поясом свиток, вызывая непонятной стихии магическую бурю. Аршак, все-таки не поленившийся взять с собой арбалет, прострелил напавшему на Гиббочча скелета голову. Долок подбежал к соратнику, рухнувшему на песок и верещавшему от боли.

— БЕЛИАР! БЕЛИАР! МАТЬ! — благо, он был жив.

— Не ори, идиот! АРШАК! Прикрывай Гиббочча! Я за морра!

Тут же Долок поднялся на ноги, перерубил наискось приблизившегося к нему зомби, и направился к Морра, которому, казалось, были бы нипочем даже три десятка соперников. Он с легкостью волка и грациозностью мракориса скакал из стороны в сторону, упокаивая одну нежить за другой, с каждым следующим ударом приближаясь к входу в храм. Делом чести было прикрыть его.

Долок перерубил позвоночник очередному скелету и встал за спиной морра.

— *Оно тебе надо, лезть внутрь?! Там ведь все куда хуже!*

— *Поверь мне, я и не такое видел!* — отшутился Морра, и по каждому его движению было видно, что он не врал.

Краш Тарагх застрял в зомби. Грязно выругавшись, Долок выхватил из-за спины давно не пригождавшийся ему Краш Варрок и принялся отбивать атаки уже им. О Белиар, почему же орки так редко используют щиты?!

Над головой пролетела стрела, Долок обернулся, но Аршак уже всадил в глазницу стрелку арбалетный болт. Меткий же ублюдок!

Наконец они достигли входа в храм, благо, количество нежити к этому времени уже изрядно уменьшилось. Пока Долок разбивал ногами череп зомби, Морра активировал очередной свиток (боги, сколько же их у него?!), вызвав магический свет. Тут же он накинул на лицо тряпку, которая защищала бы его органы дыхания, и неожиданно спокойным голосом сказал:

— Ждите меня здесь! Не пускайте эту дрянь внутрь!

Что делать, если нежить полезет изнутри, Морра не сказал. Но Долок верил — бесстрашный воин, пришедший с севера, не позволит этому случиться. Почему-то именно этот Морра внушал ему доверие.

***

Дождь барабанил по еще оставшимся целыми крышам Венгарда. Матиас мрачным взглядом окинул горящий по ту сторону замковой стены город. Орки бесчинствовали там. Казалось, за минувшие дни, недели, а может даже и месяцы ничего не поменялось. Все также действовали на нервы вечерние орочи барабаны. Все также в зазевавшегося часового на стене мог прилететь арбалетный болт. Все также не поступало никаких сигналов со стороны храма Инноса. Вполне могло быть, что все там уже умерли.

Орки, в отличие от людей, получали припасы снаружи. Барьер, не пропускавший ни единого живого вещества, тем не менее, с легкостью позволял оркам с помощью нехитрым приспособлений забрасывать своим собратьям в Венгарде и провиант, и оружие, и боеприпасы. Наверняка они уже работали над способом попасть в город, минуя Барьер, но Матиас надеялся, что этого не случится еще очень долгое время.

Его ждали во дворце короля. Как и многие другие паладины, отличившиеся во время войны, Матиас был приглашен на званый ужин у Робара Второго. Что там будет, он не знал. Может, и в самом деле ужин, может, и военный совет. В любом случае, там, в королевской зале, было тепло и сухо, не сравнить с мокрыми камнями крепости.

В отблесках очередного пожара Матиас заметил перебежавшего между домами орка-разведчика. Впрочем, наплевать. Лучники с ним разберутся...

Ему же пора в залу. Нехорошо заставляя Избранника Инноса ждать.

Многочисленные слуги, силы которых следовало бы направить на оборону города, уже давно расставили столы в приемной короля. Кушанья же... Матиас обомлел. Он выходил далеко не из бедной семьи, но такого богатства он даже представить себе не мог. В золотых и серебряных блюдах возвышались горы поджаренного до хрустящей корочки хлеба, окорока, в кувшинах плескалось дорогое вино, супы дымились в своей глубокой посуде, в маленьких тарелочках виднелись соусы и специи, а тушеный рис, деликатес в крестьянских семьях, накладывали без счету.

У Матиаса дыхание перехватило от обрушившихся на него ароматов. Как последний простолудин, он замер с открытым ртом подле двери, и неизвестно, сколько бы он простоял, не подтолкни его сзади Кобрин.

— Матиас!

— Приветствую вас!

— Меньше любезностей. Я ценю твой боевой талант и, признаться, даже удивляюсь ему. Помнишь Пирациса? А Ромула?

— Того слугу Инноса, с коим я имел честь биться плечо к плечу?

Кобрин рассмеялся. Кажется, он уже был немного захмелевший.

— Этот ублюдок тебя под разжалование в солдаты хотел подвести, а ты такой вежливый... Вылазку на юг помнишь?

— Смутно... — Матиасу пришла в голову лишь пылающая ферма и крики старика в мантии мага. Да, точно, это и был Ромул.

— Помер он — можешь радоваться. Не сдюжил ритуала возведения Барьера. Да и Пирацис, ублюдок, не дожил — убили во время штурма.

— Да помилует Иннос его душу, — произнес Матиас, улыбаясь про себя. Интересное, какое до этого дело Кобрину, который по статусу уступал лишь верховному магу и самому королю? Об этом паладин и спросил.

— Благо, теперь король слушает больше нас, воинов. Да и этого кретина, закинувшего старину Ли за решетку, мы лишились. Впрочем, король сейчас об этом сам и расскажет.

Раздалась музыка. Слуги растворились в полутьме залы, а многочисленные гости, среди которых были и вельможи, и выжившие венгардские чиновники, и маги, и воины, конечно, воины, последняя надежда Миртаны. Усталые, израненные, изнуренные многочасовыми дежурствами, они представляли собой тот щит, за которым прятались оставшиеся в живых мирные жители королевства.

К удивлению Матиаса, король явился молча, без сопровождения ходящей хвостом гвардии, без фанфар и какого-либо пафоса. Впрочем, удивление паладина длилось недолго. Как и Кобрин, Избранник Инноса был пьян.

— Приветствую вас, воины Миртаны!

Зал огласился шумом военачальников и паладинов. Они были рады видеть своего короля.

— Садитесь же и питайтесь, вкушайте то, за что мы так любим нашу Миртану!

Зазвучала музыка. Музыканты брнчали на своих лютнях и дудках что-то веселое, но никому не было до них дела. Многие воины, особенно те, что не происходили из богатых домов, не понимали, в чем причина вечернего собрания.

Король молчал долго, опустошая один кубок за другим. Он пребывал в унынии, и причиной того могло быть что угодно. Кобрин, сидевший рядом с Матиасом, тихо шепнул:

— Совсем старик зачах. Недавно у берегов видели «Эсмеральду», королевский флагман, но подкрепление не пришло. Возможно, орки всех перебили...

Король громко закашлялся. Воины напряглись. Тут же к монарху подскочили маги огня и слуги. Причина их волнения вскрылась тут же. Робар кашлял кровью, и это могло значить лишь одно — дни его сочтены, а значит, и дни Миртаны тоже. Но не на пиру же думать об этом!

Отгнав своих прислужников, король поднялся и громко заявил:

— Господа! Я знаю, вы храбро сражались за Миртану, за Инноса, за меня, Белиар его дери, в конце концов! Забудьте все! Мы в ...! Пейте же, мать вашу! Напейтесь до безумия, наешьтесь, достаньте свои мечи, откройте ворота замка и надерите зад этим оркам! Кто они такие?! КТО?! Грязь под ногами, белиаровы выродки!

Робара понесло. Он слишком долго сидел в заточении, ожидая... Чего?! Он верил, что Иннос поможет ему, что вдруг из-за гор придут полки верных ему воинов и разорвут орков, как варг крольчонка. Но они не приходили. Войска Кана с каждым днем все ближе подбирались к замку короля. Если неделю назад они боялись подойти за два квартала до ворот, то вчера дозорный видел их всего в жалкой сотне шагов. Все верили в победу Инноса, но... Слишком много было этих «но». Слишком сильны были орки, слишком много людей предало Миртану, слишком ослабела воля короля. Короля... Матиас не верил, что перед ним сидел монарх, во имя которого гибли тысячи, а может и десятки тысяч человек. Гибли от варантских песком до ледяных пиков Нордмара. Сколько отрядов ополченцев, солдат, паладинов уходило в последний бой с именем Робара на устах? Сколько?! В войне выигрывает

кто-то один, и Матиас с грустью осознал, что он оказался на стороне проигравших. В победу не верило уже даже верховное командование, что уж взять с простых солдат, которые сидели сейчас под дождем, доедая пустую похлебку, пока в замке пировали. Матиас понимал, что каждый имел право провести свои последние дни так, как хотел. Он прекрасно помнил, как сам бежал из Фаринга в Венгард, надеясь пересидеть войну. Он помнил это, и понимал, что поступил не лучше, чем сейчас Робар. Робар... Король...

Матиас не притронулся к пище. Он не мог позволить себе съесть ни куска. Паладин поднялся с места. На немой вопрос Кобринна он ответил:

— Я вернусь на свой пост. Враг на нашем пороге, и времени пировать у меня нет. Во имя Инноса!

Глава двадцать седьмая. Десять лет войны

— Гота?

— Да, Гота. Ну ты знаешь, паладины, демон, скелеты и, Белиар ее дери, нежить. Много проблем от нее. Туда морра-повстанцы зачастили, и мы вынуждены пускать караваны в обход, через Венгард.

— Это же, как минимум, один пропавший день! — воскликнул Пауль.

— Что поделаться? Там опасные места, и одним отрядом дело не решить. Тут армия нужна, а пока Венгард не взят, Кан добра не даст.

— Ну ладно, — Пауль вздохнул. — О дороге через сильденский перевал не думали?

Орк Аркмачч, помогавший Окарскому в работе, почесал затылок:

— Там же есть дорога...

— Я имею в виду не ту тропу, что там и тридцать лет назад была, а приличную дорогу, с покрытием, по просекам и с мостами.

Аркмачч помотал головой, кивнул и сделал запись в своем свитке. Идея явно пришлась ему по душе.

— Надо строить карты и считать ресурсы.

— Разумеется, — Окарский улыбался. — Кто карту делать будет?

— Разведчики. Пусть ищут все пути.

— Разумно.

Пауль замолчал, вновь погружившись в карту. Идея одна за другой приходили ему в голову, но насколько каждая из них будет полезна оркам? За долгое время, проведенное с этими детьми ледяных нордмарских пустынь, он успел довольно хорошо изучить их привычки и нравы. Но многое до сих пор оставалось загадкой.

Например, в довоенной Миртане все потоки грузов, людей и золота сходились в Венгарде. Каждая область королевства специализировалась на какой-то одной отрасли хозяйства. Сильден поставлял древесину и пушнину. Гельдерн отвечал за зелья и руды. Монтера считалась торговой столицей государства, Ардея же славилась своими рыбаками.

Все потоки из городов стекались в Венгард или, в крайнем случае, в Монтеру. Сохранится ли такая система в новом государстве, которое возникнет на руинах Миртаны? Пауль не знал. Разумеется, орки пользовались золотом, но торговлю в большинстве своем они презирали. Были среди них и сребролюбцы, но обычный воин предпочитал звону монет кус жареного мяса, тяжелый топор или, в крайнем случае, хорошую игру на барабанах.

Пауль не знал, каким городам орки отдадут предпочтение, а какие сожгут дотла, только...

— Стена! — внезапно прорычал Аркмачч.

Пауль встрепенулся.

— Что?

— Нужна стена. На юге, где хашшашины.

— Зачем?!

— Будет война. Или может быть, — пожал плечами орк, как будто речь шла о завтрашней охоте. — Мир не вечен. Так мне когда-то Кан говорил.

— Ужас...

Перспективы войны с Варантом Пауля совершенно не радовали. В войне всегда выигрывает экономика, и именно она беспокоила Окарского прежде всего. Кто бы ни выиграл в затянувшейся войне в срединных землях, орки или миртанейцы, сдюзить против жившего десять лет в мире царства ассасинов им будет сложно. Очень сложно.

— Перевал сам по себе достаточно надежная защита от захватчиков с юга.

— Это дело Кана. Но укрепления он хотел.

Окарский пожал плечами. Он представлял, в какую сумму могли выйти подобные строения, особенно в том формате, который расписал ему Аркмачч. Два ряда редутов и бревенчатых строений, вплотную друг к другу, с узкими проездами в одну телегу. Пауль как никто другой знал, что граница между Варантом и Миртаной была той еще дырявой простыней. Даже в довоенные времена легче было пересечь границу, не встретив патруля, чем попав на усталых пограничников. А уж сейчас, когда по всему континенту бушевала война, перейти ее было... Пауль даже не знал, с чем сравнить этот процесс. Даже застегнуть кафтан было сложнее, чем преодолеть залив или неморские холмы, оставшись незамеченным.

Проблема заключалась также в том, что общая сумма золота на следующий год (а именно затраты на него планировал Пауль) не была известна. Никто не знал, сколько монет сумеют захватить орки при штурме Венгарда, сколько придется потратить на некую секретную миссию в Варанте, сколько нужно будет платить наемникам после войны и еще много чего. Все приходилось считать с погрешностью в несколько сотен, а то и тысяч, монет в

обе стороны. Потратив на составление отчета по предложениям половину дня, Окарский решил покинуть свой рабочий кабинет.

Юстину Пауль застал возле домика жреца во внутреннем дворе крепости — она толкла в ступе какие-то ингредиенты для зелий.

— Как твои дела?

— Ур-Гош, как и прежде, отвратителен, но он много знает. Я готовлю запас трав для «Чистого здоровья».

— «Чистое здоровье»?

— Да, зелье такое, весьма эффективное. Залечивает любые раны, ну если только не смертельные. Я раньше даже не знала, что для орков и для мор... для людей, — осеклась Юстина и улыбнулась. — Стоит добавлять различные травы для лучшего действия.

— Я в этом не разбираюсь. Все, что я знаю о зельях, это то, что они хорошо продаются. Если отец посылал меня в Гельдерн, то я мог быть уверен, что из Монтеры или Венгарда я вывезу под тысячу золотых.

— Только о золоте и думаешь, — закатила глаза девушка.

Пауль усмехнулся.

— Сейчас нет. Знаешь, тогда, когда взорвали дом вместе с Фарзи... Что-то изменилось, мне кажется.

— Что же?

— Не могу сказать точно. До этого мы всегда бежали от проблем. Когда я не посмел в лицо перечить отцу на твой счет, когда мы бежали на Гердонию. После — начали их решать. И с орками Криггача, и здесь.

Юстина пожала плечами. Она ничего не могла сказать, разве что, кроме того, что она наконец нашла дело по душе. На протяжении последних дней Окарский часто наблюдал за ней, когда выдавалось свободное время. Несмотря на то, что она часто ворчала на старика Ур-Гоша (этот орк отвратительно относился ко всем морра), девушка много времени проводила с ранеными орками, вылечивая их от ран. Да что там орки! По вечерам она готовила восстанавливающий силы отвар из многочисленных трав и относила его рабам. Поначалу орки-стражники гнали ее, но поняв, что производительность морра от этого только растет, сами стали отпивать из рабьего котла.

Пауль коротко поздоровался с вышедшим из хижины Ур-Гошем (тот немедленно назвал Окарского «приставучим бумагомарателем») и вернулся в цитадель, благо, Кан как раз к этому моменту освободился.

— *Показывай свои расчеты, морра.*

— *Вот,* — Пауль расстелил карту и свиток с таблицами. — *Для улучшения надо дорога. Тут и тут. Еще...*

Кан поморщился и велел говорить по-миртаныйски, подозвав толмача. Он терпеть не мог, когда морра коверкали прекрасный, по его мнению, орочий язык.

— *Во сколько это обойдется?*

— По примерным расчетам — шесть тысяч триста пятьдесят монет.

— *Во сколько?*

— Триста восемьдесят пять стоимостей обычного Краш Варрока, — перешел на понятные орку расчеты Пауль. — Сильденский перевал удобней того, что в Фаринге, и скорость перевозок окупит стоимость дороги примерно за пять лет.

— *Шестьдесят лун... Так долго?*

— Можно ограничить затраты, но для этого нужно смотреть на...

— *Господин Кан!* — в зал вбежал взволнованный стражник. — *К вам прибыл старик...*

— *Впусти. Морра,* — обратился Кан к Паулю. — *Продолжим позже. Дела важнее.*

Окарский быстро свернул карту и направился к выходу — перечить командующему он не посмел бы, особенно по такому пустяку. В дверях он столкнулся с посетителями, который вождь орков, похоже, и ждал. Это был абсолютно седой старик в темной мантии, смотревший... Белиар его дери. Он был слеп, но Пауль явственно чувствовал, что маг (а это был именно маг, о чем свидетельствовали многочисленные карманы для рун, пристегнутые к поясу) все прекрасно видел. Жуткое зрелище. Сопровождал старика хмурый воин с небольшой бородкой, смеривший Окарского презрительным взглядом. Да уж, таких посетителей действительно стоит принимать в первую очередь...

***

Давно Эб не бывал в этих лесах летом. Слишком глухими они были, чтобы в них «работать». Разумеется, организовать схрон здесь было проще простого, и, видимо, эта мысль и витала в головах повстанцев.

Орки продвигались вверх по течению Большой реки друг за другом, параллельно напряженно вглядываясь в густые прибрежные заросли. Если их увидит хотя бы один окарский охотник, хотя бы один разведчик или беженец — можно разворачиваться.

Санфорд долго не желал рассказывать о местоположении Окары. Впрочем, когда орки начали сдирать с него заживо кожу, интендант заговорил. Командующий Варек сверился с картой, убедился, что повстанцы

действительно засели в заброшенном железном руднике к востоку от Сильдена. Странно даже, что Роланд со своими прихвостнями работал именно в монтерском направлении, не трогая город рыбаков. Впрочем, думать времени не оставалось.

Отряд для уничтожения был собран всего лишь за пару часов: три десятка воинов, дюжина разведчиков, несколько командиров орков и половина наемников Марика, часть которых должна была занять леса к северу от Монтеры, дабы перекрыть повстанцам возможности для отступления. Впрочем, Эб надеялся, что Кор-Шах, назначенный руководителем вылазки, сумеет задавить гаденьшей прямо в их постели.

Неподалеку от Сильдена орки свернули в лес. Эб судорожно сплотнул. Он узнал эти места. Именно по этим зарослям тогда, зимой, он бежал, спасаясь от команды палачей. Как же все изменилось...

Орки, несмотря на то, что считались самыми шумными созданиями в мире (за исключением, пожалуй, разве что троллей), немедленно показали себя умелыми охотниками. Передовой отряд продвигался по зарослям, практически не издавая никаких звуков. Ни шорохов, ни случайной брани, ни звона оружия. Наемникам, большинство из которых подобными навыками не обладали, оставалось лишь удивляться и завидовать, пытаясь соответствовать своим хозяевам.

Нужный рудник нашелся быстро. Несмотря на то, что все подходы были замаскированы, а сам спуск в Окару задрапирован рыболовной сетью, в ячейки которой опытные воины вставили ветки и листья, Эб сразу же (даже своим неопытным взглядом) заметил протоптанную тропинку, вдоль которой в траве виднелись бурые пятна крови — наверняка здесь тащили тушу какого-нибудь оленя.

Наемники замерли. Кор-Шах молча, одними лишь жестами, отдавал приказы. Орки аккуратно пробирались по окрестным кустам, окружая лагерь повстанцев. Эб затаил дыхание, предвкушая скорую атаку. Слишком давно он хотел поквитаться с теми, кто хотел скормить его останки волкам.

Наемников орки не жалели, и именно они должны были первыми зайти в лагерь. Это обещало как самую большую наживу, так и самую скорую смерть. Эб вынул из ножен меч.

Наконец Кор-Шах взмахнул рукой. Пора!

Молча, без воинственных кличей и восхвалений богов, наемники ворвались в лагерь. Задремавшего на посту дозорного Эб без всякого сожаления отправил к Инносу колющим ударом в живот.

Второй дозорный, находившийся чуть в глубине рудника, попытался было поднять тревогу, но ему тут же прострелили горло из арбалета. Орки, подошедшие к краю небольшого карьера, с которого и начинался рудник, принялись обстреливать полусонных обитателей Окары из чего только возможно. Раздались крики, и только сейчас поднялась тревога, когда наемники уже проникли в лагерь.

— За Инноса!

— Вали их, живо!

Эб без особого труда перерубил голень одетому в лохмотья бывшему рабу и парировал мечом удар выскочившего бугая в доспехах охотника. Немедленно рискнувшего сопротивляться насадили на копьё. Слишком просто.

Разобравшись с сопротивлением наверху, наемники перегородили вход в рудник, перевернув телеги. Тут уже вниз спустились орки, немедленно принявшись собирать выживших морра.

— Где все солдаты?!

Краем глаза Эб заметил, как в одной из лачуг, которых наверху прибавилось со времен зимнего плена, мелькнуло испуганное лицо. Приготовившись, наемник вынес ударом ноги дверь, и оказался внутри. Там, закрывшись какими-то тряпками и полупустыми мешками, сидела в углу пожилая женщина, которая, увидев окровавленный меч в руках наемника, что есть мочи заверещала.

— Где паладин с бойцами, сука?!

Женщина не переставала верещать. Эб понял, что толку от нее немного, быстро полоснул клинком и вышел на улицу. Орки остервенело крушили все вокруг, выискивая потайные лазы, схроны и тайники. Кор-Шах угрюмо смотрел на стоявших перед ним пленников. Кузнец, какой-то доходяга, пара тощих солдат, еще какая-то шваль. Притаившиеся орки громко переругивались между собой на своем языке. Они были разочарованы.

— Морра, где воины?!

Один из солдат попытался что-то сказать, но тут же получил под дых от кузнеца, за что тот немедленно поплатился жизнью — Кор-Шах флегматично перерубил зарвавшегося морра ключицу.

— Где воины?!

— О-о-они... — солдат тяжело дышал — слишком сильным был удар кузнеца. — В Готу, сказали...

— Гота! Белиар!

Кор-Шах выругался. Тут же к нему подскочило несколько разведчиков. Приказы были короткими и ясными. Даже толком не зная орочьего языка, Эб все понимал. Гота... Готу орки взять так и не смогли во время наступления. Паладины, запершиеся в замке, были слишком фанатичны, и сдаваться отказались наотрез. Взять

крепость из-за ее устройства и местоположения военными силами орки не смогли, и им пришлось прибегнуть к помощи темного бога. Белиар наслал на город проклятье, и все его обитатели превратились в нежить, а в самой крепости поселился демон. Орки, решив, что без паладинов Гота все равно мало что значит, поставили на окраине города караул и забыли. Но... Судя по всему, повстанцы решили воспользоваться пустовавшей крепостью. И если это так, то оркам стоило поторопиться.

Варек отрядил из Монтеры самых могучих своих воинов. Разумеется, оставшихся в городе сил вполне бы хватило, чтобы удержать торговую столицу королевства в руках орков, но защитить Готу... О, боги... Эб встретился взглядом с Кор-Шахом, и почувствовал то, чего не ощущал уже очень давно — животный страх пронзил его тело, и наемник ничего не мог с этим поделать.

— *Убить всех! Мы отправляемся в погоню!*

Глава двадцать восьмая. Последний день Миртаны

— Орки! К бою!

— Уру-Шака! — раздалось с той стороны стены. Матиас громко выругался — он прекрасно видел, ЧТО на них надвигается.

На стороне орков был могущественный маг в темном одеянии, которого прикрывал телохранитель и несколько орков-щитоносцев. Этот маг вызвал демона, адскую тварь, истинное воплощение Белиара, способную выдержать десяток попаданий мощнейших арбалетов, и этот демон шел впереди орочьего войска. Они пошли на штурм.

— Стреляй в мага! — крикнул Матиас и тут же скрылся за зубцом стены — несколько арбалетчиков из числа орков выбрали его своей целью. Ублюдки! Впрочем, от магии спрятаться было нельзя.

— Огненный дождь! — закричали на стенах. Черт! Паладин думал, что эпоха магии канула в лету вместе с падением Фаринга, но нет! Орки научились использовать без рун даже такие мощные заклинания. Матиас бросил взгляд на небо. Оттуда действительно летели горящие камни. Ну его к черту!

— А-а-а-а!

— Под стены! Под стены!

Матиас спрыгнул вниз, на палатку беженцев, и, едва не сломав себе ногу, бросился в сторону королевского замка. Раздался жуткий грохот — демон проломил ворота, но тут же напоролся на оставшихся в живых копейщиков, способных задержать даже самого Белиара, не то что его... ЧЕРТ!

Развернувшись, Матиас заметил, что маг вызвал второго демона, и через неприкрытые баррикады на севере принялись переползать орки. Внешнее кольцо пало.

— Внутрь замок, скорее, мать вашу! — кричал ошарашенный Кобрин — он не думал, что венгардские орки способны на такую атаку.

Хаос поразил ряды защитников последнего оплота Миртаны. Из королевского дворца на улицу высыпали городские маги и личная охрана монарха, готовая умереть, но не пустить орков внутрь. Тщетно!

Кобрин попытался было остановить бегущего во дворец Матиаса, но прилетевший орочий болт пробил доспех полководца, и тот рухнул на дорогой мраморный пол, не успев сказать ни слова. Паладин с отвращением оттолкнул от себя уже труп своего командира и пригнулся — старый маг огня, стоявший в дверях королевского замка, не заморачивался насчет выбора целей.

Матиасу стало страшно. Он за несколько мгновений потерял свой отряд целиком. Только что убили человека, которого он мог назвать если не другом, то хотя бы товарищем. А сейчас...

Матиас впервые в жизни видел такую магию. Маг в темном одеянии прижал ладонь к руне, висевшей у него на поясе, тут же озарив весь двор яркой вспышкой. Мгновение — и посреди двора стоял уже не старик, а гордая огненная ящерица, дышавшая огнем. О подобных существах ходило много легенд, и до сих пор никто в Миртане их не видел, но... Паладин принялся завороченно разглядывать неведомое существо, немедленно перешедшее в атаку. Одним вздохом оно превратило в пылающий факел зазевавшегося гвардейца. Тем временем, орки наседали.

Матиас поспешил скрыться в замке. Робар? Избранник Инноса в компании двух своих телохранителей направлялся в башню магов, и паладин последовал за ними.

Телохранитель, заметив погоню, едва не прирезал Матиаса, но тот закричал:

— Ваше величество! Позвольте быть с вами защищать вас!

Робар коротко кивнул — по лицу его было видно, что он напуган. До смерти напуган. Снизу раздался крик — орки уже прорвались во дворец, без особого труда преодолев заслон из магов и гвардейцев. Телохранители короля встали в боевую стойку, ожидая скорого нападения. Робар же, облаченный в золоченные доспехи, был готов разве что броситься в море, не желая биться. Даже приличная доза алкоголя, весьма заметная по характерному запаху, не придавала монарху смелости. Матиас же, в свою очередь, отошел назад, к книжному шкафу, за которым располагалось открытое окно. Они были загнаны в угол, но надежды найти выход паладин все еще не терял.

То, что произошло дальше, совсем не укладывалось в голове верного воина Инноса. В башню ворвался тот самый темный маг вместе со своим телохранителем, в мгновение ока разделавшимся с обоими защитниками короля. Матиас, увидев это, непроизвольно спрятался за шкаф, что было затруднительно сделать в тяжелых доспехах, но он сумел.

Он слышал звон короткой дуэли между Робаром и телохранителем, слышал, как рухнул на пол властитель Миртаны, слышал, как проворчал темный маг, слышал, как внутрь вошли орки и провели какой-то ритуал, слышал ужасный грохот и начавшийся дождь. Все это время Матиас стоял неподвижно, боясь издать даже шорох. Он даже боялся собственного резкого позыва выйти и прервать ритуал орков, перебив их всех своим мечом. Он боялся...

Вскоре все закончилось. Матиас не знал, сколько прошло времени. Несколько минут, часов, а может, уже и

дней?! В башне осталась лишь пара орков, которая негромко переговаривалась между собой:

— Он мертв... Кан будет недоволен.

— Кан должен быть доволен только лишь потому, что мы взяли Венгард и убрали проклятый барьер. Скажем, что в пылу боя он сам напоролся на боевую булаву... Вообще, все можно свалить на морра. Белиар их знает, как они тут билась...

Затаившийся за книжным шкафом Матиас принялся снимать с себя боевые доспехи — ничего другого ему не оставалось. Биться с толпой обезумевших после победы орков он желал, зная, что толку в этом никакого нет. Только бежать. Бежать... Как же мерзко это звучало сейчас, в тот день, когда королевство Миртана прекратило свое существование. Избавившись

— Морра?!

Черт! Его услышали. Куда же спрятаться? Глаз наткнулся на кладку парапета, выходящую далеко за пределы балкона. По ней, соблюдая должные меры предосторожности, можно будет дойти чуть ли не до западной башни. Деваться было некуда. Выдохнув, Матиас сделал первый шаг. Едва он успел скрыться за изгибом стены, молясь про себя всем богам, лишь бы не упасть, на балкон ворвались орки.

Матиас вжался в каменную стену и затаил дыхание. Он слышал негромкий разговор воинов-орков, осматривающих королевский замок. Они его не заметят, не заметят... Дождь расходился с еще большей силой. Это был его шанс на спасение. Мерзко чувствовать себя беглецом, но, Белиар его дерит, кто же хочет зазря погибать?! Оставался лишь один шанс. Дождавшись, когда орки вернуться во внутренние помещения, паладин зажмурился и, оттолкнувшись, прыгнул в холодное море.

***

— Проклятые морра! Долок, как ты мог поверить этим ублюдкам?!

Вопрос Аршака был слишком справедлив, чтобы Долок мог послать его к варгу под хвост. Кто же знал, что морра, обладавшие искусством телепортации, улизнут из дворца Зубена, не прихватив с собой орков?* Впрочем, Долок понимал, что в какой-то степени его отряд с самого начала был всего лишь инструментом, расходником в опасном деле цареубийства. Все прошло слишком быстро. Орк представлял себе штурм совсем по-другому. В его голове сразу рождались образы многотысячных армий, многодневных осад и кровопролитных боев. Но магия, наглость и неожиданность оказались куда выгоднее.

— Хватит болтать! Проверь крепость ворот — нам еще нужно выбраться отсюда живыми.

— Что-то я не думаю, что мы сможем выбраться отсюда живыми.

Долок вздохнул. Грубуц был прав — шансов на то, что они встретят завтрашнее утро, практически не было. Разве что...

— В любых дворцах морра есть черный ход, — внезапно вставил свое слово Гиббочч. — Должны же их вожди спасаться, когда враги окружили. Думаю, у хашшашинов тоже есть что-то подобное.

— Дельная мысль, — приободрился Аршак. — Что скажешь, Долок?

Орк задумался. Хм...

— Грубуц, Гиббочч! Ищите выходы. Если увидите кого из хашшашинов — убивайте на месте. Не хватало нам еще ножа в спину. Аршак, за мной.

Охотник усмехнулся. Видимо, ему бы куда меньше по вкусу пришлось рыться в многочисленных комнатах дворца властителя Варанта, нежели отстреливать проснувшихся обитателей Ишгара.

Долок с отвращением перерезал горло попытавшемуся подняться на ноги связанному стражнику, поднялся по позолоченной (боги, неужели хашшашинам больше некуда девать свое золото?) лестнице в небольшую галерею над воротами и сквозь бойницу выглянул на улицу.

Разумеется, атака на дворец не осталась незамеченной жителями Ишгара. С самых дальних концов столицы Варанта к дворцу прибыли воины, торговцы, и даже рабы, вооруженные какими-то копьями и топорами. Судя по внешнему виду, здешние рабы жили лучше многих миртаньских фермеров, что уж говорить про свободных вариантцев. Они утопали в роскоши, похоти и чревоугодии, пока на их благо трудились сотни и тысячи. Долоку стало противно.

— Смотри, какой важный, — взобравшийся вслед за командиром Аршак уже достал свой арбалет и заметил воина с двумя клинками за спиной, который раздавал приказы налево и направо.

— Убей его, — поморщился Долок.

— Да с радостью, — Аршак принялся натягивать тетиву.

Казалось, что для этого орка убийство морра было равно охоте на дикого зверя. Самое главное — меткий выстрел, которым можно сбить с ног любого. Уж что-что, а это делать Аршак умел. Прозвенела тетива.

— Уграсал! Уграсала убили! Всем в укрытие!

Ха-ха-ха. До чего же легко было напугать непривыкших к войне хашшашинов. Долок взвел свой арбалет. Кто-то из хашшашинов послал наугад стрелу, которая влетела в соседнюю с орками бойницу.

— Меткий ублюдок!

— Аккуратнее, Аршак! — Долок прицелился и пустил болт в зарвавшегося стрелка. Белиар! В последний момент лучник спрятался за каменный столб, и снаряд отлетел куда-то в песок.

— Надеюсь, эта парочка найдет вход как можно скорее.

— Если вообще найдет.

— Гиббочч, конечно, тот еще трус, но в мозгах ему не откажешь, — заметил орк-охотник, глянул сквозь бойницу и пустил болт куда-то в город. Немедленно раздался адский крик.

— Не стоит называть его трусом. Все-таки у храма в Бен Сала он доказал обратное.

— Он доказал, что его в серьезный бой посылать не стоит, — отмахнулся Аршак. — Будь против нас морра-рыщари, сегодня он был бы закопан в песок.

Постепенно хашшашины подтягивали к дворцу все больше своих воинов. Десяток рабов срубил какую-то городскую пальму, наскоро отесал ее и подтащил к воротам. Таран! Ишь чего задумали... Аршак застрелил еще двух лучников, но оказалось, что его запас болтов подходит к концу. Долок отстегнул от пояса свой колчан, передал его орку и спустился вниз. Настала пора покрепче укрепить ворота. Не хватало еще, чтобы хашшашины прорвались внутрь.

— Долок! Долок! — раздался откуда-то голос Грубуца.

— Да?!

— Мы нашли, что искали! Сюда, скорее!

— Аршак! Спускайся сюда, мать твою! Устроил тоже тир.

Искомый подземный ход оказался запрятан за одной из винных бочек в дворцовом погребе. Вход был изящно отделан резной плиткой, а вот дальше вел узкий туннель, примерно два-два с половиной фута в диаметре, укрепленный кое-где деревянными или каменными стойками.

— Уверен, что это то, что надо?

— Есть другие варианты?! — пожал плечами Гиббочч. — Думаю, хашшашины по ту сторону ворот не позволят нам задерживаться здесь еще сколько бы то ни было долго.

Долок задумался. Другого выхода и в самом деле не оставалось.

— Гиббочч и Грубуц! Вытащите винные бочки наружу, подожгите там, потом закройте погреб изнутри, ползите за нами. Все, быстрее!

Краш Тарагх пришлось толкать перед собой. Первым полз Аршак. Подсвечивая себе путь небольшим фонарем, украденным во дворце. Грубуц и Гиббочч, исполнившие приказ Долока, догнали прочих орков примерно через час. Сколько еще оставалось ползти, не знал никто.

Впрочем, довольно скоро вдалеке показался свет.

— Надеюсь, что этот туннель не выходит на рыночную площадь Иштара, — проворчал Грубуц.

— С твоим, Грубуц, оптимизмом тебе стоило идти в прорицатели, — отплевывался от попадающего в рот песка замыкающий Гиббочч. — Ты можешь меньше ногами своими отталкиваться?

— Ползу как могу, что тебе не нравится?

— Мне не нравится, что я похож на рудникового морра-раба.

— Заткнись вы там, оба, — вставил свое слово Аршак. — Я чувствую запах моря.

— Хорошо, ползем дальше.

Долок искренне радовался тому, что в его отряде не было могучих широкоплечих орков, способных одним ударом перерубить паладина в доспехах. Такой бы в столь узком тоннеле не поместился бы.

Вскоре он услышал, как бьются волны о побережье, запахло сыростью. Они все-таки сумели выбраться! С наигрязнейшей руганью Аршак вывалился из слегка прикрытой сухими ветками дыры и кубарем покатился вниз по склону.

— Ты там не расшибся?

— Белиар его дери! Тут же сам властитель хашшашинов ползти должен! Неужели нельзя сделать нормальный выход?! — ругался внизу орк.

Туннель выходил на крутой берег далеко к западу от Мора Сул. Кроме не слишком хорошо замаскированного входа (а зачем, в самом деле, тут ведь почти не ходили корабли), Долок мог обнаружить вокруг лишь скалы, редко растущие пустынные деревья, чаек и бесконечное море, над которым сгущались грозные тучи. Наконец-то многодневному путешествию в песках придет конец...

— Грубуц! Завали выход. Не хватало еще, чтобы хашшашины все-таки прорвались сквозь огонь и пустились за нами в погоню.

Орк пожал плечами и, взяв свой топор, заполз чуть подальше и парой ударов подломил опоры туннеля. Немедленно сверху посыпался песок. Гиббочч немедленно нырнул в туннель и вытянул идиота-орка за ноги обратно на воздух.

— Вот ум в тебе есть?!

Долок ничего не сказал, лишь покачал головой, отложил в сторону свой топор, присел на камень и закрыл глаза. Они были на свободе. Настала пора возвращаться домой, на север.

— Эб!

Голос Марика заставил Эба насторожиться. Второй день орки проводили в беспробудном пьянстве в честь захвата Монтеры, и абсолютно серьезный тон предводителя наемников мог заставить встревожиться кого угодно.

— Я слушаю.

— Выйдем на улицу.

Наемник лишь пожал плечами и повиновался. Даже легкий хмель, витавший до этого в голове Эба, куда-то немедленно испарился. Марик прикурил самокрутку от висевшего над входом в трактира фонаря и, посмотрев в глаза, произнес:

— Валить тебе надо, Эб.

— Что ты имеешь в виду?! — подобное предложение, да еще и исходившее от человека в столь высоком звании, было неожиданным.

— Что сказал. Кор-Шах заподозрил тебя в измене.

— Меня?! — у Эба чуть глаза не вылезли из орбит. — Я, мать их за ногу, принес на блюдечке Окару этим ублюдкам. Не будь меня — сейчас бы в Монтере два повстанца сидело, а они бы делали, что хотели!

— Я понимаю это, Эб. — Марик сделал глубокую затяжку. — Но оркам этого не докажешь. Кор-Шаху пришлось в голову, что это все слишком рискованный, но хорошо проработанный план повстанцев, чтобы без проблем взять Готу и, возможно, Монтеру. Именно твои сведения вывели из города большой отряд, который развязал лесным крысам руки. Сам понимаешь, Варек ему доверяет. Меня бы он даже слушать не стал. Я удивлен, что ты все еще разгуливаешь по городу. Мой тебе совет — беги.

Эба, наученного горьким опытом нескольких лет бандитской жизни, дважды уговаривать не пришлось.

— Спасибо, Марик. Надеюсь, у тебя не будет проблем из-за этого.

Командир наемников лишь махнул рукой.

— Сочтемся еще...

Коротко кивнув на прощание, Эб быстрым шагом направился к себе домой. Подумать только, орки обвиняют его в измене. Да, разумеется, дела у этих тварей шли вполне себе неплохо: они захватили столицу, убили короля, уничтожили Окару. Все даже слишком хорошо, если не считать одной неприятности. Та вылазка монтерского гарнизона в леса на севере действительно позволила повстанцам Роланда незамеченными пробраться в соседнюю с Монтерой Готу и взять ее под свой контроль. И куда только подевался страшный демон Белиара?! Когда воины Кор-Шаха вернулись в Монтеру, повстанцы уже уничтожили дозорный отряд орков и перекрыли дорогу на Фаринг, благо, несколько разведчиков донесли в пограничную крепость о появившихся проблемах. Уже на следующий день большой отряд, да что там отряд, войско элитных воинов Кана ворвалась в деревню Готы, но было поздно — повстанцы закрылись в крепости, и выкурить их оттуда представлялась практически невыполнимой задачей. Второй раз призывать демона никто не хотел.

По слухам, Кан был очень недоволен, послал гневное письмо командующему Вареку, в котором уведомлял последнего, что руководство войсками переходит вызванному из Сильдена Умбраку. Разумеется, монтерский вождь орков был взбешен, и принялся немедленно искать виноватых. А тут еще и подозрения Кор-Шаха...

Благо, у Эба никогда не было много вещей. Он уже закончил собирать свой мешок, когда в дверь постучали.

— Кто? — делая свой голос нарочито пьяным, спросил наемник.

— Открывай, морра! Тебя зовут в крепость, — раздался с той стороны сердитый голос орка-стражника. Судя по звукам шагов, он был далеко не один. Белиар!

Эб немедленно посмотрел на окно. Конечно, можно сбежать, но он знал, что орки тут же подадут сигнал, по которому стража перекроет все выходы из города. Не через крепостную же стену ему перелезть, в самом деле. Нужно было чем-то отвлечь их... Внезапно наемник наткнулся взглядом на небольшую баночку, погребенную под грудой украденных у горожан тряпок.

Порошок городского мага. Как там его звали? Виктор? Впрочем, плевать! Главное, Эб, помнил, чего не надо делать во избежание взрыва, и сделал точно наоборот. Он открыл окно, зажег у двери, в которую долбили орки-стражники, небольшой факел, вскрыл украденный некогда пузырек и со всей силы швырнул его в огонь.

БАХ!

Взрывной волной Эба вышвырнуло на улицу, его счастье, что по пути ему подвернулись копны из запасенного сена, а не торчащие из земли вилы. Первый этаж бывшего дома семейства Окарских запылал, к нему со всей Монтеры сбегались ошарашенные рабы, наемники и орки. Кто-то из стражников живым факелом выбежал на улицу, но его нельзя уже было спасти. Эб с трудом поднялся на ноги. Пора валить, еще несколько минут — и орки усилят отряды на выходах из города для предотвращения побега рабов.

Пора бежать.

Ферма Доменика, берег Южной реки, заросли, обломки лодки. Эб сам не помнил, как он сумел выбраться из Монтеры, как миновал опасный перевал, как обошел спрятавшихся у обочины бандитов. Лопаты у него с собой не было, пришлось рыть землю клинком верного палаша. Небольшой сундучок с припасенным золотом старика Окарсого, как и прежде, радовал глаз. Как и прежде, он был полон. Что ж, золото у него было. К оркам ему больше хода нет. К повстанцам — тем более. Куда податься? Эб прекрасно понимал, что одиночкой он долго не проживет. Снова собрать банду? Из кого? Да и захватившие власть орки вряд ли будут рады появлению еще одной шайки на своей земле.

А что, если... Эб много слышал о богатых землях Варанта, лежавших на юге. Он зачастую видел пузатых торговцев, чьи караваны бороздили просторы от Трелиса до Фаринга. Решено! Раскидав по карманам и поясным сумкам большую часть имевшегося золота, Эб прикопал обратно порядком опустевший сундучок, вытер палаш о траву и отправился вниз по течению реки.

***

От старого доброго Венгарда остались лишь воспоминания. Конечно, Пауль много слышал о ходе битвы, и предполагать встретить в столице прежнее великолепие было, по меньшей мере, наивно. Но то, что увидел Пауль, потрясло воображение.

Во всем городе не осталось ни одного полностью сохранившегося дома. По бедным кварталам столицы после штурма прокатился пожар, часть стен и крыш орки разобрали на костры, городские улицы были разрушены, завалены мусором, хламом, а кое-где и трупами. Несколько рабов снимали с мертвых «морра» доспехи и оружие, складывая их в большую кучу рядом с южными воротами. Другие рабы кидали тела на большую тележку, на которой их должны были доставить до ближайшего леса — на ближайшие несколько недель здешние варги будут сыты. Юстина, едва прибыла в город, отправилась в развернутый в одной из таверн госпиталь, где лечили орков, и ее немедленно попытались сделать рабыней. Впрочем, знак Ур-Гоша, выданный в честь окончания обучения, решил все недоразумения.

Паулю же ничего не оставалось, кроме как направиться напрямиком в бывший некогда королевским замок. Юстина в последнее время перестала быть его вечной спутницей всегда и везде. У нее появились свои интересы, свои знакомства, в том числе и в орочьей среде. Как там называли это ученые мужи? Ассимиляция? Кажется, так. Что ж, она прошла успешно.

Кан со своей свитой прибыл в Венгард еще вчера, своим появлением прекратив начавшийся грабеж города теми орками, что караулили Барьер с внешней стороны. По его мнению, которое можно было даже считать в какой-то степени справедливым, город грабить имели право только те орки, что все это время сидели под куполом, а после бились с лучшими силами короля. Разумеется, на королевский замок и его казну это не распространялось.

Пауль всю свою жизнь мечтал хотя бы одним глазком заглянуть в это помещение, запрятанное в катакомбах глубоко под Венгардом. Что ж, орки исполнили его мечту. Ему было велено не то что взглянуть на государственную казну, а еще ее и пересчитать, выдав в помощники уже знакомого Аркмачча.

Вел к казне длинный, хорошо освещенный коридор с резными стенами, который был в трех местах перегороден толстыми металлическими дверьми, когда-то охраняемыми могучими воинами, а теперь открытыми настежь.

— Вряд ли наши братья нашли это место до прибытия Кана, — заметил идущий впереди Аркмачч. — Надеемся, что золота там предостаточно.

— Там разве еще никого не было?

— Из тех, кого я знаю, нет. Кан велел никому не прикасаться к казне. Мало ли, украдут еще.

— А если там ловушки какие? — поинтересовался Пауль. Кто знает, что в голове было у Робара.

Аркмачч пожал плечами, дескать, плевать, справимся.

Конечно же, никаких ловушек в казне не было — все было строго функционально. Она представляла собой широкий коридор, вдоль стен которого стояли укрепленные стеллажи. На нижних ярусах располагались деревянные ящики, в которых были насыпаны золотые монеты, порою попадались монеты и других стран, например, южных островов или Варанта. В некоторых валялись украшения, в некоторых — оружие или слитки.

На верхнем ярусе лежали внавалку кожаные кошельки, до отказа набитые золотом. Стол, за которым обычно сидел казначей, был пуст — никаких счетных книг не виднелось. Черт...

— Надо найти сначала бумаги. Без них мы тут засядем надолго.

Аркмачч, готовый заниматься всю свою жизнь ерундой вроде подсчета монет, принялся выполнять приказание. Особыми военными талантами он никогда не обладал, что среди орков, безусловно, считалось слабостью, но отличался усидчивостью и довольно-таки острым умом, которые, сочетаясь с правильной родней — его отец в свое время был другом одного из верховных командующих орков — помогли ему стать счетоводом на службе Кана. Впрочем, никаких бумаг он не нашел, и ему пришлось отправиться наверх, в королевский замок.

Пауль остался наедине с собой. Когда-то давно он мечтал видеть такую кучу золота каждый день. Воспитанный в духе рода Окарских, он четко усвоил, что главное в жизни — тяжесть кошелька. А сейчас... Сейчас он не знал, был ли он рад своим достижениям. Ему до сих пор не давала покоя мысль о том, что он работает на орков, тех, кто захватил и уничтожил его страну. Конечно, можно было утешать себя тем, что та же Юстина под их властью спасла больше жизнью, чем некоторые маги-лекари за долгие годы. Можно было утешать себя тем, что у него не было особого выбора, что его заставили. Можно было утешать себя тем, что он не убивал людей, что он пытался спасти как можно большее их количество, что целью всей своей деятельностью он видел мир между орками и миртанийцами. Можно было много чем себя утешать. А что толку-то? Он работает на орков и точка. Больше говорить нечего.

Аркмач все не возвращался. Устав его ждать, Пауль расправил на столе свиток, пододвинул к себе перо с чернильницей, после чего с превеликим трудом стащил с нижнего яруса первый деревянный ящик, и принялся выкладывать на стол монеты, выставляя столбики по десять золотых в каждом. Примерно на третьей сотне Пауль уже потерял нить своих мыслей, в его голове остались лишь числа. Триста пятьдесят семь, триста пятьдесят восемь, триста пятьдесят девять...

Машинально Окарский откладывал в сторону подозрительные монеты, среди которых попадались как удивительно легкие, так и откусанные и откровенно фальшивые, на которых не всегда был даже правильно отчеканен герб Миртаны. Он делал это, совершенно не задумываясь, практически наощупь — уж слишком много таких монеток он передержал в своей жизни.

В первом ящике оказалось пятьсот сорок шесть монет, еще штук двадцать Пауль отложил в сторону, приготовив для них отдельный мешок. Судя по всему, королевские казначеи во время войны не сильно утруждали себя осмотром поступавшего к ним золота, ведь в те годы важнейшим делом было не качество «золотых», а их количество.

Аркмач вернулся только тогда, когда Пауль заканчивал пересчитывать третий ящик с монетами. Вернулся он с крайне растерянным видом, разумеется, безо всяких бумаг.

— Не нашел?

— Нет, — орк помотал головой. — Похоже, укрепления на юге, о которых мы говорили, Кану не понадобятся...

— То есть? — Пауль насторожился.

— Хашшашины собрали войска на границе, а неподалеку от Кап Дуна видели их боевые корабли. Будет война, морра.

Глава тридцатая. Мир без богов

— Нет-нет-нет! Вы можете продать меня, выменять, не-е-е-ет!

Не церемонясь, озлобленные орки выкинули толстого торговца Хабира за городскую стену. Накинутая на шею веревка резко натянулась, сломав ассасину шею. Торрус мрачно сплюнул.

— Милок! Неси сюда арбалетные болты!

Варантские лучники, которых, похоже, совершенно не смутила выходка защитников крепости Трелиса, послали в ее сторону еще одну тучу стрел. Подойти ближе, впрочем, они побаивались.

— Пранк, Капочч! Закройте все склады с продовольствием, приставьте охрану! Всю еду в общий котел! Воду тоже! Приготовиться к отражению штурма!

Надвигающуюся армию ассасинов дозорный отряд заметил еще около перевала, и, когда этот самый отряд прибыл в Трелис, гостившие внутри варантцы приступили к делу. Воины подло убили командующего Вака и его телохранителей, после чего все послы немедленно пытались запереться в главном доме крепости, благо, к тому времени орки уже пришли в себя, и диверсантов взяли, некоторых даже живьем.

Немедленно окрестности Трелиса огласили сигналы тревоги, и живущие неподалеку фермеры, прихватив свои припасы, направились под защиту стен. Едва лишь за последним из них закрылись ворота, на дороге показался авангард ассасинов.

Принявший командование Торрус пригнулся, спрятавшись за зубцом стены. Все пространство перед Трелисом заполнили стройные колонны воинов пустыни, готовых захватывать и убивать. Торрус пережил многое: Долину Рудников, заключение, бегство на север, пленение орками, рабство. Он не собирался сдаваться.

Война не закончилась, нет, орки лишь сменили противника. Да будут остры их топоры!

***

Он сам не понимал, как сумел добраться до берега. Матиас никогда не был хорошим пловцом, да и холодная вода сковывала его движения, но спустя час он все же почувствовал под ногами песчаное дно. О боги, о боги, наконец-то! Земля...

Матиас из последних сил сделал несколько шагов. Оставалось всего ничего, лишь бы в этом месте не было шныгов...

Паладин (или уже бывший паладин?) рухнул на берег, даже не пытаясь снять свою насквозь мокрую одежду. Свое оружие и свои сапоги он потерял в морской пучине, при нем оставался только дублет с фамильным гербом, который более не значил ровным счетом ничего. Он давно понимал, что война проиграна, но теперь, когда на его глазах орки ворвались в тронный зал и убили короля, в этом не было даже тени сомнения.

Худший день в его жизни. Возможно, что и последний. Не мог же он, как зверь, забиться в нору и ждать... Чего ждать? Он знал, что рано или поздно умрет. Раньше в этом был смысл — война богов, оборона до последней капли крови, ни шагу назад. А что сейчас? Выживание, сдача в плен, вступление в наемники? Каждый вариант представлялся Матиасу худшим. Может, не стоило выплывать? Не стоило сбрасывать сапоги и меч? Может, стоило просто тихо утонуть. Или дать оркам последний бой? Славная смерть, в отличие от того, что его ждало теперь. Пускай о его подвиге никто бы не узнал, но Иннос... Его бог увидел бы все. Или нет?

Иннос позволил случиться тому, что те, кто веровали в него, проиграли в войне. Позволил умирать самым верным своим слугам. Позволил бесславно сгинуть своему избраннику... А точно ли увидел бы?

Внезапно Матиас услышал шаги — кто-то шагал вдоль кромки моря, не разбирая дороги. Паладин резко вскочил, схватил валявшийся рядом камень, принял боевую стойку, пытаясь рассмотреть, кто же к нему идет. Красные цвета, потертые королевские мундиры, усталые лица. Это были повстанцы...

***

— Зачем морра такие большие города?

— Чтобы в одном месте жило много морра, — скусающе ответил наемник. Он все еще грустил о своей жене, оставленной на ферме около далекого ныне Хориниса. — Что за вопросы?

— Ну нет, зачем так-то? Они ж дохнуть начнут от любой заразы, так все тесно.

— Мубрак, откуда я знаю? Я сам на ферме живу. Может, тебе в трюме прилечь? Ты пьян, а скоро мы увидим ваших... наших вождей. В таком виде не пристало...

— Сам иди в трюм, морра. Я трезв как стекло!

С этими словами считавшийся когда-то ровней Кану командир орков прикрыл глаза и, кажется, начал засыпать стоя. Мэт — так звали наемника, стоявшего рядом с ним на палубе — покачал головой. Нет, хорошему мечу не пристало висеть на стене, иначе он начинает ржаветь.

— Аккуратно! Не хватало, чтобы вы еще весла о причал поломали!

Корабли, набитые орками и наемниками, прибыли в Миртану...

***

Где-то далеко от миртанийских берегов, в доме на небольшом забытом острове, сидел перед камином седой старец, обладавший магическим зрением. Ксардас, так его звали. Его имя, пожалуй, знал каждый мало-мальски сведущий воин или маг в мире. Внезапно он исчез из мира, отправившись в далекую страну, которой не было ни на одной карте. Всю свою жизнь он шел к этому. И он достиг своей цели.

Богов больше нет. Но смогут ли люди и орки жить в мире? Прекратить вечную вражду, навязанную им Белиаром и Инносом? Смогут ли направить всю свою мощь в нужное русло, развить технологии, магию, науку? Смогут ли остановить войны, переплавить алебарды и мечи в сохи и косы? Смогут ли?

Ксардас не знал. Он исполнил свое предназначение и ушел из этого мира. Остальное лежало на плечах того, кто раньше подчинялся богам, а теперь сам стал богом...

Больше книг на сайте - Knigoed.net